М.Н. Мосейкина, А.В. Антошин, Е.С. Голоусова

РУССКАЯ ДИАСПОРА В АРГЕНТИНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Москва
Российский университет дружбы народов
2022

УДК 323.113(=161.1):94(82)"19/20"(035.3)
ББК 63.5(=411.2)+63.3(7Арг)6
М81

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензенты:

профессор кафедры теории и истории международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета,
директор Центра Ибероамериканских исследований
доктор исторических наук *В.Л. Хейфец*;

профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
доктор исторических наук *З.С. Бочарова*

Мосейкина, Марина Николаевна
М81 Русская диаспора в Аргентине: история и современность : монография / М. Н. Мосейкина, А. В. Антошин, Е. С. Голоусова. – Москва : РУДН, 2022. – 290 с. : ил.

Монография посвящена истории и современному состоянию русской диаспоры в Аргентине. В фокусе исследования – выявление региональных особенностей формирования русской общины в данной стране, изучение правового статуса мигрантов в тесной связи с государственной миграционной политикой Аргентины. Представлен анализ процессов экономической и социокультурной адаптации мигрантов, пути и формы сохранения ими национальной идентичности. Охарактеризована позиция русской общины в условиях глобальных конфликтов XX в. Особое внимание уделено анализу современного состояния Русского мира в Аргентине, его институциональной структуры, места в аргентинском обществе.

Издание адресовано специалистам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется проблемами русского зарубежья и диаспоральной политики.

ISBN 978-5-209-11276-1

ВВЕДЕНИЕ

Тема взаимоотношений между Россией и зарубежными соотечественниками давно привлекает внимание академического сообщества. Однако в центре внимания долгое время находились те русские общины, которые базировались в ключевых центрах Русского зарубежья – Париже, Нью-Йорке, Праге, Италии, Харбине в 1920–1930-е гг. При этом достаточно слабо исследован вопрос о том месте, которое занимают русские общины в принимающих обществах, их политическом и экономическом весе в странах пребывания. Между тем данные аспекты являются принципиально важными, поскольку дают возможность российским государственным структурам, отвечающим за взаимодействие с зарубежными соотечественниками, более эффективно осуществлять свою деятельность. С этой точки зрения важен анализ исторических этапов формирования и современного состояния русской общины в Аргентине, практик взаимодействия диаспоры и родины. Актуальность изучения данной проблемы обусловлена важностью латиноамериканского направления внешней политики современной России в условиях новой геополитической ситуации. При этом ощущается острая потребность квалифицированного анализа ситуации в данном регионе, выявления тех общественных групп, на которые может опираться российская дипломатия сегодня. Одной из них могут стать и зарубежные соотечественники.

Всплеск научного интереса к проблемам диаспоральной тематики пришелся на конец 1970-х – начало 1980-х гг. XX в. и был обусловлен миграционными процессами, принявшими в тот период глобальный характер. «В результате широкомасштабной миграции огромные массы людей пе-

реместились в другие страны и на другие континенты. Оказавшись за пределами своей родины, в новой, непривычной для них среде, эмигранты стремились либо влиться в уже существовавшие иммигрантские сообщества, либо создать новые»[1]**.** Данные проблемы нашли отражение как в отечественной историографии (З.С. Бочарова[2], В.И. Дятлов[3], Т.С. Илларионова[4], Т.С. Кондратьева[5], З.И. Левин[6], А.В. Милитарев[7], М.Н. Мосейкина[8], Е.И. Пивовар[9], Т.В. Полоскова[10], В.Д. Попков[11], В.А. Тишков[12], Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова[13]),

---

[1] *Кондратьева Т.С.* К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы. – 2009. – № 4. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12958313_60617806.pdf (дата обращения: 11.02.2022).

[2] *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.

[3] *Дятлов В.И.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 8–23.

[4] *Иларионова Т.С.* Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). – М., 1994.

[5] *Кондратьева Т.С.* К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы. – 2009. – № 4.

[6] *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М.: ИВ РАН «Крафт+», 2001. – 170 с.

[7] *Милитарев А.Ю.* О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. – 2005. – № 3.

[8] *Мосейкина М.Н.* Диаспоральная дипломатия России в странах Латинской Америки: исторический опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – Т. 15. – № 4. – С. 66–75.

[9] *Пивовар Е.И.* Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. – М.: РГГУ, 2019. – 439 с.

[10] *Полоскова Т.В.* Диаспоры в системе международных связей. – М.: Науч. книга, 1998. – 199 с.

[11] *Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 340 с.

[12] *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова, Г. Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С. 9– 44.

[13] *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 33–42.

так и в зарубежных исследованиях (Брубейкер[1], Коннор[2], Cohen[3], Safran[4], Sheffer[5], Esman[6]). В данных работах анализируется феномен диаспоры и диаспоральной политики. Вместе с тем одной из главных проблем по-прежнему является отсутствие универсального общепринятого определения данного понятия.

Как отмечает Т. Кондратьева, изначально под диаспорой понимали «расселение евреев со времен Вавилонского плена в VI в. до н.э. вне Палестины. Постепенно термин стал применяться и по отношению к другим религиозным и этническим группам, живущим в новых районах своего расселения. В широком смысле значение «диаспора» означает «землячество, национальное меньшинство»[7].

Стоит отметить, что ряд экспертов исходят из широкого толкования данного термина и определяют диаспору как часть этноса (или религиозной группы), живущую за пределами страны своего происхождения, в новых для себя местах. Некоторые ученые при этом уточняют, что эти иноэтнические или иноконфессиональные группы находятся на положении этнического меньшинства[8].

---

[1] *Брубейкер Р.* «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. – 2000. – № 3. – С. 6–32.

[2] *Connor W.* The impact of homeland upon diasporas // Modern diasporas in intern. politics / ed. by G.L. Sheffer. – 1986. – P. 16–38.

[3] *Cohen R.* Global diasporas: An introduction // Global diasporas / ed. by R. Cohen. – Second edition. – N. Y., 2008.

[4] Diaspora in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora A Journal of Transnational Studies. – 2011. – № 1 (1). – P. 83–99.

[5] *Sheffer G.* Diaspora politics: at home abroad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

[6] *Esman M.J.* Diasporas and international relations //Modern diasporas in intern. politics / ed. by G. Sheffer. – N.Y., 1986.

[7] *Кондратьева Т.С.* К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы. – 2009. – № 4. – С. 17.

[8] *Лысенко Ю.* Этнические методы. Диаспоры как фактор международных отношений // Ex libris НГ (Приложение к «Независимой газете»). – 15 октября 1998.

В основе этимологии термина диаспора – разъединение (греч. διασπορά – рассеяние, от διασπείρω – рассеивать, разбрасывать, разъединять). Поэтому диаспору долгое время было принято связывать с изгнанием и передающейся от поколения к поколению коллективной памятью о покинутой родине. С течением времени толкование термина претерпело некоторые изменения. Современные ученые акцентируют внимание на разных компонентах данного понятия. Так, исследователь Вертовец предлагает рассматривать диаспору одновременно как социальную форму, как тип сознания и как способ культурного производства[1].

В свою очередь, Ж. Тощенко и Т. Чаптыкова убеждены, что диаспора – «это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности»[2]. По мнению американского исследователя М. Эсмана, диаспора – это «группа этнического меньшинства, имеющая иммигрантские корни и поддерживающая эмоциональную и материальную связь со своей родиной» [3].

Еще один американский исследователь Р. Брубейкер акцентирует внимание на взаимосвязи диаспоры с принимающим обществом и ее особым отношением к исторической родине. Отсюда утверждается, что «под диаспорой стоит понимать как минимум рассеяние этноса в простран-

---

[1] *Vertovec S.* Wessendorf S. Introduction: assessing the backlash against multiculturalism in Europe // The Multiculturalism Backlash: European Discourses, Policies and Practices / ed. by S. Vertovec, S. Wessendorf. – London: Routledge, 2010. – P. 1–32.

[2] *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 33.

[3] Esman M.J. Diasporas a. international relations // Modern diasporas in intern. politics politics / ed. by G. Sheffer. – N.Y., 1986. – P. 237.

стве и его отношение к реальной или воображаемой родине, на которую диаспора, несмотря на отделение, продолжает ориентироваться эмоционально или политически»[1].

Авторы разделяют точку зрения академика В. Тишкова, который отмечает: «Диаспора – это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективных связей, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Диаспора отличается от тотальной рутинной миграции». Иными словами – диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность[2].

Также важно отметить, что ряд ученых, говоря о жизни русскоговорящего сообщества за рубежом, фокусируются на концепте «Русский мир». При этом важно отметить, что точного определения данного понятия не существует, а есть различные подходы к его трактовке. Можно выделить два основных – цивилизационный и лингво-семиотический[3]. В рамках первого подхода «Русский мир» понимается как уникальная цивилизация, имеющая в основе православие, народный дух и традиции, русскую письменную культуру, философию, литературу. Ученый Н.И. Костомаров склонен отождествлять понятия «Русский мир» и «славянский мир»[4].

---

[1] *Брубейкер Р.* «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. – 2000. – С. 45.

[2] *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнопанорама. – 2000. – № 2. – С. 4.

[3] *Кривопусков В.В.* Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2016. – № 1 (174). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-russkiy-mir-printsipy-i-vozmozhnosti-metodologicheskih-podhodov (дата обращения: 20.01.2022).

[4] *Костомаров Н.И.* Славянская мифология. – М.: Юрайт, 2019. – С. 12.

Отметим, что существует ряд подходов к трактовке данного понятия. Выделим три основных: культурно-цивилизационный, религиозный и геополитический (диаспоральный).

Согласно первому подходу, «Русский мир» – это особая цивилизация (общность людей и народов), основным признаками принадлежности к которой являются:

1) общие ценности, традиция и обычаи;

2) русский язык и культура;

3) единые представления об общей исторической памяти.

В основе религиозного подхода лежит заявление в качестве ключевого признака принадлежности к «Русскому миру» не русского языка и культуры, а православия и Русской православной церкви, которые рассматриваются как базовые ценности, а также культуро- и государствообразующие факторы становления и развития российской цивилизации. Таким образом, в контексте религиозного подхода логичным стало говорить не столько о русском, сколько о православном мире. В рамках геополитического подхода причастность к «Русскому миру» определяется по языковому признаку, факту принадлежности к общей исторической родине (Российская империя, СССР, Российская Федерация), а также степени лояльности к России, ее внешней и внутренней политике. Как заявил Президент России В. Путин, Русский мир выступает не только формой исторической общности, но и духовной основой: «Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и культур. И основу духовности самого российского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий»[1]. Применительно к данному исследованию, полагаем, что будет логичным в

[1] *Тишков В*. Русский мир: смысл и стратегии. – URL: https:// viperson.ru/articles/valeriy-tishkov-russkiy-mir-smysl-i-strategii (дата обращения: 1.03.2022).

определенных случаях использовать термины русскоязычная диаспора и концепт «Русский мир» в синонимичных значениях, делая акцент на общности смыслообразующих концептов и идей.

В условиях протекающих миграционных процессов и происходящих в связи с этим межкультурных контактов и взаимодействий встает проблема сохранения культурно-цивилизационной идентичности их участников. Само понятие «идентичность» начало использоваться лишь в XX в. – сначала в психологии и позднее – в социологии и антропологии[1]. Солидный вклад в развитие теории идентичности внес американский ученый Эрик Эриксон. Изначально его работы были известны в основном в среде профессиональных психологов. Однако к концу 1950-х гг. они стали вызывать все больший интерес у социологов и антропологов, который сохраняется до сих пор. В конечном счете именно благодаря идеям Эриксона в 1970–1980-е гг. идентичность приобрела статус категории междисциплинарного знания[2]. Ученый полагал, что идентичность – это основа для формирования любой личности и показатель психосоциального благополучия. Феномен, который интересовал Эриксона, – переживание индивида себя как целого, непрерывность самопереживания индивида. Он отмечал, что «чувство идентичности обеспечивает способность ощущать себя обладающим непрерывностью и тождественностью и поступать соответственно»[3].

Идентичность тесно связана с такими понятиями как «индивид», «социум», «личность» и «самоидентификация». Ее типологизация будет во многом зависеть от того, на ка-

---

[1] *Орлова Э.А.* Концепции идентификации/идентичности. Антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. 5. – URL: https://ws.studylib.ru/doc/2586456/orlova-e-.a.-koncepcii-identifikacii-identichnosti (дата обращения 1.06.2022).

[2] *Erikson E.H.* Young man Luther: A study in Psychoanalysis and History. – N.Y.: Norton, 1958.

[3] Там же. – С. 75.

кую референтную группу будет направлено восприятие конкретного индивида в данный момент. В связи с этим можно выделить разные виды идентичностей: гражданскую, профессиональную, религиозную, культурную, этническую, политическую[1]. Например, для представителей южно-европейских стран, таких как Испания, Италия, на первом месте будет стоять региональная идентичность, они прежде всего мыслят себя жителями конкретного региона – Каталонии, Андалусии, Галиции, Валенсии, Калабрии, Катании и пр. Для латиноамериканской культуры свойственно обращать внимание на этническую общность (самбо, мулат, метис), а также на регион проживания. В западной культуре в последнее время популяризирован тренд, в соответствии с которым особое внимание уделяется гендерной идентичности.

В данном исследовании мы будем фокусироваться на культурной идентичности. Известный американский исследователь С. Холл выделяет два подхода к данному понятию. Согласно одному из них, культурная идентичность представляет собой коллективную историю, разделяемую отдельными людьми, и она тесно связана с расой или этнической принадлежностью. Однако культурная идентичность может пониматься и как неустойчивое и даже противоречивое понятие, проявляющееся у разных индивидов как в их сходствах, так и в различиях[2].

Культурная идентичность способствует осознанию собственного «я» с позиции культурных характеристик, принятых в данном обществе, а также самоотождествлению себя с его культурными образцами[3]. Согласно концепции Л.В. Мельни-

---

[1] *Гончарова И.К., Липец Е.Ю.* К определению понятия «культурная идентичность» в контексте глобализации // Theory and History of culture. – URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2019-1/2-goncharova-lipets.pdf (дата обращения: 1.06.2022).

[2] *Hall E.T.* The silent language. – Greenwood Press, 1980. – P. 156.

[3] *Копрянцева М.В.* Культурная идентичность иммигрантов в условиях глобализации. URL: https://elis.psu.ru/node/387626 (дата обращения: 1.06.2022).

ковой можно выделить три основных подхода в исследовании проблемы культурной идентичности. Первый – цивилизационный, который объединяет проблему культурной идентичности с проблемой цивилизационной идентичности России, а также приводит к поиску национальной идеи. Личностный подход нацелен на изучение процессов личностной и культурной идентификации, личной идентичности. И, наконец, социологический подход «исследует сложные отношения между личностной идентичностью и коллективными, социально-групповыми и цивилизационными идентичностями, опосредованными идеологическими процессами»[1].

Проблема формирования и развития культурной идентичности у представителей конкретной диаспоры также находится в центре внимания исследователей[2]. Часть из них склонны говорить о риске утраты культурной идентичности эмигрантами. «Люди, которые мигрируют, склонны испытывать напряжение, влияющее на их психическое состояние, включая утрату культурных норм и изменения их идентичности. Это происходит в результате приспособления индивида к доминирующей культуре и адаптации к новому образу жизни. Потеря культурной самобытности иммигрантов выражается в изменении таких компонентов

---

[1] *Мельникова Л.В.* Проблема культурной идентичности: концептуальные подходы // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kulturnoy-identichnosti-kontseptualnye-podhody (дата обращения: 20.03.2022).

[2] *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. – М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1993; *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2001; *Давыдов В.М.* Цивилография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. – М.: ИРИ РАН, 2006; Трансформация идентичностей: опыт Европы и России: Сб. научных статей: в 2 ч. / под ред. Е.В. Викторовой. – СПб: СПбЭУ, 2021; *Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А.* Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 52–79; и др.

культурной и этнической идентичности, как язык, ценности, привычки, религия, традиции»[1].

С точки зрения индивидуума, человек, который оказался в новой социокультурной среде, словно попадает в новую реальность. Происходит своего рода столкновение между двумя культурами – домашней (родной) и принимающей (чужой). «Теперь нужно всему заново учиться – начиная с языка и кончая новыми нормами, связанными с правилами и порядками, стилем коммуникации в профессиональной и повседневной жизни. У некоторых на это могут уйти годы, а то и десятилетия»[2], – рассказывает Алина С. (проживает за пределами России с 1999 г.).

Процесс усвоения личностью элементов другой культуры, ведущий в дальнейшем к адаптации личности к принимающей культуре, есть не что иное, как аккультурация. Одним из первых ученых, представивших теорию аккультурации, был канадский психолог Дж. Берри. Он определил это понятие как явление, возникающее, когда группы людей разных культур вступают в прямой и длительный контакт. Такое общение приводит к изменению элементов оригинальной культуры одной или обеих групп. Обычно об аккультурации говорят применительно к общности людей, группе или индивиду, которые проживают в странах или регионах, отличных от тех, где они родились. Таким образом, предметом исследования здесь может стать жизнь иммигрантов, студентов по обмену, профессионалов, которые уехали из своей страны в другую на длительный период, а также беженцев, лиц, находящихся в поисках убежища[3].

---

[1] *Копрянцева М.В.* Культурная идентичность иммигрантов в условиях глобализации. – URL: https://elis.psu.ru/node/387626 (дата обращения: 1.06.2022).

[2] Личный архив Е.С. Голоусовой.

[3] *Berry J.W.* Acculturation: living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. – 2005. – № 29 (6). – P. 697–712.

По мнению Дж. Берри, процесс аккультурации тесно связан с ответом на два основополагающих вопроса, которые задает себе каждый иммигрант:

1. Насколько для него важно сохранить собственную культурную идентичность?

2. Насколько важно быть включенным в принимающую культуру?[1]

В зависимости от комбинации ответов на эти вопросы выделяют четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Ассимиляция – вариант аккультурации, при котором эмигрант полностью идентифицируется с новой культурой и отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит. Сепарация связана с отрицанием у представителей этнического меньшинства культуры большинства и стремлением сохранить свои этнические особенности. Об этнокультурной маргинализации можно говорить в том случае, если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства. И, наконец, четвертая стратегия – интеграция – характеризуется, с одной стороны, установлением связей с принимающей культурой, так и сохранением прочных уз с родной культурой.

На то, какой будут стратегия адаптации (от англ. *adaptation* – приспособления к жизни в новой социокультурной среде) и характер аккультурации мигрантов, влияет целый ряд факторов. Так, ученые выделяют субъективные и объективные факторы. К объективным относят: гендер, возраст, образование, культурную дистанцию, условия культуры пребывания, особенности принимающей культуры, наличие гражданства[2].

[1] *Berry J.W.* Acculturation: living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. – 2005. – № 29 (6). – P. 697–712.

[2] *Левина-Крамер Е.А.* Факторы формирования культурной идентичности личности в чужой культуре // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2009. – № 3 (69). – С. 157–164.

Понятие культурной дистанции было введено английскими психологами А. Фэрнхемом и С. Бочнером, которые использовали идею классификации культур по степени их различий[1]. По мнению Бережановой, культурная дистанция может способствовать формированию негативного образа иной культуры в групповом сознании[2]. По мнению Левиной-Крамер, на процесс формирования новой культурной идентичности влияет даже не сама культурная дистанция, а представление человека о ней, его ощущение культурной дистанции, которое зависит от многих факторов, в том числе от наличия или отсутствия конфликтов в родной или чужой для него культуре, знание языка, владение культурными кодами. Причем важно заметить, что субъективно культурная дистанция может восприниматься как более далекая или как более близкая, чем она есть на самом деле[3].

Данные методологические аспекты позволяют реконструировать историю зарождения и формирования русской диаспоры на латиноамериканском континенте и, в частности, в Аргентине. Данная тема давно привлекала внимание отечественных исследователей и представителей научного сообщества Русского зарубежья.

Теоретические аспекты проблемы адаптации анализировались в работах известного советского и российского историка академика Ю.А. Полякова, который выделял ряд факторов, непосредственно влиявших на процесс адаптацию иммигрантов в новом обществе.

---

[1] *Фернхем А., Бочнер С.* Психология длительного пребывания за рубежом: студенты // Развитие личности. – 2001. – № 2. – С. 136–168.

[2] *Бережанова А.А.* Культурная дистанция как фактор межкультурной адаптации студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2010. – № 1. – С. 79–83.

[3] *Левина-Крамер Е.А.* Факторы формирования культурной идентичности личности в чужой культуре // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2009. – № 3 (69). – С. 157–164.

В их числе:

– наличие или отсутствие государственной системы помощи прибывающим в страну переселенцам;

– наличие соответствующей этнической общины (землячества) в принимающем обществе;

– специфика международной ситуации[1].

Следует отметить, что применительно к странам Латинской Америки (в частности, к ситуации в Аргентине) эти сюжеты специально анализировались в работах А.И. Сизоненко[2], Э.Г. Путятовой[3], Л.С. Хейфеца и В.Л. Хейфеца[4], Б.Ф. Мартынова[5], С.Ю. Нечаева[6], С.В. Рязанцева и М.Н. Храмова[7] и др.

Анализ источниковой базы проблемы повседневности в контексте проблем адаптации русской эмиграции в Аргентине был представлен в работах М.Н. Мосейкиной[8]. Она указывает на особую важность при изучении данной про-

---

[1] См.: *Поляков Ю.А.* Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического опыта // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 12–13.

[2] *Сизоненко А.И.* Русская диаспора в Латинской Америке: проблемы сохранения национальной самобытности // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. – М.: ИРИ РАН, 1996. – С. 146–151.

[3] *Путятова Э.Г.* Россия и Южная Америка: трудовая эмиграция и дипломатические отношения в конце XIX – начале XX в. – СПб: Изд-во Политехнического ун-та, 2006. – 158 с.

[4] *Хейфец Л.С., Хейфец В.Л.* Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения. – М.: РОСПЭН, 2019. – 759 с.

[5] *Мартынов Б.Ф.* Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. – М.: Воениздат, 2006. – 239 с.

[6] *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – М.: Вече, 2010. – 320 с.

[7] *Рязанцев С.В., Храмова М.Н.* Русскоязычное население в странах Латинской Америки. Их настоящее и будущее // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2016. – № 6. – С. 5–15.

[8] См.: *Мосейкина М.Н.* Русские в странах Латинской Америки в 20–30-е гг. XX в.: повседневность колонизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2003. – № 2. – С. 153–166.

блемы источников личного происхождения, прежде всего, мемуаров эмигрантов. «Ценность изучения мемуаров, – подчеркивает историк, – заключается в том, что через личные воспоминания можно проследить судьбу отдельного человека, кем он был до эмиграции, кем стал вне родины, как протекал процесс физической и духовной акклиматизации, какие изменения происходили в социальной психологии человека в новых условиях. Через мемуары раскрывается механизм, формировавший и определявший состояние адаптации представителей Белой эмиграции, который, в свою очередь, испытывал воздействие на него окружающей природной, социальной и культурной среды»[1].

В последние годы авторами произведений, посвященных различным аспектам истории белой эмиграции в Аргентине, становятся сами эмигранты, длительное время прожившие в этой стране[2]. Тем не менее по-прежнему актуальным является анализ русской эмиграции в Аргентине как целостного исторического и культурного феномена, проведенный на основе использования материалов из российских и зарубежных архивов, эмигрантской периодики, эго-документов, а также устной истории. Данная монография основана на документах, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва), Архиве внешней политики Российской Федерации (Москва), Архиве Дома Русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва), Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк),

---

[1] *Мосейкина М.Н.* Повседневность русской военной эмиграции первой волны в Латинской Америке: к вопросу о состоянии источниковой базы проблемы // Нансеновские чтения – 2012. – СПб: РООО ИКЦ «Русская эмиграция», 2014. – С. 263.

[2] *Андрушкевич И.Н.* Русская Белая эмиграция (историческая справка). – URL: http://ricolor.org/history/re/30 (дата обращения: 11.01.2021); *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине. – URL: http: // emigrantika.ru/publications/838-bookiv (дата обращения: 11.01.2021); *Она же.* Русская жизнь в Аргентине. – Пенза, 2018. – 321 с.

Архиве Музея Русской культуры в Сан-Франциско, Отделе специальных коллекций библиотеки Джорджтаунского университета, Архиве восточноевропейской истории и культуры Университета Бремена и др. Опираясь на данные материалы, авторы монографии стремятся создать целостный портрет русской эмиграции в Аргентине в связи с историей становления русской диаспоры в этой стране. Настоящее исследование является продолжением серии публикаций авторов и содержание первой главы частично основано на изданных ранее работах, посвященных истории Русского зарубежья в странах Латинской Америки конца XIX в. – начала XX в.[1]

Выражаем благодарность за помощь при сборе информации Элиде Бустос, Дмитрию Фоминых, Валерию Еремину, Леонардо Голованову.

[1] *Мосейкина М.Н.* Обустройство русских беженцев и перемещенных лиц в послевоенной Аргентине // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10. – № 2. – С. 485–500; Rethinking Post Cold-War Russian-Latin American Relations / ed. by V. Rouvinski, V. Jeifets [коллективная монография]. – London: Routledge, 2022. – 302 p.; *Мосейкина М.Н.* Институты русской эмиграции в странах Латинской Америки (1920–1930-е гг.) // История: электронный научно-образовательный журнал. – 2021. – Т. 12. – № 2 (100); *Мосейкина М.Н.* У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. – М., СПб: Алетейя, 2014. – 390 с.; *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. – М.: РУДН, 2011. – 388 с.; *Мосейкина М.Н.* Русские в странах Латинской Америки в 20–30-е гг. XX в.: повседневность колонизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2003. – № 2. – С. 153–166; *Антошин А.В.* Российские эмигранты в условиях холодной войны (середина 1940-х – середина 1960-х гг.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 659 с.; *Антошин А.В.* Рядом с Юрием Слепухиным: русские солидаристы в Южной Америке после Второй мировой войны (по материалам архивов США и Германии) // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения – 2014. – СПб: Фонд Слепухина; Петрополис, 2015. – С. 47–59.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В АРГЕНТИНЕ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX В.)

1.1. У истоков русской общины Аргентины

В России сам факт эмиграции рассматривался как негативное явление, и потому долгое время законодательно не регулировался и более того в соответствии с принятым в 1885 г. Уложением о наказаниях классифицировался как «недозволенное оставление Отечества». Но поскольку желающих выехать за пределы отчества было много в силу экономической ситуации, внутренней национальной и религиозной политики, то этим пользовались агентские конторы, которые занимались нелегальным набором мигрантов прежде всего за океан. Подобный агентский промысел осуществлялся с подачи правительств тех стран, которые были заинтересованы в иностранной рабочей силе, и в этом им содействовали различные пароходные компании, которым подобный промысел по массовой перевозке людей приносил весомую прибыль. В России вплоть до начала XX в. пропаганда эмиграции была уголовно наказуема.

К концу 1890-х гг. российские законы в области иммиграции несколько ослабли, однако специального иммиграционного законодательства так и не было выработано. После создания «Добровольного флота» и с открытием в 1908 г. русско-американской линии «Либава – Нью-Йорк» допускалась перевозка эмигрантов и грузов из России на русских судах и под русским флагом.

К тому времени ряд стран латиноамериканского континента (включая Аргентину) были заинтересованы в евро-

пейской иммиграции в целях ускорения собственного экономического развития, роста общей численности населения и одновременного «улучшения расы». Впервые на государственном уровне цели миграционной политики Аргентины были зафиксированы в Конституции, принятой в 1853 г., которая гарантировала свободный въезд в страну иностранцев, приезжавших «с целью обрабатывать землю, содействовать развитию промышленности, распространять науки»[1]. Конституцией гарантировалось равенство всех перед законом (без «преимуществ крови и рождения»), включая право на занятость, образование, передвижение, свободу слова, совести. Через 2 года допускалось предоставление гражданства (право «натурализоваться»). В дальнейшем аргентинское иммиграционное законодательство продолжало развиваться, что нашло отражение в законах о «Гражданстве и натурализации» (1869 г.), «Об иммиграции и колонизации» (т.н. «Закон Авельянеды», 1876 г.), благодаря чему регулировались вопросы иммиграции и отдельно колонизации пустующих территорий. В стране было создано Национальное миграционное управление, осуществлявшее в целом функции надзора за исполнением закона в отношении иммигрантов[2]. Трудовыми предложениями для иммигрантов в стране занимались специально созданные Бюро по трудоустройству. На основе «Закона Авельянеды» с 1890 по 1930 г. в Аргентине был принят самый большой иммиграционный поток[3].

Выходцы из России в этой латиноамериканской стране занимали третье место после итальянской и испанской эмиграции. В 1870-е гг. из России в Аргентину прибыло

---

[1] Constitucion Argentina de 1853; История государства и права зарубежных стран. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/istrp/40.php (дата обращения: 15.03.2021)

[2] *Альварес К.Х.* Интеграция русскоязычных иммигрантов в аргентинское общество: национальные особенности и глобальные тенденции: дис. … канд. полит. наук. – СПб, 2005. – С. 120.

[3] Там же. – С. 118–119.

0,4 тыс., в 1890-е гг. – 22,4 тыс. человек. Всего, по различным данным, с 1851 по 1920 г. в Аргентину переселилось около 163,8 тыс. чел.[1]; из них выходцы из России составили около 100 тыс. человек[2].

Это была главным образом трудовая эмиграция, вербовкой которой, в том числе в России, занимались агенты, которые заключали контракты о перевозке переселенцев, вели их регистрацию. Известно, что подобный бизнес стал вскоре предметом спекуляции. В результате многие эмигранты, в их числе были крестьяне, отправлявшиеся на временные заработки за океан, порой выезжали полулегально без документов и потому оказывались в бедственном положении. По сообщениям российского Министерства иностранных дел, на 1890 г. из 74 тыс. российских эмигрантов, выехавших в Аргентину, 29 тыс. вернулись в Европу (т.е. почти 40%). И лишь у 10% пожелавших покинуть страну пребывания выявлялись необходимые документы[3].

Летом крестьяне работали на полях, зимой – на фабриках и железных дорогах, многие устраивались работать на мясохладобойнях, некоторые занимались мелким бизнесом. При этом иммигрантам нужно было адаптироваться к жизни в совершенно иной географической и природной среде. Климат в их родной стране сильно отличался от климата в Аргентине. «Зимой переселенцы страдали от холода, а летом от нестерпимой жары». Первых колонистов, оказавшихся в Санта-Фе (провинция в восточной части Аргентины), оставили в чистом поле под открытым небом. М. Басанин так описывал ситуацию: «Никакого подобия жилища, была осень, дожди поливали местность, голое поле, где их

---

[1] Миграционные процессы в России и СССР. – Вып. I. – М., 1991. – С. 79.

[2] *Путятова Э.Г.* Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX – начало XX в.) // Латинская Америка. – 2005. – № 7. – С. 75.

[3] *Мосейкина М.Н.* У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. – М., СПб: Алетейя, 2014. – С. 108.

оставили с их пожитками, диким скотом, бегающим по степи. Их сумки, чемоданы, белье, – все это плавало, все портилось, гнило, а сами они сидели в воде и не имели возможности от нее укрыться. Помимо этого, настоящим бедствием для колонистов были набеги саранчи, которая на протяжении многих лет уничтожала весь урожай» [1].

В силу особенностей внутриполитической ситуации в стране дореволюционный поток из России дополняли национальная (немцы, евреи, украинцы, белорусы, поляки, армяне, литовцы) и религиозная эмиграция (прежде всего представители некоторых сектантских групп), а также незначительная политическая (главным образом леворадикальная) эмиграция.

Одной из самых высоких в Европе с конца XIX в. была миграционная активность немецкого населения России. Аргентинское направление эмиграции немцев Поволжья становится одним из основных наряду с Северной Америкой. Среди причин были прежде всего экономические, связанные с ухудшением положения в немецких колониях на Волге (когда произошла ликвидация привилегий российских немцев), с усилением «земельного голода», а также национальной политикой властей и опасениями русификации.

К этому времени аргентинские власти специальными законами гарантировали переселенцам предоставление кредитов, освобождение от прямых налогов на десять лет, свободу вероисповедания и самоуправление колоний. Всего к 1910 г. в Аргентине оказалось до 45 тыс. немцев из России, создавших десятки немецких колоний в провинциях Буэнос-Айрес, Энтре-Риос, Санта-Фе[2].

В тот же период наблюдался значительный рост еврейской эмиграции из России в Аргентину. Первые указы, на-

---

[1] *Басанин М.* Еврейские колонии в Аргентине // Исторический вестник. – 1898. – Т. 72. – № 4. – С. 197.

[2] СССР (Россия) – Аргентина. Страницы истории 1885–1886. Документы и материалы. – М., 1990. – С. 57.

правленные на притеснение еврейского населения в России, были приняты еще в первой четверти XVIII в. (Указ Именной Верховного Тайного Совета от 26 апреля 1727 г.; Указ Именной от 2 декабря 1742 г.), которые закрепляли положение «О высылке как из Великороссийских, так и из Малороссийских городов, сел и деревень, всех Жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру Греческого вероисповедания…»[1].

Постепенно переселенческое движение евреев стало принимать массовый характер (в конце XIX в. – до 100 тыс. человек в год). Данный процесс приобрел подобные масштабы в том числе в связи с созданием в 1891 г. магнатом и филантропом бароном Морицем фон Гиршем в Лондоне Еврейского колонизационного общества (Jewish Colonization Association) с капиталом в 50 млн франков. Общество содействовало выезду евреев из России и устройству ими землевладельческих колоний в аргентинских провинциях, где на эти цели было приобретено в собственность более 3,5 млн га земли.

Еврейские иммигранты, занимавшиеся хлебопашеством, скотоводством и молочным хозяйством, стали пионерами аграрного кооперативного движения в Аргентине. Здесь сложились крупные еврейские колонии: «Клара», «Люсьенвиль», «Сан-Антонио», «Сан-Исабель» – в провинции Энтре-Риос; «Мозейсвиль» – в Санта-Фе, «Барон Гирш», «Маурисио» – в Буэнос-Айресе; «Бернаскони» – в Ла-Пампа. Колонисты выращивали пшеницу, лен, овес, маис, люцерну, рожь, занимались огородничеством, садоводством, птицеводством, скотоводством, развивали молочное хозяйство. На сельскохозяйственной выставке в Бразилии в 1912 г.

[1] См.: *Мосейкина М.Н.* У истоков формирования Русского мира. (XIX – начало XX века). – М.: АИРО-XXI, 2013. – С. 94.

земледельцы из еврейских колоний в Аргентине получили медали за ведение образцового хозяйства. Еврейскими колонистами было создано 44 школы, в которых обучалось более трех тысяч детей еврейских эмигрантов; имелось 18 библиотек[1].

Тогда же в Аргентине, спасаясь от преследования, оказались политические эмигранты из Российской империи. К этому времени здесь уже проживали переселенцы из Европы (итальянцы, испанцы) и США, часть из которых являлась носителем леворадикальных идей и развернула здесь собственную политическую деятельность, к которой присоединились и выходцы из России.

Воспользовавшись правом на свободу слова и политических организаций, сторонники марксизма создали свои организации, в т.ч. «Авангард» (некоторое время входила в Социалистическую партию Аргентины), Российская коммунистическая группа (в 1920 г. вошла в состав Компартии Аргентины), Аргентинская группа содействия РСДРП во главе с Комин-Александровским. В августе 1917 г. представители социал-демократического крыла русской политической эмиграции основали Союз российских социалистов и рабочих в Аргентине (СРСРА), который в 1921 г. также присоединился к Компартии Аргентины[2].

Подобная активность левого крыла европейской эмиграции в Аргентине вынудила власти ужесточать законодательство с целью не допустить в страну притока революционных элементов. В 1902 г. был принят «Закон о пребывании иностранцев»; в 1910 г. – «Закон о социальной защите», в соответствии с которыми закреплялось право государственных структур по задержанию и высылке из страны

---

[1] *Мосейкина М.Н.* У истоков формирования Русского мира. (XIX – начало XX века). – М.: АИРО-XXI, 2013.

[2] *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. – М.: РУДН, 2011. – С. 163–165.

иностранцев, прежде всего носителей анархистской идеологии.

При этом Россия никогда не имела постоянной императорской миссии в Аргентине и это было большой проблемой для проживавших в стране эмигрантов из России. В отсутствии дипмиссии представительство российских интересов осуществлялось иностранцами.

Важную роль в деле установления дипломатических отношений между Аргентиной и России сыграл дипломат и ученый А.С. Ионин, направленный в 1884 г. из Министерства иностранных дел чрезвычайным послом и полномочным министром при дворе императора Бразилии. На этом посту он многое сделал для налаживания отношений со странами Латинской Америки и прежде всего с Аргентиной. Ионин отмечал: « [Россия и Аргентина], будучи в настоящее время соперниками на международном рынке, ибо производят одни и те же произведения (хлеб, шерсть и кожи), могут подать друг другу руку, чтобы из соперников сделаться союзниками и конкурировать заодно с Северной Америкой и Австралией, которые, продавая хлеб Европе, отбивают хлеб у нас и у Аргентинской республики»[1]. Благодаря усилиям русского дипломата 22 октября 1885 г. были установлены дипломатические отношения между двумя странами на уровне миссий. А.С. Ионин был назначен полномочным посланником России в Аргентине. В тот период дипломатические отношения со стороны России осуществлялись через миссию в Рио-де-Жанейро. В 1895 г. российская миссия была перенесена из Рио-де-Жанейро в Буэнос-Айрес; в 1898 г. вновь – в Рио-де-Жанейро. И такое положение сохранялось до 1910 г., когда российская миссия вновь была открыта в Буэнос-Айресе. Посланниками по со-

---

[1] Русские географы в Латинской Америке. Хроника путешествий XIX – первой половины XX в. / под ред. А.С. Наумова. – М.: АСТ, 2014. – С. 227.

вместительству в разные годы были: А.С. Ионин (1885–1892), М.Н. Гирс (1895–1898), А.Н. Шпейер (1898[1900]–1904), Н.Н. Пилар фон Пильхау (1904–1905), М.Э. Прозор (1905–1909)[1].

Посольства России в Аргентине так не было открыто. С 1909 г. и до августа 1916 г. временным поверенным в делах России в Аргентине и Бразилии был Е.Ф. Штейн. В августе 1916 г. он был назначен первым чрезвычайным посланником и полномочным министром России в Аргентинской Республике. И на этой должности оставался вплоть до 26 ноября 1917 г., когда был лишен полномочий от имени советского правительства. Но власти Аргентины продолжали считать его посланником России вплоть до 1931 г. (даты отъезда Штейна в США), тем более что официального представителя СССР в тот период в Аргентину не направлял.

С деятельностью российской миссии в Аргентине связано начало русского православия в этой стране. Хотя среди иммигрантов, прибывших на южно-американский континент к концу XIX в., значительную часть составляли выходцы из балканских славянских стран, а также из Сирии, Малой Азии, Греции. Отсутствие православной церкви ущемляло их интересы в странах, где господствовало католичество. Римско-католическая церковь, пользуясь своим положением, нередко склоняла славян и греков к переходу из православия в католичество, когда последние обращались к церковникам для отправления своих самых священных треб.

Важную роль в деле укрепления в Южной Америке православия сыграл дипломат А.И. Ионин. Идея основания православного храма в Буэнос-Айресе была одобрена Александром III. 14 июля 1888 г. при участии А.С. Ионина и обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева в

---

[1] Список послов России и СССР в Аргентине. – URL: https://gnezdoparanoika.ru/stati/30928-spisok-poslov-rossii-i-sssr-v-argentine.html (дата обращения: 15.09.2021).

Буэнос-Айресе была открыта первая православная церковь в Южной Америке с причислением ее к императорской миссии, располагавшаяся в двух комнатках частного дома Настоятелем был назначен священник Михаил Иванов. В январе 1889 г. здесь была совершена первая православная литургия. Все необходимое (престол, иконостас, церковная утварь, одежды и т.д.) было прислано из церкви при российской миссии в Мадриде.

Тем временем колония православных в Буэнос-Айресе разрасталась. Аргентина превратилась в одну из ведущих переселенческих стран. Русское правительство со вниманием относилось к участию православной церкви в экономической и политической жизни ла-платских республик. В 1891 г. Священный Синод назначил настоятелем церкви протоиерея Константина Гавриловича Изразцова, прослужившего более полувека на этом посту.

В начале своей деятельности о. Константин столкнулся с немалыми трудностями, и прежде всего – с финансовыми. М.Н. Гирс поддержал проект о. Константина по созданию русского храма в Буэнос-Айресе. В своих донесениях министру иностранных дел князю А.Б. Лобанову-Ростовскому российский посланник отмечал благотворное влияние, которое оказывала церковь на православных, проживавших в Аргентине[1].

Однако о. Константин отмечал, что все его просьбы и в адрес Синода, и в адрес Министерства иностранных дел, Министерства финансов оставались безответными – не было средств. И тогда он обратился «к общественной благотворительности» (частной, церковной), к печатным изданиям, которые охотно стали публиковать информацию об Аргентине, ее жизни и обычаях, «чтобы ознакомить русских с этой далекой страной» и призвать к пожертвованиям. Нако-

---

[1] *Мосейкина М.Н.* У истоков формирования Русского мира (XIX – начало XX века). – С. 300.

нец, средства поступили и лично от царской семьи – императора Николая, государыни Марии Федоровны и многих великих князей и княгинь[1]. Среди крупных жертвователей были также праведный Иоанн Кронштадтский, П.П. Боткин, Д.Ф. Самарин. Однако что касается правительства, по признанию Константина Изразцова, кроме денег, выделенных на покупку участка в размере 18 тыс. рублей, оно не оказало никакой поддержки. 23 сентября 1901 г. возведенный по проекту аргентинского архитектора А. Кристоферсона в стиле московских церквей XVII в. Свято-Троицкий храм с престолами во имя святого Николая Чудотворца и святой Марии Магдалины был торжественно освящен. Храм был расписан художниками В. Беляевым, В. Павловым, Г. Нестеровым, А. Рябушкиным. На фронтоне размещена венецианская мозаика, подаренная академиком И. Фроловым. Украшением церкви является майоликовый иконостас с древнерусским орнаментом, выполненный в художественной школе имени Р.В. Гоголя в Миргороде. Афонские старцы пожертвовали святые мощи.

При церкви располагались приходская школа (обучение вели на испанском языке, а молитвам каждого учили на его родном языке), приют для нуждающихся, библиотека, просветительский кружок для русских рабочих, а также любительский хор и драматическая труппа. Отец Константин вел сбор денег в пользу бедствующих и способствовал в период Первой мировой войны возвращению в Россию эмигрантов, пожелавших с оружием в руках защищать родную землю.

В начале 1900-х гг. роль храма при российской миссии в Буэнос-Айресе стала особенно значимой. Преемник Гирса А.Н. Шпейер возвратил резиденцию в Рио-де-Жанейро, и с того момента только Православная церковь так или иначе представляла интересы России в Аргентине и оказывала по-

---

[1] Состояние православной церкви в Южной Америке^ Доклад протопресвитера Константина Изразцова Русскому Заграничному Сино-ду. Б.-Айрес, 15–28 апреля 1929. – Б.-Айрес, 1929. – С. 3.

сильную помощь православным подданным Российской империи, которые активно начали прибывать в страну после 1905–1907 гг.

1.2. Пореволюционная эмиграция из России в 1920–1930-е гг.

События, связанные с Русской революцией 1917 г., послужили причиной очередной волны эмиграции из России в Аргентину (которую чаще называют первой волной с учетом превалирующего числа этнически русских в ее составе). Сюда прибывали в разные годы представители белой эмиграции, духовенства, технической и художественной интеллигенции. Данной проблемой, которая приобрела международный характер, занимались такие структуры как Лига Наций и конкретно глава Комиссии Лиги Наций по оказанию помощи беженцам и военнопленным – Верховный комиссар по делам русских беженцев Фритьоф Нансен. Вопросами трудоустройства в эмиграции занималось Международное бюро труда (МБТ) Лиги Наций, в частности, координировал данный процесс сам председатель МБТ А. Тома. Помогали беженцам и созданные в зарубежье русские эмигрантские объединения – Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор), Российское Общество Красного Креста (РОКК), Совещание русских послов и его постоянный орган – Совет послов. В соответствии с поставленными задачами одним из направлений деятельности вышеназванных организаций стало «колонизационное дело», т.е. отправка за океан переселенцев с целью расселения их на свободные земли и последующей их колонизации.

В 1925 г. Аргентину посетила миссия Лиги Наций. Визит показал, что эта страна нуждалась только в крестьянах и сельскохозяйственных рабочих и не приветствовала пересе-

ление в города[1]. Следствием визита во много стало появление в европейских странах (Чехословакии, Германии, Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Франции) частных Колонизационных обществ, которые занимались агитацией и отправкой русских переселенцев в Аргентину в координации с деятельностью Главного переселенческого управления этой страны.

После 1922 г. русских эмигрантов в Аргентине принимали с нансеновскими паспортами, который был необходим для получения аргентинской визы. Многие эмигранты и некоторые их потомки в Аргентине в надежде на скорое возвращение на родину так и прожили с нансеновскими паспортами и только, когда появилась возможность в 1990-е гг. посетить Россию, вынуждены были оформить аргентинское гражданство, право на которое предоставлялось после двухлетнего проживание здесь.

В соответствии с новым аргентинским законом об иммиграции 1920 г., конкретизировалось понятие «эмигрант»: им считался «всякий иностранец, занимавшийся поденным трудом, ремесленник, мастеровой, земледелец моложе 60 лет в отношении моральном, физическом и прилежания, не имевший никаких недостатков»[2]. Для всех иммигрантов обязательным также было предоставление свидетельства о несудимости за последние 5 лет, которое выдавалось властями той страны, в которой эмигрант до этого проживал.

В 1923 г. был пересмотрен «Закон Авельянеды», введены новые ограничению к уже имеющимся, которые коснулись в том числе эмигрантов из России, с Украины и Польши[3], нередко по прибытии рассматривавших Аргентину как транзит на пути в США. Вместе с тем для людей, предполагавших

[1] ГАРФ. – Ф. 6532. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 38.

[2] Новый мир. Буэнос-Айрес. 26 июня 1921 г.

[3] *Шейнбаум Л.С.* Аргентинский этнос: этап формирования и развития. – Л., 1989. – С. 100.

заниматься в стране научной деятельностью и имевших диплом, существовал установленный законом об иммиграции особый статус – «personas decentes y de representacion social» (выдающихся и общественно значимых персон – *пер. с исп. яз.*). В 1930-е гг. темпы миграции заметно ослабли[1].

В проекте нового аргентинского закона об иммиграции от 1939 г. к эмигрантам предъявлялись требования предоставлять, наряду с паспортом и медицинским свидетельством, удостоверение от аргентинского консула, подтверждающее, что данное лицо намерено заниматься своей профессией в течение 2 лет. Первоочередное право на въезд получали представители таких профессий, которые являлись новыми или еще слабо развитыми в стране. Политические убеждения не входили в список запрещений[2].

Правовое положение русских эмигрантов в Аргентине осложнялось отсутствием дипломатической миссии. Неофициальным российским консулом после 1917 г. стал протопресвитер К.Г. Изразцов, глава Русской православной церкви в этой стране, который до февральско-мартовских событий исполнял обязанности секретаря дипломатического отдела Российской миссии.

Продолжавший выполнять дипломатические функции от имени России вплоть до своего отъезда в США в 1931 г. Е.Ф. Штейн содержал миссию частично на личные средства; частично – на средства РПЦ (от доходного дома, дававшего хорошую ренту) и пожертвования иностранцев (православных сирийцев). Потребность в материальных средствах возросла в связи с прибытием новой волны эмигрантов в Аргентину после революции и Гражданской войны. Некоторая материальная помощь приходила из Вашингтона от Б.А. Бахметьева по линии Совета послов, но затем прекратилась и она. Кроме того, вследствие перехода Рус-

[1] ГАРФ. – Ф. 6094. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 42–43.
[2] Русский в Аргентине. Буэнос-Айрес. 26 августа 1939 г.

ской православной церкви в Аргентине под управление Западно-Европейского митрополита Евлогия, с российского посланника в этой стране было снято право юридического представителя церкви в Аргентине, что означало и лишение права на целевое расходование средств, имевшихся в ее распоряжении. Все права перешли к настоятелю РПЦ в Южной Америке протоиерею о. Константину Изразцов, который тем самым приобрел статус «неофициального российского консула»[1]. Это помогало ему оказывать как правовую, так и финансовую помощь прибывавшим в страну эмигрантам[2]. Хотя Е.Ф. Штейн, как признавал генерал А.В. фон Шварц, также «для русской колонии… был необходим, так как всегда охотно, а подчас и очень терпеливо, шел на помощь всем, кто искал ее у него»[3].

Русская православная церковь в Аргентине играла важную роль в деле адаптации иммигрантов. В аргентинской столице, кроме главного храма за эти годы и первые послевоенные было создано несколько приходов, вошедших в Большой Буэнос-Айрес[4]: кафедральный собор в северной части города (на сооружение его иконостаса внес пожертвования и внук Саввы Мамонтова С.С. Мамонтов), церковь в районе Кильмес – зоне проживания русских казаков, украинцев, поляков, литовцев; церковь в Темперлей; еще одна церковь Всех святых земли русской – в Каселаре, наконец, церковь преп. Сергия Радонежского – в Вилья-Бальестерс. При приходах были созданы приходские школы (где детям эмигрантов преподавался в том числе Закон Божий), библиотеки, издательства, дома для престарелых.

---

[1] ГАРФ. – Ф. 5680. – Оп. 1. – Д. 114. – Л. 17.

[2] *Парчевский К.* Очерки по истории Южной Америки. – Париж: Les ed. Reunis, 1936. – С. 258.

[3] Цит. по: *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – М.: Вече, 2010. – С. 110.

[4] *Путятова Э.Г.* Русская церковь в Буэнос-Айресе // Латинская Америка. – 2007. – № 11. – С. 80.

Внучка реэмигранта П.П. Шостаковского Сильвия Альбертовна Кортес так описывала атмосферу дома Шостаковских в Буэнос-Айресе: «Спустя некоторое время… сделали нам большой, из темного дерева иконостас, который висел в углу комнаты много-много лет, а потом и в новом доме, куда мы переехали спустя несколько лет и где жили вплоть до нашего отъезда из Аргентины.

В иконостасе было большое количество икон (некоторые сохранились и до наших дней). В нем круглосуточно горела лампада, за которой следила бабушка. В первые годы по субботам вечером и утром по воскресным дням дед читал церковную службу, а мы все стояли вокруг и пели. Он произносил возгласы священника «Господу помолимся», а мы пели: «Господи помилуй», «Подай Господи», «Тебе, Господи» и т.д. Служба длилась долго, но мы стояли до самого конца тихо, как будто находились в церкви. Молитвы и церковная служба глубоко засели в наших детских головках. Мы знали церковную службу, молитвы и церковное пение наизусть»[1].

В рабочем кабинете П.П. Шостаковского часто останавливались или какое-то время жили прибывавшие в страну русские священнослужители, как, например, отец Илларион, который во время пребывания в доме Шостаковских вел в нем церковные службы.

В годы Первой мировой войны церковь во главе с отцом Константином организовала сбор помощи в пользу безработных разных национальностей и вероисповеданий, которых оказалось очень много, оказывала содействие в возвращении на родину тем эмигрантам из Северной и Южной Америки, которые собирались сражаться в рядах русской армии (таких набралось около 1,5 тыс. человек)[2]. В церкви в

---

[1] Личный архив М.Н. Мосейкиной.

[2] *Путятова Э.Г.* Русская церковь в Буэнос-Айресе // Латинская Америка. – 2007. – № 11. – С. 86.

период холодных зимних месяцев нашли приют в первый год войны – 9 тыс. человек; в 1915 г. – 12 тыс.; в 1916 г. – 8 тыс. человек[1].

После революции и Гражданской войны с прибытием в страну белой эмиграции отец Константин стал одновременно уполномоченным РОКК в Аргентине, в пользу которого делались ежегодные сборы и через который оказывалась материальная помощь эмигрантским организациям и их членам[2]. О. Константин на свои средства открыл ночлежный дом для русских иммигрантов, инициировал создание «Общества взаимопомощи для инженеров и техников»[3]. В период голода в Советской России начала 1920-х гг. по инициативе РПЦЗ в Аргентине осуществлялся всей колонией сбор помощи голодающим. В денежном отношении эта помощь составила соответственно: 1922 г. – более 1,2 тыс. песо, в 1923 г. – более 7 тыс. песо[4]. Также в Россию направлялись одежда, продовольствие, медикаменты на общую сумму почти в 10 тыс. песо[5]. Помощь направлялась также адресно на имя Патриарха Тихона, титулярных и викарных епископов из российских губерний, наиболее пострадавших в период голода (было собрано 40 посылок на сумму 1,2 тыс. песо)[6]. Помощь в том числе через РОКК оказывалась детям русских беженцев в Европе, русским церквям и учреждениям в Европе.

В рассматриваемый период в Аргентине действовали также еврейские благотворительные организации, как, например, Комитет еврейской «народной помощи» жертвам

---

[1] *Путятова Э.Г.* Русская церковь в Буэнос-Айресе // Латинская Америка. – 2007. – № 11. – С. 86.

[2] Состояние Православной Церкви в Южной Америке. Доклад протопресвитера Константина Изразцова. – С. 9.

[3] ГАРФ. – Ф. Р-6094. – Оп. 1. – Д. 219. – Л. 5.

[4] ГАРФ. – Ф. Р-6343. – Оп. 1. – Д. 219. – Ч. 2. – Л. 49-49(об).

[5] Состояние Православной Церкви в Южной Америке. Доклад протопресвитера Константина Изразцова. – С. 7.

[6] Там же. – С. 7–8.

войны и погромов, которыми были открыты старческие дома, приюты для детей, еврейский госпиталь[1]. Постепенно в белоэмигрантской среде Аргентины развернулась частная благотворительность. Например, ею занимались представительницы известных в России семей московских промышленников Боронат – С.А. Боронат, купцов Красильниковых – сестры Александра и Татьяна – были организаторами балов и буфетов, приносивших «солидные приходы в кассу Красного Креста»[2]. Еще одно благотворительное общество «Эль Консуэло» было создано по инициативе жены генерала А.В. фон Шварца[3]. В рамках компаний, организованных РОКК, осуществлялся сбор пожертвований с благотворительных базаров, на детские елки, выдавались ссуды на госпитальное лечение эмигрантов, оплату для них обедов, ночлега и проч.[4] Подобную работу в Аргентине осуществляло представительство Общества инвалидов первой мировой войны, открывшее свой инвалидный дом[5].

Забота о трудоустройстве эмигрантов и защите их интересов являлась также целью деятельности различных профессиональных объединений и корпоративных организаций эмигрантов. В Аргентине это были Общество взаимопомощи для инженеров и техников, Союз русских инженеров, Союз украинских инженеров (состоявший из бывших петлюровских офицеров); были также союзы украинских и белорусских рабочих, созданные на профессиональной основе[6].

---

[1] Бюллетень Российского Земско-Городского Комитета помощи беженцам. – № 2. – 15 марта 1921 г. – С. 16.

[2] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата 1967. – № 12. – С. 87–88.

[3] *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – С. 118.

[4] ГАРФ. – Ф. 6784. – Оп. 1. – Д. 162. – Л. 3.

[5] *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. 1920–1990 гг. – М., 2003. – С. 122.

[6] Русский в Аргентине. Буэнос-Айрес. – 22 июля 1939 г.; *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки (исторический очерк). – Киев, 1980. – С. 11.

Для русских в Латинской Америке оказалась также ощутима разница в культуре повседневного быта местного населения, особенно после нескольких лет проживания в Европе, где эмигранты, несмотря на лишения и сложную экономическую ситуацию, привыкли к городским удобствам организованному досугу. Хотя экономическая жизнь Аргентины немало удивляла своим бурным развитием, в результате «претендовала на гегемонию на всем южноамериканском континенте»[1]. Практически все сходились во мнении о том, что по всем признакам город Буэнос-Айрес был столичным городом европейского типа, который после Рио-де-Жанейро являлся самым «большим, красивым и многолюдным городом Южной Америки»[2].

Общие впечатления русских об Аргентине были проникнуты чувством симпатии к аргентинскому народу, к стилю его жизни, «достаточно своеобразному и, возможно, поэтому притягательному для русского человека»[3]. Особо выделялись такие характерные черты аргентинского общества как «космополитизм», «влияние больших и сплоченных иностранных колоний»[4]. Писатель Ю. Слепухин, двенадцать лет проживший в Аргентине, замечал, что аргентинцы «вообще похожи на нас», а их национальный характер ближе к русским, чем любой западноевропейский[5]. В целом образ Аргентины, формировавшийся в те годы в восприятии российских эмигрантов, был позитивен: ин-

---

[1] *Парчевский К.В.* Парагвай и Аргентину. – С. 222.

[2] См. об этом: *Басанин М.* Записки эмигранта в Южной Америке. – СПб, 1902. – С. 100; *Парчевский К.В.* Парагвай и Аргентину. – С. 220–221; *Бойко П.* Семнадцать лет в Аргентине // Славяне. – 1954. – № 4. – С. 47; *Шостаковский П.* Путь к правде. – Минск: Госиздат БССР, 1960. – С. 300.

[3] *Парчевский К.В.* Парагвай и Аргентину. – С. 225.

[4] *Шостаковский П.* Путь к правде. – С. 311.

[5] *Слепухин Ю.* Южный крест. Роман. – М.: Современник, 1987. – С. 242.

дустриализирующаяся страна, с достаточно развитыми элементами духовной культуры, открытая для иностранцев, в которой одновременно жила «страсть к аргентинизации».

Условия адаптации русской эмиграции в сельской местности заметно отличались от городских. Многие переселенцы, избравшие латиноамериканскую сельву местом своего проживания, а сельскохозяйственный труд средством существования, вынуждены были отказаться от ставшего уже привычным городского образа жизни и перейти к повседневной трудовой деятельности на земле, где жаркий климат, различного рода заболевания делали весьма труднопереносимым процесс акклиматизации. Местная еда также оказалась для русских непривычной и бедной; она не отличалась питательностью, что особенно остро ощущали на себе дети и подростки. Для выходцев из России было удивительным, что парагвайцы, например, не знали ни масла, ни творога, ни сметаны и никто здесь этих продуктов не готовил. В Латинской Америке не было также привычного для россиянина картофеля. Вместо него произрастал особый корнеплод – маньока, по вкусу похожий на картошку и заменявший местным жителям хлеб и овощи[1].

Попав в тропическую сельву, люди, и особенно те, которые раньше не работали на земле, первое время жили в обычных хижинах и имели низкий прожиточный минимум[2]. Только спустя 2–3 года приобретался навык работы в новых климатических условиях, вырабатывалась некая схема, следуя которой можно было без риска начать вести хозяйство и новичкам. Люди обзаводились скотом, птицей, сеяли пшеницу, кукурузу, гречиху, сажали дыни и другие огородные

---

[1] См. об этом: *Мосейкина М.Н.* Русские в странах Латинской Америки в 20–30-е гг. XX в.: повседневность колонизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2003. – № 2. – С. 153–166.

[2] Парагвай. Париж, 16 августа 1943. № 1 // ГАРФ. – Ф. Р-6371. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 4.

культуры, используя как местные, так и привезенные с собой семена.

Постепенно переселенцы переходили к более высоким культурам – табака, хлопка, чая мате, которые назывались «валютными», поскольку давали неплохой доход и окупали издержки по сравнению с зерновыми культурами. В Аргентине многие эмигранты занимались кроме того выращиванием апельсинов, которые, несмотря на большой уход, всегда давали хорошие урожаи[1].

Трудовая занятость переселенцев в сельской местности была предопределена потребностями экономического развития стран региона, в результате чего уделом иммигрантов, как правило, были наиболее трудные и низкооплачиваемые работы, связанные с освоением отдаленных сельскохозяйственных районов, работой на кофейных плантациях, расчисткой лесов при прокладывании дорог.

В Аргентине при устройстве на сельскохозяйственные работы эмигрантам рекомендовалось образовывать группы по десять семей каждая, от которых требовался капитал из расчета 15 фунтов стерлингов на одного взрослого, при наличии которого переселенцу разрешалось ехать на участки[2]. По аргентинскому законодательству, переселенцы имели право на беспошлинный ввоз в страну предметов первой необходимости, мебели, инструментов для земледелия, бесплатного размещения и пребывания до пяти дней в столице, поиска и определения занятий при посредничестве Международного бюро труда, отправки на средства государства до нового местожительства[3]. Ничего больше, кроме земли, аргентинским правительством не предоставлялось. За наличные деньги колонистами приобретались сельскохозяйственные машины и оборудование, причем цены на них внутри

[1] ГАРФ. – Ф. Р-6378. – Оп. 2. – Д. 4. – Ч. 2. – Л. 38–39.

[2] Совет по расселению русских беженцев Материалы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). – Вып. 1. – Константинополь, 1921. – С. 17.

[3] Новый мир. Буэнос-Айрес. – 26 июня 1921 г.

страны были в два раза выше, чем в Европе, поскольку все было привозным.

Наиболее населенными и самыми плодородными в Аргентине являлись центральные провинции: Буэнос-Айрес, Кордова и Энтре-Риос. Климат здесь, как считалось, соответствовал центру России, земля была благоприятна для выращивания зерновых культур, и именно эти провинции рассматривались как наиболее пригодные для образования русских колоний. Земли сдавались в долгосрочную аренду, в отдельных случаях продавались: семейным – по 50 га; холостым – по 25 га, возможным было получение правительственной ссуды в 3,5 тыс. песо на семью[1].

В середине 1920-х гг. половина из поселившихся на аргентинских землях русских эмигрантов были арендаторами[2]. По закону 1921 г. хозяева земель не имели права лишать арендаторов их участков до истечения срока арендного договора, который мог продлеваться с одного-двух до четырех лет, что способствовало закреплению арендаторов на землях и сокращению числа издольщиков[3].

В северных провинциях Аргентины русские переселенцы занимались разведением чая мате, табака, маниоки и других злаков притропического климата, в то время, как южные провинции оказались более пригодны для скотоводства, главным образом, овцеводства, и только в некоторых колониях развивалось земледелие и плодоводство (в частности, виноградорство). Цены на домашний скот и на рабочих животных постоянно варьировались в зависимости от количества вывозимого за границу замороженного мяса и от европейских цен на сельскохозяйственные продукты, в том числе, кожу, шерсть, мясо[4].

---

[1] Совет по расселению. – Вып. 1. – С. 16.

[2] *Брунст В*. Аргентина и Бразилия как страны эмиграции. – Прага, 1925. – С. 96.

[3] Буэнос-Айрес – Асунсьон. – Буэнос-Айрес, 1935. – С. 56.

[4] Там же. – С. 43.

К моменту прибытия русских послереволюционных эмигрантов здесь уже располагались основные колонии немцев, евреев, духоборов из России. В результате вскоре к старым добавились новые земледельческие колонии в аргентинских провинциях Буэнос-Айрес, аргентинском Чако, в Патагонии – бассейне р. Негро. В частности, в провинции Буэнос-Айрес была создана колония «Русо бланко», состоявшая из 500 человек бывших солдат и русских крестьян из государств-лимитрофов[1]. В 1926 г. после предварительной переписки с представителем МБТ в Южной Америке в Аргентину прибыла группа во главе с В.В. Лежневым, которая в районе Ла-Пампа приобрела более 3 тыс. гектаров целинных земель. В связи с вовлечением в сельскохозяйственный оборот северных территорий страны новый ареал русского рассеяния, состоявший из крестьян и русских военных, возник в провинции Мисьонес с центром в Обере[2].

Важным достоянием колоний выходцев из России считалось появление при них земледельческих кооперативов, поскольку для ведения экстенсивного хозяйства требовалась покупка крупных земледельческих машин. Самостоятельно без кредита для русских переселенцев с низкими доходами практически не было возможности организовать такое хозяйство. Поэтому с самого начала люди селились колониями (до 100 человек), совместно приобретали машины, скот, открывали общественные лавки, вальцевые мельницы. Производимые ими продукты реализовывались через кооперативы, где продавались по более выгодным ценам[3]. Один из них – Кооперативный Союз, был создан эмигрантами в аргентинской провинции Чако. Его участники, занимавшиеся оптовым сбытом сельхозпродукции, имели десят-

---

[1] *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину. – Париж, 1936. – С. 236.

[2] *Бутузов А.Г.* География русской диаспоры в XX веке: региональный аспект: дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2002. – С. 174.

[3] *Брунст В.* Аргентина и Бразилия как страны миграции. – Прага, 1924. – С. 96.

ки тысяч песо месячных оборотов[1]. В 1926 г. в связи с принятием национального закона о кооперативных обществах в Аргентине была создана юридическая основа для их легального функционирования. В соответствии с законом кооперативами являлись «учреждения, основанные на собственных усилиях и взаимопомощи для организации и предоставления услуг»; они должны были обладать оборотным капиталом, насчитывать не менее 10 человек и оказывать услуги как своим членам, так и не ассоциированным гражданам. Устав таких кооперативов утверждался правительством страны. Прибывшие из Европы украинские, белорусские и русские эмигранты были в числе первых добровольцев, которые включились в процесс создания кооперативов, прежде всего на территории провинции Мисьонес[2]. В дальнейшем в эмигрантских хозяйствах Аргентины получили развитие различные формы кооперации – производственная, потребительская, кредитная, которые служили важным фактором адаптации их членов к новым экономическим условиям и одновременно средством защиты корпоративных интересов земледельцев.

Пройдя трудный путь адаптации, пореволюционные переселенцы (в том числе русские, украинские, белорусские, польские, казачьи, старообрядческие) создавали собственные колонии, многие из которых были успешны и смогли благополучно пройти процесс адаптации. При этом здесь дольше, чем в городах сохранялся традиционный образ жизни. В результате, в городах иммигранты разных национальностей ассимилировались быстрее: они включались в экономическую жизнь, быстрее переходили на испанский язык. Аргентина к этому времени вступила в полосу индустриализации и для ее развивающейся промышленности

[1] Буэнос-Айрес–Асунсьон. – Буэнос-Айрес, 1935. – С. 56–57.

[2] *Альварес К.Х.* Интеграция русскоязычных иммигрантов в аргентинское общество: национальные особенности и глобальные тенденции: дис. … к. полит. наук. – СПб, 2005. – С. 207–208.

российские иммигранты представляли важный источник формирования городского промышленного пролетариата.

Параллельно с процессом социально-экономической адаптации формировалось культурное пространство Русского мира в Аргентине, благодаря созданию приходов Русской православной церкви, клубов, театров, библиотек, развитию издательского дела, что сыграло важную роль в деле сохранения исторической памяти, языка, культурных традиций.

Особую роль в деле сохранения русской культурной традиции за рубежом в рассматриваемый период сыграло имя А.С. Пушкина, служившее своеобразной основой русской национальной идеи для покинувших отечество бывших подданных России. 8 июня – день рождения А.С. Пушкина, стал датой празднования «Дня русской культуры» в Русском зарубежье.

В 1937 г. в Русском зарубежье торжественно отмечалась столетняя годовщина со дня смерти поэта. В ряде стран, в том числе в Латинской Америке, по случаю этой даты были созданы Пушкинские комитеты. Так, председателем Пушкинского комитета в Буэнос-Айресе был офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка М.А. Нечаев, который занимался активной культурной деятельностью в кругах русской эмиграции, был председателем кружка «Наука и искусство»[1]. Всего в состав комитета входили 33 человека, в их числе генерал А.А. Бейер, владелец издательства «Русское Книжное Дело» Ю.В. Макаров, И.И. Ломоть, А.С. Сосновский, В.В. Добровольский и др.[2] Секретарем Пушкин-

---

[1] *Кублицкая М.А*. Пушкин в Аргентине. – URL: http://xxl3.ru/kadeti/kublitskaya.htm (дата обращения: 12.06.2021). Как установила М.А. Кублицкая, в Аргентине было два Пушкинских комитета, появившиеся в результате политического раскола в русской диаспоре.

[2] *Кублицкая М.А*. Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине. – URL: http://emigrantika.ru/publications/838-bookiv (дата обращения: 12.06.2021).

ского комитета был князь Ю.Н. Волконский. Членами президиума комитета стали члены редакции газеты «Русский в Аргентине» – Г.И. Толмачева (актриса, ученица Станиславского, преподававшая сценическое искусство в университете г. Мендоса) и С.И. Стапран. По случаю юбилейной даты газета издала «Календарь на 1937 год», в котором помещались стихи и биография А.С. Пушкина, публикации Ф.М. Достоевского, стихи М.В. Лермонтова памяти поэта. Этому же был посвящен специальный выпуск еженедельника «Русский в Аргентине»[1].

В предисловии к книге А.С. Пушкина «Евгений Онегин. Арап Петра Великого», опубликованной в 1943 г. в Аргентине, отмечалось: «В наши дни, когда отдаленность от родины особенно тяжела всякому русскому человеку, каждая русская книга особенно ценна. К сожалению, последнее время из-за осложнений военного времени становится все труднее и труднее получать русские книги. Между тем со все возрастающим интересом к нашему языку и нашей культуре растет спрос и на русскую книгу не только среди русских, но и среди иностранцев, изучающих русский язык и интересующихся нашей культурой. Идя навстречу этим требованиям, мы хотели бы приложить все силы, чтобы дать читателю самые высшие образцы наших классиков, и в особенности величайшего нашего национального поэта А.С. Пушкина»[2].

Интерес к русской культуре и творчеству А.С. Пушкина проявился в том числе в переводах его произведений «с оригинала» на испанский язык: А. Урванцовой (сборник прозы А.С. Пушкина под названием «Гробовщик», 1945), редактора газеты «Русский в Аргентине» Г.И. Толмачевой («A1ejandro Pushkin. Teatro completo», 1958); княгини О.А. Волконской

[1] Русский в Аргентине. Буэнос-Айрес. – 13 февраля 1937 г.

[2] *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине.

(урожденной Грековой) (повести Пушкина «Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Египетские ночи», «Роман в письмах»). Она – автор таких книг, как «История и развитие русской поэзии» (Буэнос-Айрес, 1943 г.), «Александр Пушкин. Жизнь и творчество» (Буэнос-Айрес, 1947 г.) и др.[1]

Особое место в деле сохранения культуры и национальных традиций занимала система образования и воспитания в странах, где проживали эмигранты. В Латинской Америки, где в отличие от Европы не существовало широкой сети русских школ или гимназий, важную роль играла внешкольная организационная и культурно-просветительная работа среди молодого поколения. Представители эмигрантских кругов основную ставку делали на военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Важную миссию выполняли в этот период молодежные эмигрантские организации. В Аргентине действовали отделения организации витязей, разведчиков, скаутов[2]. Задача воспитания у молодежи чувства любви и преданности своему Отечеству осуществлялась здесь через ознакомление с историей и географией России, ее культурой, историей и т.д. У молодежи воспитывались такие качества, как выносливость, трудолюбие, чувство взаимовыручки и т.д.

В 1929 г. в Аргентине было создано общество «Русский сокол» (руководитель – В.В. Зуев) – военно-спортивное объединение, которое вело просветительскую работу, организовывало стрелковую и военную подготовку. Организация имела свои знамена, значки, награды**.** Полученные молодежью знания и навыки проверялись на практике в соответствии с уставами Русской императорской армии в специально устроенных лагерях. Программа духовного воспитания молодежи

---

[1] *Кублицкая М.А.* Пушкин в Аргентине.

[2] *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). – М., 2000. – С. 10.

включала в себя изучение молитв, собеседования на «национально-сокольские темы», а также занятия по русскому языку, русской литературе, географии и др. Всего к началу Второй мировой войны в Русском зарубежье действовало 75 русских сокольских организаций, военно-спортивных объединений, в рядах которых было 5700 человек[1].

Общеизвестна была также роль движения скаутов в среде русской эмиграции как метода физического и морального воспитания молодежи в Русском зарубежье, в том числе через ознакомление с русской культурой во всех ее проявлениях – литература, музыка, искусство, история. При этом чувство родины прививалось ребенку постепенно. Дети младшего возраста усваивали житейскую мудрость по памятке «Русского скаута». Малыши пяти-шести лет должны были проникнуться уважением к правилам вроде того, что «скаут не валяется в постели; моется тщательно, не забывая шеи и ушей»[2]. Скаут постарше находил в памятке правила морали – «скаутские заповеди»: «Носи Бога в сердце, живи для Родины – России и помни свой девиз: Не посрамить земли русской», «Будь завтра лучше, чем ты был сегодня и чем ты был вчера»[3]. С детьми проводились занятия по программам соответственно их возрасту, затем шли строевые занятия, гимнастика, спорт, экскурсии. Торжественное обещание, которое давалось скаутом, гласило: «Честным словом обещаю выполнять свой долг перед Богом и родиной, помогать ближним и жить по законам разведчиков!»[4]. Надлежащее место в распределении зимних занятий и повседневного порядка в летних скаутских лагерях было

[1] *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). – М., 2000. – С. 9.

[2] ГАРФ. – Ф. 6083. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 6.

[3] Там же.

[4] *Марахонов Я.* Русское разведчество сегодня. Способно ли оно воспитать для России ее граждан? // Мы в России и зарубежье. – 2006. – № 4. – С. 33.

отведено молитве: по утрам, перед поднятием русского трехцветного флага на мачту, дети пели «Отче наш», «Спаси Господи» и гимн организации. Вечером при спуске флага исполнялись те же песнопения. Перед обедом и ужином, а также по окончании их, пелись соответствующие молитвы[1].

Еще одно молодежное объединение – Национальная организация витязей, которая конституировалась к 1934 г. и отделение которой появилось в Аргентине, также воспитывала в молодежи чувство любви и преданности своему Отечеству.

Но основная культурно-просветительная и благотворительная работа с русскими эмигрантами шла через различные общественные организации и церковные приходы, которые оказывали культурную помощь эмигрантам из России в налаживании учебно-образовательной и просветительной деятельности, сохранении духовности. В числе первых из поставивших задачу проведения культурно-просветительной деятельности в русской эмигрантской среде латиноамериканских стран была Федерация русских рабочих организаций в Южной Америке (ФРРОЮА), созданная в 1918 г. и работавшая в этом направлении по методике Н.А. Рубакина, который находился в переписке с руководством Федерации, присылал для распространения среди рабочих сотни экземпляров своих книг, различных пособий по самообразованию. Н.А. Рубакин лично составлял также каталоги для библиотек организаций, входивших в состав Федерации, разработал программу культурной работы среди русских рабочих в Латинской Америке.

Редактор и издатель Н.А. Чоловский так вспоминал об этом времени: «Вокруг Федерации группировалось множество различных культурно-просветительных организаций, библиотек, любительских кружков, хор, балалаечный оркестр... Особенно важно было то, что Федерация организовала на свои средства четыре школы для русских детей... Расходы по со-

---

[1] ГАРФ. – Ф. 6083. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 17.

держанию этих школ (аренда помещений, плата персоналу и пр.) оплачивала Федерация»[1]. В среде трудовой эмиграции хорошо был также известен Культурно-просветительский центр имени М. Горького в Буэнос-Айресе, занимавшийся постановкой пьес на русском и украинском языках[2].

Белая эмиграция также создала в Аргентине свои центры культурной жизни, общественные и политические организации. Важную культурную работу проводил выпускник Михайловского артиллерийского училища генерал А.А. Бейер, основавший в Буэнос-Айресе кружок «Наука и техника»[3]. Бывший царский дипломат князь П.И. Кугушев организовал кинематографическую студию там же. В 1933 г. С.С. Кишкиным был основан Русский драматический кружок.

Важную роль в деле сохранения национальной культуры, религиозных традиций и духовных ценностей играла Русская православная церковь за рубежом. Ее культурное влияние в эмиграции проявилось в различных сферах – образовании, литературе, музыке, живописи, архитектуре. Русские приходы и церковные общины помогали изгнанникам поддерживать друг с другом контакты, сохраняя культурную общность, православную веру.

После окончания Гражданской войны русские эмигранты оказались на канонических территориях других поместных церквей. Ситуацию усугубил раскол Русской православной церкви на несколько ветвей и юрисдикций, образовавшихся за рубежом, в их числе были Русская Православная церковь за границей (Карловацкая церковь), Американская Православная Церковь, Западно-Европейский экзархат (архиепископия) Константинопольского патриарха и право-

---

[1] *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине.

[2] Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес, 12 мая 1945 г.

[3] Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес, 22 июля 1939 г.

славные церкви в ряде стран Европы и Азии[1]. На латино-американском континенте также образовались православные общины трех самостоятельных национальных юрисдикций: наряду с русской (Карловацкого толка), были сирийская (глава – Антиохийский патриарх) и греческая (глава – Греческий патриарх). В странах Южной Америки, как впрочем и в США, отмечалось в тот период наибольшее влияние Антиохийского патриарха. В его подчинении только в Мексике, например, находилось до 8 тыс. православных, в Бразилии было около 500 верующих этого направления[2].

Отец К.Г. Изразцов в письме сыну Константину в Париж от 4 сентября 1918 г. сообщал, что он находился в постоянных разъездах, посещая православных в разных провинциях, в том числе в провинции Энтре Риос, где проживали русские из Галиции и Буковины. В провинции Мисьонес, где существовал самостоятельный приход из обращенных в православие униатов-русинов, ему пришлось в это время оказать своей пастве помощь в противостоянии с местными униатами, которые захватили с согласия губернатора половину православного кладбища. В этой ситуации, по словам, отца К.Г. Изразцова, он «употребил все средства и поднял Штейна» на защиту прав русского православного прихода и добился возвращения им всей территории кладбища. При этом отец К.Г. Изразцов с сожалением признавал, сколь трудно было тогда подыскать священника, подготовленного «для служения заграницей»[3].

[1] *Попов А.В.* Канонические и церковно-православные основы существования Русской Православной Церкви за границей и других российских православных юрисдикций за рубежом // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб, 2006. – С. 301.

[2] ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 1954. – Л. 2–3.

[3] Русский архив Университета г. Лидс (Великобритания). – MS. 780. P K.G. Izraztsov (4, 1918). – P. 172–175.

Положение спасало то, что у Русской православной церкви в Аргентине еще с дореволюционного времени наиболее тесное сотрудничество установилось с Сирийской православной церковью, чье духовенство, а также и миряне всегда были довольно благожелательно настроены по отношению к русским, предоставляли им здания для богослужений, сами проводили службы в отсутствии священников. По словам отца К.Г. Изразцова, сирийцы всегда «относились к России с большими симпатиями» и на тот момент не менее истинно русских людей были опечалены происходившими там событиями[1]. Так, викарием Антиохийского патриарха в Буэнос-Айресе служил архимандрит отец Игнатий (Абуррус), получивший духовное образование в России (где он прожил 16 лет), в совершенстве знавший все русские и славянские церковные традиции. Когда в церкви присутствовали русские, он всегда говорил о России и о том, что она сделала для Сирии. «Мы поражались, – писал в своих воспоминаниях генерал А.В. фон Шварц, – как этот чужой России человек сумел сохранить в своем сердце столько искренней и глубокой любви к стране, где получил духовное образование»[2].

В 1923 г., когда Сирийская и Греческая церкви как самостоятельные выделились из состава Русской православной церкви за рубежом, финансовое положение русского прихода в Буэнос-Айресе значительно ухудшилось, поскольку поступления для него шли больше от православных иностранцев, чем от собственно русских, не имевших достаточных средств для его содержания[3]. 27 августа 1923 г. отец К.Г. Изразцов был назначен в сан протопресвитера, а в

---

[1] Русский архив Университета г. Лидс (Великобритания). – MS. 780. P K.G. Izraztsov (4, 1918). – P. 172–175.

[2] *Шварц А.В. фон.* Жизнь, мысли, дела и встречи. – Часть V: На чужбине. Воспоминания (маш. копия с авт. правкой) // ГАРФ. – Ф. Р-10027. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 316.

[3] ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 1954. – Л. 3.

июле 1926 г. решением Синода Русской Православной Церкви Заграницей он становится Управляющим приходами во всей Южной Америке[1]. Эту миссию отец К.Г. Изразцов выполнял до 1934 г., когда сюда для обслуживания всех стран Южной Америки, кроме Аргентины, с титулом епископа Сан Паульского и всей Бразилии был назначен первый епископ владыка Феодосий (Самойлович).

В самой Аргентине вопросами взаимоотношения с некатолическими организациями ведало Министерство иностранных дел и культа, в составе которого действовал отдел Некатолических церквей. В соответствии с аргентинским Гражданским кодексом (ст. 35, § 4) только Римско-Католическая апостольская церковь обладала в этой стране правом «юридического лица». Всякая другая религиозная организация могла получить подобный статус, доказав, что «ее целью является общее благо, что она обладает имущественной автономией и юридической способностью приобретать имущество»[2]. В соответствии со ст. 34 Гражданского кодекса страны требовалось также предоставить «заслуживающее доверия доказательство, что Церковь признана в своей собственной стране как «юридическое лицо», выданное правительственными властями данной страны и легализованное консульскими или дипломатическими представителями Аргентины в этой стране»[3].

Кроме того, важно было дать точный титул духовного лица данной религиозной организации. В частности, аргентинцы называли Епархиального архиерея Русской православной церкви как «Obispo Ortodoxo *en la Argentina*», что в переводе с испанского языка означало – Епархиальный архиерей Русской Православной Церкви *в Аргентине*, и неприемлемым для местных католических кругов считалось

[1] ГАРФ. – Ф. Р-6343. – Оп. 1. – Д. 365. – Л. 51(об.).
[2] Там же. – Д. 592. – Л. 25.
[3] Там же. – Л. 100–101.

использование титула Obispo *de la Argentina*, т.е. *«Епископа Аргентинского»*. Требовалось также уточнение текста ектении и провозглашения многоя лета, когда молились о Родине и об Аргентине.

В результате ектения была составлена следующим образом: «О стране сей Аргентинской, президенте, воинстве и народе ея, и о стране нашей Российской, правительстве, воинстве и народах ея»[1].

Епархии Русской православной церкви за рубежом, образовавшиеся после 1920 г. в странах Латинской Америки, регистрировались здесь как русские православные общества, что предполагало наличие у них собственного устава, утверждавшегося местными властями и одновременно Архиерейским Синодом. Так, 26 июля 1926 г. декретом президента Аргентинской Республики была учреждена «Русская Православная Община в Аргентине», получившая права юридического лица[2]. С этого момента собственность Общины – церковные постройки, капитал, охранялись Конституцией и аргентинскими законами и не могли в случае установления дипломатических отношений с СССР перейти под юрисдикцию последнего.

С 1926 г., когда православные приходы, расположенные в странах Латинской Америки, перешли в подчинение Архиерейскому Синоду Русской Православной Церкви за границей, для большинства православных, переселившихся за океан, высшей канонической церковной властью являлся бывший митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), проживавший в г. Сремски Карловицы (Югославия). Те русские в Латинской Америке, которые были с этим не согласны, стали посещать храмы Константинопольского и Антиохийского патриархатов[3].

---

[1] ГАРФ. – Ф. Р-6343. – Оп. 1. – Д. 365. – Л. 25.
[2] Там же. – Д. 219. – Л. 162–167.
[3] Последние новости. – Париж, 1 июня 1922 г.

При приходах были созданы школы, библиотеки, издательства, дома для престарелых[1]. Именно церковь занималась здесь организацией начальной школы, в которой преподавали сами прихожане и где одним из обязательных предметов оставался Закон Божий. Так, прибывших из Европы детей русских беженцев при храме во имя Святой Троицы в Буэнос-Айресес безвозмездно обучали Н.Д. Ридигер, А.Г. Ракитина, Е.М. Григорьева, М.В. Лорец-Эблин, М.С. Адыров и др.[2]

Важную роль в процессе социокультурной адаптации русской эмиграции вдали от родины играла русская печать, помогавшая эмигрантам поддерживать язык и культуру как основу сохранения идентичности. В ряде стран Латинской Америки был представлен широкий спектр политической печати, включая левую коммунистическую, анархистскую, национал-патриотическую и правую радикальную прессу, имелись также популярные независимые издания.

В наибольшей степени русские периодические издания получили распространение в Аргентине. Первая русская газета «Слово» вышла в Буэнос-Айресе еще в 1904 г. В 1912 г. там же А.Я. Павловским, писателем и общественным деятелем, который в 1915–1916 гг. являлся столичным мэром, была основана еженедельная русская экономическая газета «Новый мир», выходившая вплоть до конца 1930-х гг.[3] Отдельные номера газеты за 1921–1923 гг. представляют значительный интерес с точки зрения изучения иммиграционной системы Аргентины как страны–реципиента, от характера которой во многом зависели и условия адаптация прибывавших сюда эмигрантов. До 1917 г. в Буэнос-Айресе выходила также газета «Русский голос», в которой содержались

[1] *Архимандрит Августин (Никитин).* Русский храм в Буэнос-Айресе. К столетию со времени освящения // Посев. – 2001. – № 10. – С. 34–35.

[2] ГАРФ. – Ф. Р-6343. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 71.

[3] *Путятова Э.Г.* Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX – начало XX в.) // Латинская Америка. – 2005. – № 7. – С. 80.

информация о России, а также ценные сведения о жизни переселенцев в Южной Америке (чаще агитационного характера с целью привлечь как можно больше переселенцев)[1].

Свои печатные издания в 1920–1930-е гг. в Аргентине имели революционные организации русской эмиграции социал-демократической и анархистской направленности. В частности, Союз российских социалистов и рабочих в Аргентине (СРСРА) издавал газету «Пролетарское слово», Русский коммунистический союз (РКС) – газету «Рабочая правда» и журнал «Документос дель прогресо», на страницах которого публиковались переведенные на испанский язык документы и материалы из Советской России.

Центральными печатными изданиями Федерации российских рабочих организаций Южной Америки (ФРРОЮА), располагавшейся в Аргентине, являлись газета «Голос труда», редактором которой был М.А. Комин-Александровский, и журнал «Коммунист», выходившие с 1918 и 1920 гг. соответственно[2]. На страницах газеты «Голос труда» за 1920–1930-е гг. помещались обзоры состояния русской трудовой эмиграции в отдельных странах Латинской Америке. Под рубрикой «Корреспонденция с мест» публиковались письма русских колонистов об их жизни в латиноамериканских странах[3]. С 1923 г. с целью помочь трудящимся с «саморазвитием и самовоспитанием» начало выходить ежемесячное «Приложение» к газете «Голос труда», которая имела также собственную типографию[4]. Созданная при Федерации «Рабочая Издательская Группа» занималась изданием и распространением многотысячных экземпляров произве-

---

[1] *Сизоненко А.И., Панков Н.А.* Наши соотечественники в Латинской Америке. – С. 19.

[2] *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. – Ч. 2. – Владивосток, 2000. – С. 119–120.

[3] Голос труда. Буэнос-Айрес. – 17 марта 1923 г.

[4] Голос труда. Приложение. Буэнос-Айрес. 1923. № 1 // ГАРФ. – Ф. 6784. – Оп. 1. – Д. 162. – Л. 7(об.)–8.

дений русских писателей, революционных деятелей, прежде всего русских анархистов. Кроме того, ФРРОЮА получила представительство на Южную Америку от всех крупных зарубежных издательств (Ладыжникова, Гржебина и «Logos» – в Германии, «Добро» – в Польше, Поволоцкого – во Франции, «Сегодня» – в Латвии, ИМКА-пресс и многих издательств – в США)[1].

Издательская деятельность ФРРОЮА завершилась в 1930 г. после того, как в результате переворота 6 сентября 1930 г. к власти пришла группа высших военных чинов аргентинской армии во главе с генералом Хосе Феликса Урибуру и в стране на 9 месяцев было введено военное положение. В ходе развернувшихся политических событий был сожжен весь фонд рабочей библиотеки русских эмигрантов в г. Бериссо (очевидно, предполагалось, что там хранится «подрывная» литература), многие члены Федерации были арестованы и сосланы на остров Мартин Гарсия. В связи с этим издательство «Голоса Труда» было перенесено в Уругвай (г. Монтевидео)[2].

Довольно многочисленными, хотя и недолговечными, были издания анархических организаций русской эмиграции в Аргентине. В частности, Союз русских анархистов-коммунистов издавал свой печатный орган – журнал «Бунтарь» (1928). Группа содействия русских анархистов «Делу Труда» имела газету «Анархия», выходившую с 1930 г. Группа «Вольная мысль» основала в 1932 г. печатный орган с одноименным названием[3]. В 1930 г., после серии арестов и преследований, которым подверглись в годы диктатуры революционные силы и их печатные издания, по инициативе ФРРОЮА был создан печатный орган анархистов-безвласт-

---

[1] *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине.

[2] Там же.

[3] Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы: 1917–1996 / сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова. – М., 1999. – С. 83.

ников журнал «Голос из подполья», редактором которого стал Н.А. Чоловский.

Н.А. Чоловский приехал на заработки в Аргентину в 15 лет, трудился на пивоваренном заводе «Пильзен», работал в газете «Новый мир» А. Павловского, где научился наборному дел. Он также писал статьи, некоторые из которых подписывал как «Киевский Мужик».

В дальнейшем Чоловский сыграл важную роль не только в становлении издательской деятельности русской эмиграции в Аргентине, но и в целом в деле пропаганды достижений русской культуры за рубежом. По его инициативе в 1923 г. в Буэнос-Айресе начала издаваться первая антикоммунистическая газета на испанском языке «Rusia Tragica» («Трагическая Россия» – *исп.яз.*), хотя вышло всего четыре номера тиражом 5 тыс. экземпляров. После закрытия «Голоса из подполья» с 1932 г. он начал издавать журнал «Сеятель». В течение ряда лет журнал выходил нерегулярно, в 1937–1938 гг. совсем прекратил свое существование, но затем издание было возобновлено, после чего журнал выходил еще в течение 50 лет, вплоть до конца 1980-х гг. Чоловский учредил также издательство «Сеятель», которое публиковало книги русских эмигрантов, часть из которых рассылалась бесплатно[1].

По воспоминаниям А. Астрау, появление журнала «Сеятель» по-разному было встречено русской эмиграцией: левые считали Чоловского белогвардейцем, белым эмигрантам он казался революционно настроенным автором, тем более что сам редактор сочувствовал анархистам и проводил, в частности, кампанию по сбору средств для Н. Махно, голодавшего в Париже. На страницах журнала, наряду с политическими публикациями антисоветского характера, ве-

---

[1] *Кублицкая М.А.* (Буэнос-Айрес). Русские могилы в Аргентине. Никифор Аввакумович Чоловский // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 186, 192.

лась важная культурно-просветительная работа среди эмиграции. В нем публиковались материалы о Л. Толстом, Т. Шевченко, С. Есенине, академике И. Павлове и другие материалы, а также рассказы о народовольцах, русских анархистах, которых Чоловский считал борцами за благо народа. Часть материалов в журнале посвящалась критическому освящению политических событий в СССР, в том числе, связанных с террором и голодом начала 1930-х гг. В 1939 г. Н.А. Чоловский на страницах своих изданий опубликовал известное письмо Ф. Раскольникова И. Сталину, выступил с осуждением пакта Молотова-Риббентропа. Став в результате ярым антикоммунистом, после Второй мировой войны он активно выступал против репатриации соотечественников в СССР (готовил плакаты, распространял листовки в порту среди уезжавших с призывом одуматься)[1].

Свои печатные издания, с разной степенью периодичности выходившие в странах Латинской Америки, создала белая эмиграция. Так, одной из первых газет в Аргентине, представлявших интересы антибольшевистских сил, стала газета «Свободная Россия», основанная еще в мае 1917 г. (редактор – доктор И.Л. Лейбов). Газета взяла на себя задачу «пропагандирования… идеи верности России своим международным обязательствам и порицания максимализма»[2].

С 1929 г. здесь начала издаваться газета «Русский в Аргентине», основателем и издателем которой был бывший офицер С.И. Стапран, редактором – инженер Г.М. Киселевский[3]. На страницах газеты много места уделялось российской истории, вопросам внешней и внутренней политики СССР. Подписка на газету, тираж которой доходил до 4 тыс. экземпляров, помимо Аргентины была открыта в

---

[1] *Кублицкая М.А.* (Буэнос-Айрес). Русские могилы в Аргентине. Никифор Аввакумович Чоловский // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 190–192.

[2] ГАРФ. – Ф. Р-5806. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 9 (об.).

[3] Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес. 26 августа 1939 г.

Уругвае, Бразилии, Парагвае, Чили[1]. В годы войны, как отмечает М.А. Кублицкая, произошла эволюция газеты «Русский в Аргентине» от «монархизма к сталинизму», т.е. «газета покраснела», в результате чего на ее первых полосах появился портрет И. Сталина. Это заставило ее редактора Г.М. Киселевского уйти со своего поста, и на его место пришла Г.И. Толмачева[2]. Ежегодно издавались также информационные «Календари газеты «Русский в Аргентине» и книги, в том числе советских авторов, которые в годы войны должны были вдохнуть «советский патриотизм» в эмигрантские души». Произведения русских классиков и патриотические труды советских авторов в годы войны издавала также семья Лашкевичей, проживавшая в Буэнос- Айресе[3]. 22 июня 1941 г. здесь же состоялось открытие славянской типографии, в которой выходила «патриотическая» славянская печать, а в славянских киосках и книжных магазинах в те дни можно было купить газеты и журналы на русском языке: «Правда», «Известия», «Гудок», «Труд», журналы «Большевик», «Смена», «Крокодил» и другие. В годы войны было создано также «Славянское издательство» (председатель – К. Гоневский). «Таким образом, – пишет М.А. Кублицкая, – слово «славянский» в Аргентине было монополизировано советскими патриотами, а белая эмиграция в названиях союзов, издательств, периодики использовала слово «русский»[4].

Широкое распространение в латиноамериканских странах получила в рассматриваемый период национально–патриотическая и пореволюционная печать, в том числе поступавшая сюда из Китая и США. В частности, центральным органом аргентинской секции Союза младороссов, к

---

[1] *Парчевский К.В*. Парагвай и Аргентину. – С. 234.

[2] *Кублицкая М.А*. Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине.

[3] Там же.

[4] Там же.

которому примыкали общества «Русский сокол» и «Русский очаг», стала выходившая здесь с 1937 г. как орган Русского патриотического объединения «Русская газета», редактором которой был И.И. Ломоть. Другая еженедельная национальная газета «Время», в редакционную коллегию которой входили Н.П. Александрович, Г.М. Киселевский, В.В. Лежнев, Г.А. Хуторев.

Свои издания в Аргентине имели русские фашисты. В 1936–1937 гг. Аргентинский отдел Всероссийской фашистской партии издавал «русскую национальную газету» «Русь», редактором-издателем которой был Д.И. Баширов. Вторым органом русских фашистов в этой стране стал «Вестник Аргентинского Отдела ВФП».

Важную роль в деле просвещения и сохранения культурных традиций в зарубежье играли русские библиотеки. Первые из них появились в Аргентине в среде трудовой эмиграции в начале XX в. В пригороде Буэнос-Айреса Лаважоль – библиотека при украинской культурно-просветительной организации «Юнацтво» («Юность»); при Союзе русских рабочих в г. Бериссо – русская библиотека, насчитывавшая до 10 тыс. книг (самая большая русская библиотека в Аргентине)[1]. В 1919 г. в Патагонии, в аргентинской провинции Санта Крус, была создана библиотека имени Л. Толстого.

В Буэнос-Айресе библиотека при ФРРОЮА насчитывала до 1,5 тыс. томов. Ее заведующим был все тот же Н.А. Чоловский, который принимал участие также в создании библиотек для русских рабочих в Лаважоле, Бериссо, Тажерес, Авежанеда. Эмигрантам в Аргентине через Чоловского оказывалась помощь в обеспечении русскими книгами (от учебников до произведений русской и зарубежной художественной литературы) проживавшим в Швейцарии

[1] *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине.

Н.А. Рубакиным. Вплоть до конца 1930-х гг. от него поступали книги в адрес русских библиотек различных городов Аргентины, поддерживалась связь с эмигрантами из России – Н.А. Скотиком, И. Бондаренко[1].

Свою библиотеку создал отец К.Г. Изразцов, которая легла в основу церковной библиотеки при храме Святой Троицы в Буэнос-Айресе. При этом, если в предреволюционное время, как отмечает М.А. Кублицкая, не было разделения на «русскую» и «украинскую» колонии, то в межвоенный период эти колонии не только существовали отдельно, но и враждовали и по этой причине русские и украинские издательства и библиотеки также существовали самостоятельно друг от друга[2].

Сохранить культурное наследие за рубежом, передать его потомкам – эта миссия полностью легла на плечи представителей русской интеллигенции, научной и художественной, которая смогла предложить принимающему их обществу свой набор профессиональных и образовательных услуг, внеся свой вклад в развитие культуры стран-реципиентов. Это, прежде всего, касалось бывших русских военных и специалистов, значительная часть из которых оказалась в Аргентине. Среди них был, как уже отмечалось, генерал А.В. фон Шварц, который после Италии и Франции продолжил работу над своими трудами в области фортификации. Всего им было опубликовано 7 томов больших научных работ по проблемам организации обороны страны и еще 25 отдельных исследований по различным вопросам военного искусства, напечатанных в аргентинских военных журналах[3].

---

[1] НИОР РГБ. – Ф. 358. – Ящик № 334. – Д. 64. – Л. 207, 24, 28.277, 28.209, 63–64.

[2] *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине.

[3] *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – С. 111.

С опытными и образованными морскими офицерами И.А. Гавриловым и Л.В. Быстроумовым он занимался «академической проблемой организации обороны морских границ». Целью подобных разработок, как писал А.В. фон Шварц, было «дать Аргентине такую оборонительную организацию, которая обозначила бы полную неуязвимость ее морских границ на долгое время». Но с сожалением русский генерал был вынужден констатировать, что их предложения не привлекли внимания начальства в Морском министерстве. Немногими читались и его статьи в академическом журнале «Revista de Comunicaciones», призванные пробудить в аргентинских офицерах интерес к фортификации[1]. Одновременно А.В. фон Шварц был автором пяти изобретений (патентов) в области сооружения берегов и его усовершенствования; двух изобретений для обеспечения подводных лодок и других судов флота, четырех изобретений в области постройки дорог (в том числе путем обжига земли); ему принадлежали также изобретения искусственных камней и «способа фабрикации саранчи в удобрении» и др.[2]

В 1929 г. из Марокко в Парагвай, а затем в Аргентину переехал М. Архангельский, получивший диплом инженера в Пражском университете. Он стал известным математиком и геофизиком-теоретиком, имел около 15 опубликованных научных работ.

По прибытии в Аргентину М. Архангельский строил здесь нефтяные заправочные станции, искал нефть в Патагонии, в дальнейшем конструировал и сооружал нефтяные терминалы. Ему принадлежала разработка идеи подаче нефти на танкеры в условиях приливной волны. При этом сам М. Архангельский так и не принял аргентинского граждан-

[1] *Шварц А.В. фон.* Жизнь, мысли, дела и встречи. – Часть V: На чужбине. Воспоминания (маш. копия с авт. правкой) // ГАРФ. – Ф. Р-10027. – Оп. 1. – Д. 8. – Л., 119, 347.

[2] Там же. – Л. 378.

ства, продолжая до конца дней своих жить с «нансеновским паспортом» беженца[1].

Полковник русской артиллерии, доктор технических наук, профессор М.М. Костевич – выпускник Михайловской Артиллерийской Академии в Санкт-Петербурге, проживавший с 1932 г. в Аргентине, являлся крупным специалистом в области взрывчатых веществ, был автором многих работ, которые принесли ему мировую известность. В честь 50-летия научной деятельности М.М. Костевич был награжден аргентинским правительством золотой медалью за выдающиеся заслуги в области химии и взрывчатых веществ[2].

В 1924 г. бывший русский моряк В.В. Добровольский возглавил группу зимовщиков для работы на аргентинской научной базе в Антарктиде, на островах Оркадас в Южной части Ледовитого океана. В 1974 г. по случаю 50-летия экспедиции ему от имени Ассоциации Аргентинской Антарктиды была вручена юбилейная медаль[3]. Среди ученых-ботаников, принявших участие в создании национальных парков на юге Аргентины, в зоне Барилоче, были русские инженеры-лесоводы – князь С.С. Шаховской и Д.А. Гавриленко. В стране были известны имена геолога Пятницкого, специалиста по плотинам А. Данилевского, биолога А.И. Ракитской[4].

Важный вклад русские эмигранты, проживавшие в Аргентине, внесли в сохранение и продвижение русской культуры за рубежом. Так, сначала в Чили, а затем в Аргентине литературной деятельностью занимался русский граф, офи-

---

[1] *Лушев Е.* Русское рассеяние. Аргентина. Очерки. – Калининград, 2007. – С. 25–26.

[2] Информационный Бюллетень Российского Национального Союза. – Буэнос-Айрес. № 339 (февраль 1954 г.). – С. 18.

[3] Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. – СПб, 2010. – С. 312.

[4] *Андрушкевич И.* Русские в Аргентине // Электронное Кадетское письмо. – Буэнос-Айрес. – Июнь 2010. – № 63. – URL: http://xxl3.ru/kadeti/andruskiewitch.htm#kadeti (дата обращения: 15.05.2021).

цер П.П. Шостаковский, который был членом аргентинского Общества писателей, выступал с лекциями по русской литературе в Свободном Институте Высших Знаний этой страны[1]. Он – автор перевода на испанский язык «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. В эмиграции им были написаны такие произведения, как «Русская Голгофа», «Затонувший мир. Воспоминания о царской России» (на испанском языке); «История русской литературы» на испанском языке.

С 1927 по 1950 г. в Аргентине жил и работал скульптор С.Ф. Эрьзя (н.ф. Нефедов) – автор свыше 200 скульптур из твердых пород аргентинского дерева (кебрачо)[2]. Среди работ скульптора – «Бетховен», «Лев Толстой», «Александр Невский», «Аргентинка», «Индеец» и др. В 1935 г. ему была присуждена Вторая муниципальная премия, в 1936 г. – специальная премия Национального салона для иностранцев, в 1942 г. – первая премия муниципалитета Буэнос-Айреса. Там же, в Буэнос-Айресе, в театрах «Колон» и «Атенео», работал театральный художник и живописец К.В. Попов – потомок донских казаков, ученик К. Коровина, участник Пушкинского комитета, при жизни которого в Аргентине прошло более сорока персональных выставок[3].

Особую роль в деле пропаганды отечественного искусства в странах Латинской Америки сыграли артисты русского балета, которые в разные годы гастролировали на латиноамериканском континенте, а также работали там постоянно. Прежде всего речь идет о труппах С. Дягилева и А. Павловой. Их творческая деятельность способствовала не только укреплению славы нового русского балета за океаном, но и впоследствии возникновению здесь собственных балетных театров и школ, а благодаря наличию теат-

---

[1] *Шостаковский П.* Путь к правде. – Минск, 1960. – С. 87.

[2] *Бутрова Е.* Русский скульптор Степан Эрьзя и Южная Америка // Латинская Америка. – 2010. – № 11. – С. 58–68.

[3] *Кублицкая М.А.* Пушкин в Аргентине.

ральных декораций и костюмов, сопровождавших гастроли, латиноамериканская публика познакомилась также с творчеством декораторов-художников.

Первые гастроли артистов русского балета в составе Дягилевской труппы с участием с Т. Карсавиной, В. Нижинского, А. Больмонта и др. состоялись в Латинской Америке еще осенью 1913 г., во время которых в течение двух месяцев на сценах театров Аргентины, Уругвая, Бразилии было поставлено 30 балетных спектаклей. Основное их количество приходилось на Буэнос-Айрес, где, как писал С. Лифарь, спектакли имели громадный успех[1]. Здесь были поставлены дягилевские спектакли «Павильон Артемиды», «Шехерезада», «Призрак розы», «Половецкие пляски» и др. Свидетельством успеха труппы Дягилева в Аргентине стали пять дополнительных спектаклей[2]. Для русских артистов сцена театра «Колон» в Аргентине имела особое значение, поскольку в этом театре пели все европейские знаменитости, включая Ф.И. Шаляпина [3].

В 1917 г. труппа С.П. Дягилева в ходе очередного гастрольного тура по странам Латинской Америки вновь посетила Аргентину, куда во время войны эмигрировало много европейцев, повлиявших на отношение аргентинцев к искусству, которые, в свою очередь, стали разборчивее и более осознанно, чем раньше проявлять интерес к спектаклям русской труппы. 26 сентября 1917 г. в театре «Колон» состоялось последнее выступление В. Нижинского[4].

В том же году здесь выступала с собственной труппой («Павлова балет инкорпорейтед») Анна Павлова, которая встречалась с президентом Аргентины. Здесь она «была сразу признана «La reina de la danza» [королевой танца. –

---

[1] *Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. – М., 1994. – С. 250.

[2] Петербургская газета. – 30 сентября 1913 г.

[3] Петербургская газета. – 19 ноября 1913 г.

[4] *Нижинская Р.* Вацлав Нижинский / пер. с англ. Н. Кролик. – М., 2004. – С. 132.

Авт.][1]. Вновь балерина с труппой вернулась в страну в 1928 г.

После революции многие артисты из трупп С. Дягилева и А. Павловой нашли применение своим творческим силам в Южной Америке и прежде всего в Аргентине, где, в частности, работали Б.Ф. Нижинская, Л.Ф. Шолар, Б.Г. Романов, Е.А. Смирнова, О. Спесивцева[2]. Не случайно И.Н. Андрушкевич отмечал, что «большой аргентинский балет Театра «Колон» ведет свое происхождение от русского классического балета, прибывшего в Аргентину из Франции, в конце двадцатых годов прошлого века»[3]. Среди художников и артистов в Аргентине были в том числе Бенуа, Смирнова, Григорьева (которая создала здесь собственную балетную школу).

В конце 1929 г. – начале 1930 г. контракт с театром Аргентины заключила труппа «Русской частной оперы», созданной в Париже в 1928 г. усилиями импресарио князя А. Церетели и полковника русской армии В.Г. Воскресенского (псевдоним – В. де Базиль).

Когда началась Вторая мировая война и работать в Европе стало невозможно, Латинская Америка стала основной творческой площадкой для труппы «Оригинального русского балета» (Original Ballet Russe или просто Ballet Russe), которым с 1936 г. руководил В. де Базиль. С 1941 до сентября 1946 гг. Оригинальный русский балет продолжал осуществлять свою концертную деятельность в странах Латинской Америки, включая Аргентину. В 1943 г. Ballet Russe провел в Буэнос-Айресе совместный сезон с коллективом

---

[1] *Нижинская Р.* Вацлав Нижинский / пер. с англ. Н. Кролик. – М., 2004. – С. 401.

[2] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 12. – С. 87.

[3] *Андрушкевич И.* Русские в Аргентине // Электронное Кадетское письмо. – Буэнос-Айрес, июнь 2010. – № 63. – URL: http://xxl3.ru/kadeti/andruskiewitch.htm#kadeti (дата обращения: 15.05.2021).

балета оперного театра «Колон»[1]. Говоря о степени популярности этого вида искусства в Аргентине, участница труппы, в дальнейшем – директор балета Муниципального театра в Рио-де-Жанейро, правнучка писателя Т.Ю. Лескова, вспоминала: «Буэнос-Айрес был тогда маленьким Парижем!»[2].

Таким образом, можно заключить, что ни одна другая национальная труппа не сделала так много для распространения искусства балета по всему миру и, в частности, в Латинской Америке, как Русский балет С.П. Дягилева, труппа А.П. Павловой и позднее – Ballet Russe, благодаря которым с помощью артистов русских театров происходило становление и развитие национального балета и формирование балетных школ в разных странах латиноамериканского континента.

Так, через различные направления творческой деятельности представители русской эмиграции содействовали, с одной стороны, сохранению национальной традиции и пропаганде достижений русской культуры за рубежом, с другой, через установление межкультурного диалога, внесли свой вклад в развитие системы образования и культуры стран проживания.

В целом для сохранения национальной идентичности русских в условиях рассеяния, в частности, в странах Латинской Америки, важно было то, что в диаспоре сохранялось само имя Россия и связанная с ним русская государственная символика (флаги и двуглавые орлы), прежде всего благодаря деятельности русских школ, русских молодежных, общественных, политических организаций, военно-мемориальной деятельности старшего поколения эми-

---

[1] Русский балет. Энциклопедия. – URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Balet/o.php (дата обращения: 23.03.21).

[2] *Мацан К.* Русская по сердцу. В гостях у правнучки писателя Николая Лескова. – URL: http://ricolor.org/journal/18/intervie/3 (дата обращения: 23.03.21).

грантов. Важными факторами сохранения идентичности являлись также русский язык, культура, православная вера и духовное воспитание молодежи в семье и в лоне Русской православной церкви, культивирование в ее среде национальных традиций и уважения к своим предкам и историической родине. Этому служили также русская печать, книгоиздательское дело, библиотеки, являвшиеся своеобразным «мостиком между чужой страной и оставленной родиной».

Политическая жизнь русской пореволюционной эмиграции представляла собой еще одну важную сторону ее пребывания в рассеянии. Спектр политических интересов значительно расширился, а общественно-политическая жизнь в русских колониях приобрела заметную контрастность: от левых прокоммунистических до монархических, национал-патриотических и откровенно профашистских.

Свои организации имели здесь русские, украинские и белорусские рабочие, как, например, Союз украинских рабочих организаций в Аргентине (с 1932 г. – Союз украинско-белорусских рабочих организаций), насчитывавший 52 отделения в стране и др.[1]

В феврале 1918 г. в Аргентине была создана Федерация российских рабочих организаций Южной Америки (ФРРОЮА), которая объединила шесть эмигрантских групп: Русские рабочие группы таких городов, как Буэнос-Айрес, Бериссо, Россарио, Союз русских рабочих г. Монтевидео и др.[2] К концу 1920-х гг. в составе ФРРОЮА было уже 17 организаций общей численностью 15 тыс. человек. Организация установила связи с РСФСР. Но в 1921 г. ФРРОЮА встала на позиции анархо-синдикализма и отказалась присоединиться к Коминтерну.

---

[1] *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки (Исторический очерк). – Киев, 1980. – С. 102.

[2] *Галанцева Н.Н.* Общественные и культурные связи между СССР и Аргентиной в 1917–1920-е гг.: дис. … канд. ист. наук. – М., 1991. – С. 66.

Такие организации, как Российский союз рабочих-социалистов (переименованный в Русскую коммунистическую группу), примкнул к Коммунистической партии Аргентины; в ней присоединился также Союз российских социалистов и рабочих в Аргентине, состоявший из представителей социал-демократического крыла русской политической иммиграции или максималистами, как их называли на Западе[1]. Одновременно происходила активизация международной деятельности Коминтерна на континенте через различные эмигрантские организации (от их имени которых Латинскую Америку летом 1920 г. на II конгрессе Коминтерна в Москве представляли два русских эмигранта М. Машевич и М. Комин-Александровский, ставший затем уполномоченным представителем этой организации на континенте, а позднее и представителем Профинтерна в странах Южной Америки. Таких эмигрантов, отмечает Л.С. Хейфец, называли здесь «русско-аргентинскими Лениными»[2].

По-прежнему популярным среди трудовых эмигрантов оставалось такое течение, как анархо-коммунизм, сторонники которого в 1928–1930 гг. создали в Аргентине Союз русских анархистов-коммунистов, группы «Бунтарь», «Вольная мысль», «Труд», Комитет помощи анархистам СССР по ссылкам, каторгам и тюрьмам, Комитет помощи музею П. Кропоткина в Москве[3].

Подобная деятельность расценивалась властями, как подрывная, подчеркивалась связь левых организаций с Коминтерном, что рассматривалось как угроза общественному порядку. Против «русских пропагандистов» и их подрывной работы в разных странах свою борьбу вела национальная полиция и созданный в 1930 г. после прихода к власти гене-

---

[1] *Хейфец Л.С.* Коминтерн в Латинской Америке. – СПб, 2004. – С. 65.

[2] Там же. – С. 67, 73.

[3] Анархия. Буэнос-Айрес, май 1930. № 4–5; Бунтарь. – Буэнос-Айрес, 1921, август. – № 1.

рала Хосе Феликса Урибуру специальный отдел политической полиции по борьбе с коммунистами (Сексион Специаль), в котором служили русские офицеры.

Целенаправленную борьбу с коммунистической опасностью в мире развернули такая организация, как Международное антикоммунистическое соглашение по борьбе с III Интернационалом (Entente Internationale Anticommuniste, EIA), больше известная как Международная Лига борьбы с III Интернационалом или Лига Обера, и созданная в 1927 г. в ее составе по инициативе братьев А.И. и Ю.И. Лодыженских Русская секция. Вскоре уже в 17 странах, где проживали русские эмигранты, включая, Аргентину, были назначены представители ее представители Русской секции[1]. В Аргентине такие же задачи решала антикоммунистическая «Патриотическая Лига» Аргентины (Liga Patriotica Argentina – *испан.яз.*).

Активным участником этих процессов был капитан I ранга Б.Н. Шуберт, который переводил на испанский язык издаваемые Лигой Обера брошюры о деятельности Коминтерна и способах борьбы с ним. Эти материалы в дальнейшем направлялись президенту Патриотической Лиги Аргентины. Аналогичная контрпропагандистская деятельность осуществлялась капитаном Шубертом и в связи с пред принимавшимися СССР усилиями по установлению контактов с аргентинскими властями. В частности, в одном из писем 1925 г. в адрес Лиги Обера Б.Н. Шуберт указывал «на опасность со стороны прибывшей сюда в канун ноября под видом Северо-Американской торговой миссии кампании большевиков» во главе с Е.И. Краевским, который пытался встретиться с аргентинским руководством «на предмет признания Советов Аргентиной»[2]. В результате в октябре 1925 г.,

[1] *Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). – Астрахань, 2008. – С. 250–251.

[2] БФ РЗ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Картон № 6. – Д. 66. – Л. 6.

когда прибывший в соседний Монтевидео советский пароход «Воровский» добивался разрешения на вход в г. Буэнос-Айрес, ему было в этом отказано, лишь благодаря, по признанию Б.Н. Шуберта, энергичному выступлению президента Патриотической Лиги Аргентины[1].

Среди представителей белой эмиграции наибольшее число было монархистов. Диаспора военных оставалась структурирована благодаря сохранению в зарубежье Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). I Аргентинский подотдел РОВС во главе с полковником А.Н. Ефремовым был создан только в 1931 г. и направлен на поддержание воинского духа в военной эмигрантской среде, организацию антикоммунистической пропаганды. В его состав входили различные воинские союзы и организации, в том числе общества «Русский сокол (председатель – В.В. Зуев), «Русский очаг» (председатель – В. Дахин), Общество галлиполийцев, «Кают-компания офицеров императорского флота».

После создания в 1936 г. новой организации русских военных – Русского Национального Союза участников войны (РНСУВ) его отделение появилось также и в Аргентине[2]. Данные организации занимались сохранением офицерских кадров белой армии, поддержания в них военных знаний для будущей борьбы с СССР, в том числе в целях воспитания молодого поколения «в истинно русском духе», монархической убежденности до восстановления прежней России.

Значительная часть военной эмиграции являлась сторонником великого князя Николая Николаевича, принявшего на себя после организационного оформления РОВС верховное правление зарубежным воинством. После образования в 1924 г. «Казны Великого князя Николая Николаевича» и объявления сбора средств для ведения антибольшевистской пропаганды в Латинской Америке всю работу в этом

---

[1] БФ РЗ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Картон № 6. – Д. 66. – Л. 6.

[2] *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. – С. 125.

направлении возглавил проживавший в Аргентине капитана I ранга Б.К. Шуберт. Он по просьбе князя Н.Л. Оболенского взял на себя обязанность в организации помощи Казне на континенте. В Буэнос-Айресе ему помогал в этом протопресвитер Константин Изразцов[1], поддержавший призыв великого князя Николая Николаевича по созданию широкого национального фронта русских монархистов. После создания на Зарубежном съезде в 1926 г. «Зарубежного Патриотического Объединения» Б.К. Шуберт и ряд воинских чинов объявили о вступлении в его ряды и о создании его отдела в Аргентине.

Однако проблема заключалась в оторванности центров русского зарубежья латиноамериканских стран от Европы, в ограниченности их доступа к информации о событиях, которые происходили в политической жизни находившейся там эмиграции. Тем не менее, вел. кн. Николаем Николаевичем и князем Н.Л. Оболенским был налажен канал, по которому распространялась информация.

Именно аргентинский канал стал главным в деле обмена информацией между великим князем Николаем Николаевичем и представителями русской военной эмиграции в Латинской Америке. В частности, здесь был сделан перевод на испанский язык «Обращения Зарубежного съезда 1926 г. ко всем народам мира» и отсюда, после чего текст был распространен на другие страны континента, где проживали русские. Из Аргентины пожертвования приходили регулярно, вплоть до смерти великого князя. Начиная уже с 1923 г., Б.К. Шуберт лично занимался также сбором средств для оказания финансовой помощи движению, которое возглавлял великий князь. Почти ежегодно вплоть до смерти вел. кн. Николая Николаевича в 1928 г. в Европу из Аргентины отправлялось 300–350 франков ежемесячно[2].

---

[1] БФ РЗ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Картон № 9. – Д. 68. – Л. 1.
[2] Там же. – Картон № 6. – Д. 67. – Л. 11–13, 15.

По личной просьбе вел. кн. Николая Николаевича помощь движению оказывал проживавший в Аргентине генерал Александр Владимирович фон Шварц, которому также было сделано предложение возглавить комитет по сбору средств по местам расселения русских в стране, что должно было усилить приток пожертвований, гарантией чему могло стать положение, которое занимал генерал в аргентинском обществе, а также его личные знакомства и связи[1]. А.В. фон Шварц выполнил пожелание об увеличении сборов в стране, решив со своими единомышленниками, что все будут вносить ежемесячно, «кто что может», а деньги пересылались казначеем Шубертом по четвертям года, т.е. в конце марта, июня и т.д.

В письме от 26 октября 1928 г. князь Н.Л. Оболенский подтверждал, что сборы по Аргентине продолжали возрастать, составив на тот момент сумму в 1 тыс. франков[2]. При этом особо отмечалось участие в сборах протопресвитера отца К.Г. Изразцова. Н.Л. Оболенский писал, что «результаты живого слова о. Протопресвитера в церкви в этом отношении весьма показательны, собранная же им сумма – 1225 фр. сама говорит за себя»[3]. Правда, уже после смерти великого князя деятельность в этом направлении фактически прекращается, хотя с 1929 г. в Латинской Америке появляются отделы и представительства еще одной монархической организации – Российского Имперского Союза (РИС), также ориентировавшегося на «антикирилловский» Высший Монархический Совет[4].

Но были в Аргентине и те, кто поддерживал кандидатуру вел. кн. Владимира Кирилловича, в частности, со-

[1] БФ РЗ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Картон № 9. – Д. 69. – Л. 7–10(об.).

[2] Там же. – Д. 68. – Л. 13.

[3] Там же.

[4] *Окороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. 1920–1990 гг. – М., 2003. – С. 67.

здатели еженедельной газеты «Время» – Н.П. Александрович, Г.М. Киселевский, В.В. Лежнев, Г.А. Хуторев[1].

Наряду с леворадикальными и консервативным течениями, в странах Латинской Америки получили распространение и пореволюционные течения общественно-политической мысли Русского зарубежья – сторонников так называемого «третьего пути», в частности, это были младороссы и представители русского фашизма. Аргентинскую секцию Союза младороссов возглавлял бывший морской офицер князь Волконский[2].

Вслед за организационным оформлением фашистского движения в Харбине и созданием здесь Русской фашисткой партии (РФП) во главе с К.В. Родзаевским в Аргентине появляются организации правого толка, в частности фашистская группа под руководством Г.Ф. Башкирова – издателя и редактора газеты «Русь». Во главе еще одной группы находился проживавший в Аргентине В.В. Шапкин – полковник армии генерала П.Н. Краснова, бывший министр Донского правительства[3], который возглавлял отделение Всероссийской фашистской партии общей численностью несколько сот человек. В основе идеологии лежал национализм и антисемитизм.

Непосредственно на русскую эмиграцию в Латинской Америке оказали влияние как дальневосточное, так и американское направления русского фашизма, причем последнее в силу географической близости в большей степени.

Но, помимо политических пристрастий представителей русской диаспоры, определенное значение имела конкретная обстановка, сложившаяся в той или иной стране эми-

---

[1] Время. Буэнос-Айрес. 18 февраля 1939 г. // ГАРФ. – Ф. Р-6784. – Оп. 1. – Д. 162. – Л. 2(об.).

[2] *Сизоненко А.И., Панков Н.А.* Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002. – С. 29.

[3] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 12. – С. 92.

грантского рассеяния[1]. В 1930-е гг. в Аргентине в период правления президента Хосе Феликс Урибуру, а затем Хуана Доминго Перона и в Бразилии времен президента Жетулиу Варгаса установились националистические военные режимы, заимствовавшие у итальянского фашизма и германского нацизма идеи национализма, сильной государственной власти, корпоративизма и антикоммунизма. В этот период многие правые в среде русского воинства также начали высказывать свои симпатии нацистской Германии, с которой связывали надежды на освобождение России. К праворадикальным взглядам часть эмиграции толкало и то, что не было забыто предательство Антантой своей союзницы России и ее белых армий. Сторонниками фашистской идеологии в эмигрантской среде помимо русских офицеров, являлись представители казачества, некоторая часть рабочих, бывших солдат Добровольческой армии, надеявшиеся, что фашисты Германии помогут освободить Россию от «засилья большевизма»[2].

Анализ институциональных форм русской эмиграции в межвоенный период странах Латинской Америке показывает, что отрыв от родины, языковая изоляция и отсутствие дипломатической поддержки в различной степени стимулировали объединение российской иммиграции. Русская эмиграция многое делала для сохранение русской национальной культуры за рубежом и одновременно участвовала в межцивилизационном диалоге, который способствовал взаимовосприятию народов, преодолению существовавших стереотипов. Институтами по поддержанию русской идентичности в Аргентине выступали школы (чаще всего воскресные при православных приходах), детские и юношеские организации, к числу которых относились скаутские объе-

[1] *Комин В.В.* Белая эмиграция и Вторая мировая война. – Калининград, 1976. – С. 11.

[2] *Бенуа Г.* Указ. соч. // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 12. – С. 92.

динения, витязи, русское сокольство, юные разведчики, деятельность которых была направлена на поддержание веры и чувства патриотизма

1.3. Вторая мировая война и эволюция российской эмиграции в Аргентине

Вторая мировая война и особенно нападение гитлеровской Германии на СССР поставили перед российской эмиграцией проблему нравственного выбора, хотя политическое размежевание по вопросам фашизма и войны в среде Русского зарубежья, как уже отмечалось выше, обозначилось еще в 1920-е гг. С начала 1930-х гг. наблюдалась заметная тенденция к увеличению германских инвестиций в экономики стран Латинской Америки. При этом более половины общей суммы германских капиталовложений было сосредоточено в Аргентине, что объяснялось различными факторами. С одной стороны, между Аргентиной и Германией шла активная торговля, в этом латиноамериканском государстве функционировали многочисленные отделения германских гроссбанков. Последние стали важными опорными пунктами нацистов в Аргентине накануне войны[1].

С другой стороны, следует учитывать и факторы этнокультурного и политического плана: существование в этом латиноамериканском государстве крупных немецких поселений, германское влияние в аргентинской армии, пронацистские симпатии части правящей элиты Аргентины. Следует учесть, что только в Буэнос-Айресе существовало 400 ячеек Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП)[2]. Здесь практически беспре-

[1] *Григорьян Ю.М.* Германский империализм в Латинской Америке (1933–1945). – М.: Наука, 1974. – С. 23, 25.

[2] Там же. – С. 144–145.

пятственно разворачивалась деятельность германской «пятой колонны».

В годы Второй мировой войны, как отмечает А.И. Сизоненко, позиция латиноамериканских государств была в основном «настороженно-наблюдательной», а в целом ряде случаев – и прямо враждебной по отношению к СССР[1]. Антикоммунистические настроения были характерны, в частности, для правительства Р. Кастильо (1940–1943). Вместе с тем советские историки отмечали: «Поскольку Аргентина на протяжении почти всей войны являлась формально нейтральным государством, она расширяла выгодные экономические и торговые связи как со странами «оси», так и с Антифашистской коалицией»[2]. Действительно, правительство Аргентины умело находить компромиссы со странами антигитлеровской коалиции, в ряде случаев идя им навстречу. Так, У. Черчилль указывал, что британцы договорились с аргентинцами о том, чтобы «платить им в стерлингах, которые могли иметь хождение повсюду в стерлинговой зоне, а они обязались придержать все те фунты стерлингов, которые им не нужно было расходовать немедленно, и совершать сделки, руководствуясь официальным обменным курсом»[3]. Это соглашение было весьма необходимо Великобритании, так как позволяло ей стабилизировать свою финансовую систему. Противоречивый характер американо-аргентинских отношений периода Второй мировой войны также уже не раз находил отражение в исследовательской литературе[4]. Вместе с тем лишь в январе 1944 г. Аргентина

---

[1] *Сизоненко А.И.* Становление отношений СССР со странами Латинской Америки (1917–1945 гг.). – М.: Наука, 1981. – С. 149.

[2] Латинская Америка. Энциклопедический справочник / гл. ред. В.В. Вольский. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – Т. 1. – С. 267.

[3] *Черчилль У.* Вторая мировая война. – М.: Воениздат, 1991. – Кн. 1-2. – Т. 1-2. – С. 538.

[4] См.: *Vannucci A*. The Influence of Latin American Government on the Shaping of United States Foreign Policy: the Case of US – Argentine Relations, 1943-1948 // Journal of Latin America Studies. – 1986. – Vol. 18. – Issue 2. – P. 355–382.

разорвала дипломатические отношения с Германией и Японией, в марте 1945 г. она объявила им войну.

Нападение гитлеровской Германии на СССР усилило раскол в среде русской диаспоры Аргентины, окончательно разделив эмиграцию на «красных» (совпатриотов) и «непримиримых», «оборонцев» и «пораженцев». «Для всех нас, – вспоминал позднее Г.А. Бенуа, – и хозяев страны, аргентинцев, и англичан, и белых русских, заброшенных на далекий континент вихрем революций… стоял один вопрос, мучительный и неразрешенный: что дальше? С кем мы в этой борьбе?»[1]. Г.А. Бенуа был выпускником 1-го кадетского корпуса, участником Первой мировой войны, офицером штаба Белой армии А.И. Деникина. В эмиграции он работал художником, чертежником, трудился в аргентинском представительстве нефтяной компании «Шелл», но продолжал оставаться убежденным патриотом России.

При этом практически все эмигранты «первой волны» считали себя патриотами, но у каждого было свое понимание патриотизма, которое базировалось на таких категориях, как «родина», «историческая память», «долг перед отечеством». Большая часть белой эмиграции не желала иметь ничего общего ни с новой страной под названием СССР, ни с установившемся в ней советским строем, а связи с этим и с социалистическим левым движением в странах, куда они были заброшены судьбой и где, как, например, в Аргентине, к тому времени сложилось просоветское крыло российской трудовой эмиграции – своего рода «коминтерновская фронда».

Та часть эмиграции, которая с самого начала занимала антикоммунистические позиции, составила лагерь так называемых «пораженцев» – сторонников свержения существовавшего в СССР политического режима любой ценой и любыми силами, включая внешние. В составе этого лагеря оказалась значительная часть военной эмиграции, право-

---

[1] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 10. – С. 94.

славного духовенства, некоторые представители интеллигенции. «Пораженцы» исходили из наличия у России двух врагов: внешнего – в лице Германии, Японии, Польши и внутреннего – большевистской диктатуры. Действуя по принципу выбора «меньшего из двух зол», делая ставку на Германию, эта часть эмиграции видела свой патриотический долг в свержении с помощью нацистов советской власти и в освобождении России от «антирусского коммунистического Интернационала». В этой связи частью эмиграции положительно оценивался факт создания Антикоминтерновского пакта в 1936–1937 гг.

Представители националистических организаций эмигрантов из Прибалтики, Закавказья, Западной Украины, проживавшие в Латинской Америки, также отличались непримиримостью по отношению к политическому режиму СССР и с надеждой смотрели на нацистскую Германию. В их числе были украинские националистические организации «Просвита», «Стрелецька громада», «Видрождения»[1]. Подобные настроения отражали на своих страницах такие издававшиеся в Аргентине печатные издания, как «Курьер Польски», «Глас Польски», хорватские «Нашаш Слога» и «Аргентинские Новины», украинские «Наш Клич», «Переломе», «Украинское слово», «Словенске лист» и «Словенске Люд» и др.[2]

Однако новое размежевание не всегда совпадало со старым традиционным для эмигрантов идеологическим расколом на политические группы и движения. Нередко убежденные монархисты и даже представители императорской фамилии становились «оборонцами», а люди вовсе без убеждений – «пораженцами». Накануне и в первые годы войны проявилась новая тенденция в политической жизни русской

[1] Славяне. – 1950. – № 9. – С. 27; *Стрелко А.А.* Антифашистское движение иммигрантов-славян // Советский Союз – Латинская Америка в годы второй мировой войны. – М.: ИЛА АН СССР, 1975.– С. 42.

[2] ГАРФ. – Ф. Р-6646. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 2–3.

эмиграции, которая заключалась в поиске диалога диаспоры с СССР. Ко второй половине 1930-х гг., под влиянием изменений в пропагандистской риторике советского руководства произошло некоторое смягчение резких противоречий части Русского зарубежья и советской страны, что, в свою очередь, способствовало зарождению в эмиграции движения к сближению с Советским Союзом, связанного с ростом угрозы со стороны набиравшего силу фашизма[1].

На этом фоне произошел переход части эмигрантов «первой волны» на позиции «оборончества», а в ряде случаев и советского патриотизма. В результате участниками оборонческого движения в Аргентине стали, с одной стороны, представители трудовой эмиграции, симпатизировавшие советской власти, с другой – часть белой эмиграции, которая, оставаясь на антикоммунистических позициях и не признавая сталинский режим, крайне отрицательно отнеслась к нападению нацистской Германии на Россию. В Аргентине в числе «оборонцев» был генерал-лейтенант А.В. фон Шварц, который сразу же после нападения Германии на Советский Союз заявил о необходимости выступить в столь тяжелый час на стороне Родины и пожелал победы ее армии.

При этом следует учесть, что генерал А.В. фон Шварц в тот момент был весьма критически настроен в отношении военного потенциала СССР. Он замечал, что советская армия казалась «не готовой к войне». Информация о состоянии авиации, вооружений, оборонительных сооружений армии и качествах ее военачальников показывала, что Красная армия не сможет «тягаться с немецкой». «Когда под влиянием внезапности нападения русская армия вынуждена была начать отход на восток, – писал А.В. фон Шварц, – впечатление это еще усилилось и во мне вселялось большое

[1] *Тарле Г.Я.* Судьбы российских эмигрантских диаспор в годы Второй мировой войны // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С. 71–72.

беспокойство за судьбу нашей земли»[1]. Ему как военному казалось очевидным, что «русские военачальники не в состоянии по своей неподготовленности и отсутствию опыта бороться с немецкими генералами», а «назначение главнокомандующими Ворошилова и Буденного еще более усилило это мнение»[2].

А.В. фон Шварц признавал: «Война захватила нас всецело, и мы с женой жили с той поры только мыслью о России. Мы начинали день, слушая радио рано утром и кончали день, выслушав последнее сообщение… Я лично с первого дня войны всей душой, всем сердцем был в России с ее армией. Почему же не уехал туда, остался здесь и довольствовался ролью зрителя на далеком расстоянии: преклонный возраст, состояние здоровья и отсутствие средств... Но, если бы была возможность перенестись через океан и принять участие в войне за Родину, счастью моему не было бы границ»[3].

Генерал А.В. фон Шварц вспоминал, что «пораженцы» в эти дни, наоборот, с энтузиазмом сообщали в своих газетах, что «красные разбиты», «красные понесли громадные потери», «немецкая армия овладела таким-то городами» и т.д. Они утверждали, что «русский народ ненавидит свое правительство и что население провинций, из которых уходили немецкие войска, предпочитало уходить с ними, дабы не оставаться под игом большевиков». Одним из изданий, которое занималось подобной пропагандой в эмигрантской среде Аргентины, была газета «Вестник», которая выходила, по данным А.В. фон Шварца, на средства, получаемые от немецкого посольства, а позже «на субсидии, выдаваемые для этого отцом Изразцовым»[4].

[1] *Шварц А.В., фон*. Жизнь, мысли, дела и встречи. – Часть V: На чужбине. Воспоминания // ГАРФ. – Ф. Р-10027. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 129.

[2] Там же. – Л. 130.

[3] Там же. – Л. 133.

[4] Там же. – Л. 134–136.

В свою очередь, сам генерал справедливо указывал, что «в России власть и народ стали ближе друг к другу, чем были раньше и отношения между ними стали много проще». При этом он подчеркивал, что никогда не был сторонником советской власти, но всегда пытался разобраться в том, что происходило в России[1]. Многие бывшие офицеры, профессора, инженеры объясняли свою вражду к большевистскому режиму идеологическими причинами, считали советское правительство «тираническим, лишившим русский народ свободы и превратившим его в рабов», поэтому радовались неудачам русских войск и желали победы германским. По этому поводу генерал А.В. фон Шварц задавался вопросом: «Как можно совместить патриотизм с желанием торжества иностранного войска со всеми неизбежными последствиями завоевания, известными всем?»[2]

Позицию генерала А.В. фон Шварца разделял и переселившийся в Аргентину полковник В.М. Бэк, также выпускник Инженерного училища и Академии в Санкт-Петербурге, специалист по фортификации, которого А.В. фон Шварц называл «большим русским патриотом». По словам генерала, В.М. Бэк в одной из бесед сказал: «По вине большевиков я потерял двух сыновей, мать и отца, но, сейчас, ДА ПРОСТИТ ИМ БОГ, – я желаю победы и не могу стремиться к низвержению этого правительства, т.к. это было бы в пользу врага»[3]. В начале 1944 г., незадолго до своей смерти, В.М. Бэк написал поэму «О, Русская Земля», которая была издана на средства благотворительного русско-аргентинского общества помощи старикам и сиротам «Эль Консуэло», основанного в 1942 г. женой генерала А.В. фон Шварца Антониной Васильевной. Как писал А.В. фон Шварц, хотелось, чтобы каждый русский прочитал поэму и

[1] ГАРФ. – Ф. Р-10027. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 140.
[2] Там же. – Л. 131.
[3] Там же. – Л. 215.

воскресил в сердце своем то великое чувство любви к Родине, которое вселяло веру в победу России. Приведем строки из этой поэмы, которые наглядно иллюстрируют патриотические чувства автора, разделявшего позицию «оборончества»:

Ты слышишь, брат, чрез океаны,
Как стонет Русская земля,
Как гибнут русские Иваны,
Как плачет Родина моя?

Россия кровью истекает,
О чем нам спорить, что делить?
Когда Отчизна погибает,
Ужель дадим ее убить?

О, сестры русские, о, братья,
Услышьте горестный призыв:
Сольемся в родственном объятьи,
Былыя распри позабыв...

Когда народ, как брат за брата,
Идет на бой – во след солдатам,
Скажу я, опытен мой взгляд,
Они Россию отстоят…

В стране, где женщина – герой,
Средь смерти, грохота и дыма,
Идет с мужчиной рядом в бой...
Сія страна непобедима…[1]

В это же время генерал А.В. фон Шварц как профессиональный военный анализировал тактику боевых действий Красной Армии на Восточном фронте, что нашло отра-

[1] ГАРФ. – Ф. Р-10027. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 214.

жение в его трудах – «Нужно хорошо понимать уроки войны» (1941), «Настоящая ценность фортификации» и «Сталинград» (1943), «Два плана войны – немецкий и русский и роль фортификации» (1944) и др. После войны русский генерал продолжил анализ военных операций Красной Арми и подготовил труды «Вторжение в страну и способ не допустить его», «Операции на Дону в 1942 году и их последствия», «Возвращение Орловского укрепленного района», «Севастополь в 1941 году», «Некоторые эпизоды обороны Одессы в 1941 году» и ряд других специальных публикаций[1].

В годы войны проблема раскола обозначилась и в рядах Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Иерархи РПЦЗ, в том числе в Аргентине, поддержали агрессию нацистской Германии против СССР в надежде на «крестовый поход» фашистской коалиции против международного коммунизма и освобождение России. Так, в день начала фашистской агрессии против СССР настоятель прихода в Буэнос-Айресе протопресвитер К.Г. Изразцов призвал прихожан помолиться «за победу воинства, пошедшего против большевиков». Большая часть присутствующих сразу же покинула богослужение[2].

«Оборонцы», возглавляемые генералом А.В. фон Шварцем, потребовали, чтобы протоиерей К.Г. Изразцов отслужил молебен о победе Красной Армии над германскими войсками и о поражении Германии. Позицию «оборонцев» поддержал также В.Ф. Римский-Корсаков – правнук композитора, который в тот период служил священником в одной из православных церквей Буэнос-Айреса, построенной «оборонцами» и перешедшей в подчинение Московской патриархии.

---

[1] ГАРФ. – Ф. Р-10027. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 321.

[2] Русская православная церковь за границей: 1918–1968 / под ред. А.А. Соллогуба. – Т. 2. – Нью-Йорк, 1968. – С. 1223–1224.

Однако протопресвитер К.Г. Изразцов отказался служить молебен о победе Красной Армии на том основании, что этой армией «руководила власть, уничтожавшая храмы и преследовавшая на родине православную церковь»[1]. Позднее отец Константин все же отслужил панихиду по погибшим православным русским воинам, а в период кампании Аргентинского Красного Креста по оказанию помощи русским, находившимся в плену и на оккупированных территориях, призвал всех соотечественников участвовать в этой акции[2].

«Оборонцы» и совпатриоты в Аргентине, возмущенные позицией отца К.Г. Изразцова, обратились к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I с прошением об учреждении в Аргентине архиерейской кафедры Русской православной церкви. До этого они стали посещать сирийскую церковь, где служил архимандрит Игнатий (Абуррус), который, как писал в своих воспоминаниях А.В. фон Шварц, поминал на эктиниях не только «Аргентинскую Республику, ее правительство, воинство и народ», но также «русского патриарха и Россию с ее воинством и народом». «И нам тогда казалось, – вспоминал А.В. фон Шварц, – что мы дома, в России, в русской церкви прежнего времени»[3].

Тем временем в Бразилии в 1942 г. отец Дмитрий (Ткаченко), служивший в церкви на Вила Альпина, также перешедшей под юрисдикцию Московской патриархии, выступил с открытым письмом в газете «Русский в Аргентине» (1942 г., № 618) с обвинениями протопресвитера К.Г. Изразцова «в предательстве». Группу противников победы советского оружия отец Д. Ткаченко называл в письме «национально мыслящими», «шествующими позади немецких

---

[1] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. – С. 94.

[2] Вестник. – Буэнос-Айрес, 1942, 2 марта.

[3] *Шварц А.В. фон.* Жизнь, мысли, дела и встречи. – Часть V: На чужбине. Воспоминания // ГАРФ. – Ф. Р-10027. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 317.

штыков и строящими свое личное благополучие на успехах давнего врага русского народа»[1].

Публичный ответ протопресвитера К.Г. Изразцова отцу Дмитрию (Ткаченко) также был официально опубликован[2]. В нем содержалось осуждение позиции митрополита Сергия и его духовенства за лояльность коммунистическому правительству, связанному с III Интернационалом. К.Г. Изразцов категорически отвергал все обвинения в свой адрес в «предательстве народу и Родине» на том основании, что сам он «С.С.С.Р никогда не признавал, и что его настоящая благочестивая родина не существует и само ее название Россия не существует». Не признал он серьезным и «определение Заграничной Церкви как Церкви нацистской», точно также, как и утверждение о том, что «ее духовенство находится в услужении врагов нашего народа», называя это «незаслуженной клеветой в целях политической Агитации»[3]. Им было отмечено также, что совпатриоты сами вводят «в заблуждение людей малосведущих, говоря о злоупотреблениях немцев во время войны и ни слова не упоминая о злодеяниях и зверствах большевиков в продолжении почти четверти века»«. В защиту своей позиции священнослужитель приводил пример того, как «в оккупированных немцами русских губерниях в оскверненных ранее большевиками храмах было восстановлено богослужение», куда «толпами приводили уже взрослых детей для крещения, что было ранее запрещено» и что, например, украинское духовенство благодарило немецкие власти «за освобождение от большевистского ига»; то же самое «за восстановление свободного вероисповедания» сделало православное духовенство При-

---

[1] *Изразцов К., протопресвитер*. Ответ священнику Д. Ткаченко, принявшему юрисдикцию советского митрополита Вениамина. – Сан-Пауло; Буэнос-Айрес, 1942.

[2] Там же.

[3] Там же. – С. 11.

балтийских губерний[1]. Понятно, что подобные аргументы против поддержки СССР в условиях мировой фашистской угрозы принимались далеко не всеми русскими эмигрантами.

Таким образом, в основе оборонческой позиции части военной эмиграции лежали идеи русского патриотизма, вызванные осознанием угрозы, которую представлял германский нацизм для национальной независимости их Родины. Отражая подобные настроения в среде русского зарубежного воинства, Г. Бенуа писал: «Когда к нам пришли, – правда, в очень малом количестве – фотографии военных действий, и мы увидели русских офицеров в похожих на старые наши кителях-рубашках и солдат в гимнастерках с «лычками» на погонах, тут уж гордости нашей не было предела»[2].

В свою очередь, сталинское руководство СССР в критической ситуации не только обратилось к национально-патриотическим традициям, но и решило использовать такой ресурс, как общины выходцев из Российской империи и межвоенной Польши в разных странах мира. Следует учесть, что значительная часть деятелей правой антикоммунистической эмиграции вообще отрицали факт существования, например, отдельных украинской и белорусской наций, не признавали существовавшее в СССР деление на союзные республики, что облегчало для советского пропагандистского аппарата работу с эмигрантскими объединениями украинцев, белорусов и некоторых других народов Советского Союза. Через Всеславянский и Еврейский антифашистские комитеты советское руководство призвало соотечественников за рубежом поддержать антифашистскую борьбу Советского Союза. Тем самым И. Сталин противопоставил фашисткой тактике геноцида и национального разобщения наро-

[1] *Изразцов К., протопресвитер.* Ответ священнику Д. Ткаченко, принявшему юрисдикцию советского митрополита Вениамина. – Сан-Пауло; Буэнос-Айрес, 1942. – С. 18, 23–26.

[2] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. – С. 66.

дов политику объединения жертв агрессии и им сочувствующих за рубежом.

Решение этой задачи, помимо традиционных каналов воздействия СССР на мировое общественное мнение, возлагалось на новые общественные организации – антифашистские комитеты, созданные на начальном этапе Великой Отечественной войны как структурная часть Совинформбюро. Одним из первых был создан Всеславянский комитет (ВСК), что не было случайным[1]. Всего за первые месяцы войны было создано 5 антифашистских комитетов: помимо ВСК (с 1946 по 1961 г. – Славянский комитет СССР) также Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), Антифашистские комитеты советских ученых (АКСУ), советских женщин (АКСЖ), советской молодежи (АКСМ).

Еще в мае 1941 г. в докладе «Современное международное положение и внешняя политика СССР» отмечалось, что «в целях насаждения на нашей территории шпионских и диверсионных групп Германия широко использует против нас враждебные нам элементы польского, украинского и белорусского населения оккупированной Польши, молдавского населения Румынии» и другие националистические группы[2]. В связи с этим в начинавшейся одновременно с боевыми действиями информационной войне для СССР оказалась актуальной задача консолидации славянских народов на оккупированных территориях, а также в эмигрантской среде.

Как удалось установить, инициатива объединения славян на антифашистской основе шла не только «сверху», но и «снизу»[3]. В Санкт-Петербургском отделении Архива РАН

---

[1] ГАРФ. – Ф. Р-10027. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 15.

[2] *Никитин М.* Оценка советским руководством событий второй мировой войны. По идеологическим документам мая–июня 1941 г. // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. – М.: АИРО-XX, 1995. – С. 127–128.

[3] См.: *Мосейкина М.Н.* Славянский комитет СССР и латиноамериканская ветвь российской эмиграции: связи и проблемы (1941–1950-е гг.) // Нансеновские чтения – 2008. – СПб, 2009. – С. 206–216.

среди материалов фонда академика Н.С. Державина М.Н. Мосейкиной были обнаружены черновик докладной записки академика в ГКО СССР с предложением создать «Международное бюро помощи в борьбе славянских народов за освобождение от фашистского ига» и проект Положения новой организации, представляющий собой документ на 12 машинописных листах, датированный 25 июля 1941 г.[1] Хронологически это самый ранний документ, относящийся к истории образования АФК на территории Советского Союза.

Сразу следует отметить, то данный документ был лишен каких-либо идей панславизма, в чем впоследствии на Западе будет обвинен Всеславянский комитет. Более того, автор проекта предлагал включить в состав «Международного бюро», наряду с представителями славянских государств, членов правительств Великобритании и США и открыть представительства новой организации в Лондоне и Нью-Йорке (в какой-то степени по своему замыслу проект напоминал модель будущей Организации Объединенных Наций). В фонде академика Н.С. Державина было обнаружено также «Положение об Антифашистском комитете советских ученых», что позволяет предположить, что инициатива создания и этой организации также могла исходить от известного ученого, который впоследствии являлся также членом АКСУ.

Особая ставка в советской антифашистской контрпропаганде в период войны была сделана на русскую эмиграцию. Как известно, часть патриотически настроенных соотечественников с самого начала войны изъявила желание оказать родине моральную и посильную материальную помощь. В свою очередь, Совинформбюро с помощью дипломатических и консульских представительств, корреспон-

[1] Архив РАН (Санкт-Петербургское отделение). – Ф. 827. – Оп. 3. – Д. 194. – Л. 1–2.

дентов ТАСС вело работу по получению сведений о составе и характере такого рода эмигрантских организаций и о перспективах установления связей с ними.

Перед новыми организациями ставилась задача проведения антифашистской пропаганды путем таких форм массового охвата аудитории, как радиомитинги, радиообращения. Позднее, после установления непосредственных контактов с представителями зарубежной аудитории, был налажен обмен печатной продукцией. С июня 1942 г. это были специальные издания Всеславянского комитета – журнал «Славяне» (издававшийся вплоть до декабря 1958 г.), газета Еврейского антифашистского комитета «Эйникайт» («Единство»), а также «Биробиджанер Штерн». При ВСК было организовано пресс-бюро, которое установило за годы войны связи с более чем 70 газетами и журналами мира, включая издания славянских эмигрантских организаций в Аргентине[1]. Следует учесть, что в работе антифашистских комитетов Латинской Америке уделялось специальное внимание. На совещании в Совинформбюро в октябре 1941 г. посол СССР в США К.А. Уманский докладывал об имеющихся сообщениях о хорошей слышимости радиопередач из Москвы в Латинской Америке[2].

Идея объединения славянства перед угрозой фашизма была многим в Русском зарубежье близка: об этом свидетельствует и статья под названием «Пангерманизм или панславизм», появившаяся в марте 1938 г. в газете «Русский в Аргентине». В ней, в частности, отмечалось: «Пангерманизм победоносно наступает и грозит большими бедствия-

---

[1] ГАРФ. – Ф. Р-6646. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 74; Там же. – Д. 31. – Л. 3; Там же. – Д. 72. – Л. 21.

[2] ГАРФ. – Ф. Р-8581. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 15. В 1942 г. в Латинской Америке было 4 млн радиоприемников, половина из которых могла принимать коротковолновые радиопередачи. Широко распространено было групповое слушание радиопередач. Во многих странах были радиофицированы автобусы.

ми славянскому миру… Собирающиеся грозные тучи над Европой должны заставить Польшу, Чехословакию, Югославию и Болгарию найти общий язык и ликвидировать «спор славян между собою», создать оборонительный союз государств и понести дальше знамя панславизма»[1].

В ряде стран континента эмигрантские сообщества создавали комитеты помощи СССР. Так, 29 июня 1941 г. в Буэнос-Айресе по инициативе украинского культурно-просветительного общества был создан Демократический комитет помощи Советскому Союзу. В декабре того же года с целью объединения всех проживавших в стране славян «на основе принципов, изложенных на первом всеславянском митинге в Москве» был образован Комитет славянского единства в Аргентине, председателем которого с декабря 1943 г. стал П.П. Шостаковский. Комитет имел свой печатный орган – бюллетень «Славянское единство»[2].

Именно П.П. Шостаковский сыграл в годы войны особую роль в оборонческом движении в Аргентине. Это был бывший офицер Русской императорской армии, выпускник Александровского военного училища. В дореволюционной России он занимал должности начальника Петербургского отдела Международного общества спальных вагонов и европейских скорых поездов, с 1910 г. являлся директором Российского таксомоторного общества. С 1914 г. П.П. Шостаковский находился в действующей армии, занимал должность помощника начальника полевых железных дорог и железнодорожных войск Северо-Западного фронта, затем служил в автомобильной прожекторной команде гвардейского тяжелого дивизиона. Имел звание штабс-капитана. В 1915 г. он был направлен в Италию для обеспечения поставок технического оборудования для Русской армии. В 1917 г. П.П. Шостаковский занимал пост члена Технического комитета по автомобильному делу. В начале 1920-х гг.

---

[1] Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес, 1938, 19 марта.
[2] ГАРФ. – Ф. Р-6646. – Оп. 1. – Д. 2/1. – Л. 129.

он оказался в эмиграции в Аргентине, где занимал должность директора «Общества Фиат-Аргентина» в Южной Америке. П.П. Шостаковский стал известным литератором, автором «Истории русской литературы от истоков до наших дней», которая до сих пор используется в некоторых странах Латинской Америки (например, в Чили) как университетский учебник. Он выступал как лектор по истории русской литературы в университетах Аргентины, стал членом аргентинского Общества писателей.

О том, как он и его кружение встретили нападение Германии на Советский Союз, П.П. Шостаковский вспоминал так: «Воскресенье 22 июня 1941 г. Семья наша, ошеломленная первыми скудными известиями аргентинского радио о вторжении фашистов в Советский Союз, сидела у радиоприемника, и каждый старался доказать друг другу, что «этого не могло быть». Но уже к концу дня не оставалось сомнений и стали ясны размеры обрушившегося на Родину нашу огромного испытания…Знакомые аргентинцы из числа моих так называемых «друзей» лицемерно восторгались «патриотизмом» человека, который так безоговорочно верил в несокрушимость своей Родины, но сразу же начали ставить ему в укор, что он не отделяет народа от властей»[1].

Вскоре П.П. Шостаковский выяснил, что имеется «международная союзная организация», разрешенная аргентинским правительством, несмотря на нейтралитет Аргентины. Он решил войти в эту организацию и объединить русских эмигрантов. «Их было, вероятно, около ста человек «старой эмиграции», – вспоминал П.П. Шостаковский, – но никто из собравшихся в тот день у нас, а также и мы сами не знали, что в Аргентине проживает по меньшей мере 50 тыс. рабочих белорусов и украинцев, считавших себя советскими гражданами. Надо создать союз помощи потерпевшим от войны и принять активное участие в местной союзной дея-

[1] *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – Минск: Госиздат, 1960. – С. 328.

тельности. Не упускать ничего – благотворительные базары, концерты, спектакли и тому подобное. Помню, я загорячился и резко заявил, что объединение, конечно, нужно, но нельзя называть его таким расплывчатым названием – «помощь пострадавшим от войны», а надо назвать его так, чтобы ясно было, что мы хотим представлять тех людей, которые борются за Советский Союз. Разговор сразу прекратился. Перешли на общие темы… И распрощались. Через неделю я получил официальное извещение об оформлении Союза помощи пострадавшим от войны, – во главе были люди, с которыми я разговаривал по этому поводу. Повестка извещала, что П.П. Шостаковский может стать членом этого общества, уплачивая один песо в месяц. И – все. К деятельному участию не приглашали. Мы оставались в политическом, если можно так выразиться, одиночестве»[1].

«Что же делать, будем работать одни, – понял русский эмигрант. – Но – как?». П.П. Шостаковский решил использовать местную прессу, чтобы вести пропаганду своих взглядов в Аргентине. К тому времени он уже имел в стране «имя», известность как литературовед. Но «буржуазная пресса моментально почувствовала, что пишет уже не тот Шостаковский, который писал литературные статьи о русских классиках. Руководствуясь, как всегда, в политике своими собственными чувствами, все еще не имея никакой базы и не дойдя еще до сознания необходимости эту базу наконец найти, я круто повернул на чисто патриотическую линию, оказавшуюся неприемлемой для буржуазных газет. Статьи возвращались с любезно лицемерными пометками и с просьбами написать что-нибудь про искусство, литературу и т.д.»[2].

Тогда он понял, что нужно найти возможность сказать свое слово, обходя буржуазную цензуру: «Этого можно бы-

[1] *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – Минск: Госиздат, 1960. – С. 330.

[2] Там же.

ло добиться только путем издания газеты или журнала, в котором я сам бы имел последнее слово о том, что и как печатать… Главный расход, связанный с журналом тиражом в две – три тысячи экземпляров, была бумага. Стоила она дорого, и доставать ее в Аргентине было трудно ввиду того, что импорт почти прекратился во время войны. Важен был и первый взнос в типографию…И вдруг в один прекрасный день я получаю письмо от большого аргентинского коммерсанта в бумажном деле, некоего Итуррат, который предлагает бумагу! Для издания журнала! Как выяснилось позже, этот Итуррат помогал всей союзной прессе, печатавшейся в то время в Аргентине, и, услышав о моем проекте, не замедлил включить мой – еще не существующий! – журнал в число тех, которым помогал»[1].

Тогда семья П.П. Шостаковского приняла решение начать выпуск журнала: «Семья решила, что как-нибудь справится с расходами, связанными с первым номером. Все на том же семейном совете, при активном участии внуков, которые страшно волновались за название журнала и обложку, было решено назвать его «Русская Земля», а на обложку поставить клише Кремля с собором Василия Блаженного и мавзолеем Ленина. Оставалась проблема не менее важная – что писать, как писать и кто будет сотрудничать? Начался лихорадочный сбор материала, поиски сотрудников, и, наконец, был составлен первый номер. Продажа оказалась ничтожной, но мы не унывали, собирали второй номер. Работа шла усиленная. Евгения Александровна (жена П.П. Шостаковского – прим. авторов) прибавила к своей ежедневной нелегкой домашней нагрузке работу по корректуре, которую они делали с Людмилой (дочерью П.П. Шостаковского. – Прим. авт.), переписку и всю канцелярскую работу, связанную с этим делом. Внуки тоже принимали горячее

[1] *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – Минск: Госиздат, 1960. – С. 335.

участие. Женя, которой уже исполнилось 12 лет, разносила журналы по магазинам, собирала потом плату. Я переводил статьи из всевозможных источников. То, что не переводил, писал сам, так как сотрудники не появлялись. Писал об истории России, о пережитых ею вражеских нападениях. Подписывался разными псевдонимами.

Постепенно начали появляться биографии и тексты выступлений руководителей советского правительства, и несмотря на то, что писалось без толку и без программы, журнал все же понемногу стал приобретать патриотически-советский характер, с которым уже не могли согласиться ни наше эмигрантское окружение, ни аргентинские знакомые, называвшие себя «демократами»[1].

«Однако, – указывает русский эмигрант, – как ни мал, как ни незначителен был этот журнал, правительственные чиновники Аргентины начали косо на него посматривать и постепенные ограничения на его продажу и рассылку привели к тому, что на 24-ом номере, то есть после года существования, нам пришлось прекратить его издание. Это было большим ударом»[2].

Однако в 1943 г. в жизни П.П. Шостаковского произошло важное событие: он установил контакты с представителями славянских диаспор Аргентины.

«В одно из последних воскресений ноября, – вспоминал он, – мы сидели за чайным столом одни…Постучались в дверь. Женя побежала открывать. Вся семья прислушивалась – кто бы это мог быть? Так давно у нас никто не бывал!

– Русский, – зашептал младший Сережа.

Серафима посмотрела в щелочку и тихонько сказала:

– Незнакомый какой-то…

Вошел действительно незнакомый человек, скромного вида, представился Карпиевичем и попросил разрешения

---

[1] *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – Минск: Госиздат, 1960. – С. 336.

[2] Там же. – С. 337.

сразу же объяснить причину своего посещения. Пришел он с фантастическим, как мне показалось, предложением, которое изложил кратко на русском языке с очень сильным украинским акцентом. Предложение его заключалось в следующем: не согласится ли Шостаковский взять на себя председательство Славянского объединения в Аргентине…

Вскоре письмом от «Комитета за единение славян в Аргентине» меня пригласили на 1-й Славянский конгресс, который должен был состояться 1 декабря 1943 г. в помещении чехословацкого культурно-гимнастического общества «Сокол»[1].

Так П.П. Шостаковский неожиданно попал в совершенно неизвестную ему ранее среду: «С любопытством разглядываю лица делегатов. Сплошь рабочие. Симпатичные, открытые лица. Выражение у всех одно и то же – напряженное и твердое. Ясно, эти люди твердо знали, зачем они сюда пришли. Речи, доклады, разговоры велись на испанском языке. Да и нельзя было иначе. Делегаты принадлежали к двенадцати различным славянским национальностям и, чтобы понимать друг друга, приходилось говорить на всем понятном испанском языке. Не было на этом конгрессе ни споров, ни дебатов. Конгресс был, по-видимому, пока чисто формальным актом, и целью его было выбрать новую исполнительную комиссию и пустить в ход работу Славянского союза, остановленную полицейским запрещением. Полиция держала под замком не только его помещение, но и некоторых из его деятелей в продолжении долгих 16 месяцев.

Был зачитан отчет о проделанной работе с момента Славянского конгресса в Монтевидео, и потом приступили к выборам исполнительного комитета. Среди выбранных оказался и Шостаковский. В состав исполкома вошли пред-

---

[1] *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – Минск: Госиздат, 1960. – С. 338.

ставители от всех национальностей, состоявших в Славянском объединении…

Постепенно я понял, что новый исполком выбран для того, чтобы вывести Славянский Союз на ясную и определенную дорогу и покончить с трудностями и недоразумениями, которые имели в нем место раньше. Намечалась опасность раскола, который во что бы то ни стало надо было предупредить»[1].

П.П. Шостаковский так интерпретировал в своих позднейших мемуарах внутреннюю ситуацию в объединении: «Существовала оппозиция большинству. Хотя она и состояла всего из двух организаций – белорусской «Библиотеки имени Луцкевича» и «Украинского дома» – возглавляла ее газета Стапрана «Русский в Аргентине» и поддерживала всеми силами полиция в лице Григорьева, оказавшегося одно время, по неосведомленности славянских деятелей и предательству младороссов, председателем «Комитета за единение славян в Аргентине». Он пролез в руководство указанного комитета благодаря тому, что получил известность как автор ряда демагогических статей, печатавшихся в «Русском в Аргентине» под заглавием «Гей, славяне!». Кому-то нужно было составить ему положение «основоположника и руководителя славянского движения в Аргентине» и взять, таким образом, это движение под полицейский контроль. Правда, пребывание Григорьева в роли председателя было кратковременным и окончилось с появлением в комитете первого славянина, подвергшегося пыткам в «особом отделении» федеральной полиции при участии Григорьева в качестве переводчика. Вместо Григорьева председателем комитета был выбран бывший официальный глава младороссов, князь Волконский. Это было завершением младоросской мечты стать во главе славянского движения.

[1] *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – Минск: Госиздат, 1960. – С. 339.

Они считали, что это место принадлежит им по праву как «представителям России», старшей славянской сестры… Интрига эта была прекращена с закрытием славянского комитета аргентинской полицией, что и привело к конгрессу, на котором я был выбран председателем»[1].

Только на этом конгрессе П.П. Шостаковский узнал, что деятельность по объединению славянских диаспор имела уже достаточно долгую историю: «Первую идею объединения славян подал славянский слет в августе 1941 г. в Москве. Вскоре после начали появляться по всей Аргентине комитеты помощи славянским странам. Пример того, что на этой почве можно было сделать, подало женское «Объединение победы»… По примеру «Объединения победы» начали организовываться как общеславянские комитеты помощи, так и национальные – украинские, белорусские, польские, чехословацкие, югославские и болгарские. С целью их объединения в одну общеславянскую организацию явилась мысль созвать 1-й Славянский Конгресс в Аргентине. Он должен был открыться в Буэнос-Айресе 14 августа 1942 г. торжественным актом в присутствии союзных послов. В последний момент полиция, по доносу какого-то агента, взяла обратно свое разрешение.

Устроители конгресса решили перенести его в Монтевидео. Там он и состоялся 23–25 апреля 1943 г. под именем 1-го Латино-Американского Славянского Конгресса. Участвовало 260 делегатов от аргентинских славян, 126 от уругвайских, двое от чилийских югославов, один от боливийских поляков и один делегат от русских эмигрантов в Бразилии»[2]. В конечном итоге славянские организации сыграли значительную роль в сплочении в Аргентине тех сил, которые симпатизировали Советскому Союзу и антигитлеров-

[1] *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – Минск: Госиздат, 1960. – С. 340.

[2] Там же. – С. 342.

ской коалиции. Лидеры Славянского союза в Аргентине заявляли: «Мы не занимаемся политикой вне одного точно определенного пункта: нашей демократической ориентации, определяемой нашей откровенно антифашистской позицией». Основными принципами деятельности союза стали «единение», «помощь Родине», «развитие славянской культуры» и «демократическое сознание»[1].

Призыв-обращение из Москвы Всеславянского комитета и установление эмигрантскими патриотическими организациями прямых контактов с Москвой сразу получили негативную оценку в изданиях, представлявших позицию «пораженцев». Созданные фактически по инициативе Москвы Славянские союзы в странах Латинской Америки со страниц местных газет все чаще обвинялись в «коммунизме» и «советизме». Аргентинская эмигрантская газета «Наша страна» прямо заявляла о том, что организации, подобные Славянскому союзу Аргентины, «живут на деньги и по инструкциям Москвы»[2]. Местные власти при случае закрывали просоветские эмигрантские издания, преследовали деятельность патриотически настроенных славянских организаций.

В начальный период войны в Аргентину направлялся печатный орган Всеславянского комитета – журнал «Славяне». Еврейский антифашистский комитет своими материалами также снабжал еврейскую и отчасти нееврейскую печать Аргентины. Помимо журнала «Славяне», эмигрантам направлялись различного рода пропагандистские материалы об СССР, о событиях на советско-германском фронте (после войны по этим же каналам будут направляться в страны Южной Америки материалы от имени «Союза за возвращение на Родину»). «Благодарны за статьи, которые нам при-

---

[1] *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – Минск: Госиздат, 1960. – С. . 344.

[2] ГАРФ. – Ф. Р-6646. – Оп. 1. – Д. 86. Л. 2.

сылаете, – отмечалось в телеграмме от 16 августа 1943 г., полученной в Москве от редакции газеты «Русский в Аргентине». – Просим присылать еженедельно по две статьи на темы: внешняя политика, о жизни и духе народа, церковные вопросы»[1]. Украинский еженедельник «Свитло» телеграфировал: «Присылайте больше как живут украинцы. Одновременно просим о жизни эвакуированных»[2]. К концу 1945 г. статьи ВСК получали эмигрантские издания Аргентины «Эхо», «Русский в Аргентине», «Свитло», «Эмигрантское дело», «Нова Польска», «Сворност», «Возрождение», «Украинская газета»[3].

Представители патриотически настроенной части эмиграции в Аргентине, которых ее оппоненты называли «агитаторами от Компартии», ходили по домам, призывая жертвовать средства на победу над нацистской Германией[4]. Когда местная коммунистическая газета «Эль Сигло» организовала в сентябре 1942 г. кампанию подписки на т.н. «красные листы» с названиями: «Волга», «Кавказ», «Сталинград», «Черное море» и проч., совпатриоты также не остались безучастными. Так, бывший казачий офицер И. Шевяков, родившийся на Кубани, изъявив желание участвовать в помощи своей родине, обратился в редакцию с просьбой изготовить для него лист «Кубанские казаки в память родной земле». Получив такой лист, он, будучи владельцем аптеки, тут же пожертвовал на помощь Советскому Союзу одну тыс. песо деньгами и лекарствами[5].

Эмигранты-»оборонцы» устраивали также балы и на собранные средства закупали медикаменты, продовольствие. Так, жена инженера М. Архангельского привлекла к этой работе проживавших в Аргентине женщин – францу-

---

[1] ГАРФ. – Ф. Р-6646. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 40.
[2] Там же. – Д. 31. – Л. 43.
[3] Там же. – Д. 29. – Л. 74; Д. 31. – Л. 3, 40; Д. 72. – Л. 21.
[4] Вестник. – Буэнос-Айрес, 1942, 17 октября
[5] Вестник. – 1942, 31 октября.

женок, американок, англичанок, объединившихся в общество «Победа» (*Hunta de la Victiria* – испан. яз.). Вместе они вязали свитера и шарфы для бойцов Красной Армии[1].

После славянского континентального конгресса эмигрантские организации Аргентины ежемесячно передавали от 3 до 5 тыс. песо на покупку медикаментов и теплой одежды для Красной Армии. Специально в помощь освободившимся городам и селам Украины аргентинские славяне собрали около 30 тыс. песо, 20 тыс. пар обуви, 150 т теплой одежды и 8 ящиков адреналина[2]. Известно, что в 1943 г. славяне всей Латинской Америки собрали до 100 тыс. песо и купили 4 млн ампул противогазовой инъекции, 7,5 млн вакцин для переливания крови[3].

Аналогичную работу по сбору средств в помощь Советскому Союзу проводил Белорусский демократический комитет помощи Родине (БДК) во главе с членом Компартии Аргентины В. Савицким, созданный трудовыми эмигрантами из Российской империи и Польши 1920–1930-х гг. Предшественниками комитета стали отделы Союза украинских и белорусских рабочих организаций (СУБРО), а также различные культурно-просветительские общества, в правлениях которых большую роль играли коммунисты. Только за период июня 1941 г. – апреля 1943 г. белорусские иммигранты в Аргентине собрали более 50 тыс. песо в фонд помощи Советскому Союзу. Подкомитеты БДК действовали в Пинейро, Касерос, Вилья Линч, Валентин Альсина, Бельграно и других населенных пунктах[4].

---

[1] *Лушев Е.* Русское рассеяние. Аргентина. Очерки. – Калининград: Янтарный сказ, 2007. – С. 25.

[2] ГАРФ. – Ф. Р-6646. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 58.

[3] Там же.

[4] См.: *Руденко А.В.* Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1975. – С. 16.

Некоторые из белорусских антифашистов Аргентины были даже на фронтах Великой Отечественной войны[1].

Советский пропагандистский аппарат пытался повлиять и на позицию проживавших в Аргентине трудовых эмигрантов из Литвы. Их объединения имелись в Буэнос-Айресе, Бериссо, Росарио, Кордове, Сармьенте; созданный в 1935 г. Антифашистский и антивоенный союз литовских рабочих в Аргентине поддерживал тесные связи с компартией страны. Литовские коммунисты в Аргентине выпускали газеты «Тиесос жодис» и «Ритоюс»[2]. Они также участвовали в акциях в поддержку усилий Советского Союза во Второй мировой войне.

По сведениям советских дипломатических источников, во время войны некоторые эмигранты, проживавшие в Аргентине, подавали в посольство СССР в США заявления с просьбами об отправке их на фронт. Часть из них вступила в польскую армию с намерением перейти в дальнейшем в Красную Армию. По данным советского историка А.А. Стрелко, в ноябре 1942 г. состоялась отправка в Великобританию 1140 добровольцев из числа российских эмигрантов в Аргентине[3].

Реакцию «пораженцев» на добровольческое движение в эмигрантской среде отражала статья под названием «Каиново дело» в газете «Вестник», выходившей в Буэнос-Айресе. Газета сообщала об отправке из страны английского парохода, на борту которого находилось до 300 добровольцев, как было написано, «сбитых с толку коммунистической пропагандой русских людей». По данным газеты, на тот

---

[1] См.: *Руденко А.В.* Белорусские иммигранты в антифашистском движении Аргентины // Латинская Америка: современный этап развития. – М.: ИЛА АН СССР, 1975. – Вып. 2. – С. 133–135.

[2] См.: *Улевичюс П.В.* Эмиграция трудящихся Литвы в Южную Америку, экономические условия их жизни, прогрессивная общественная и культурная деятельность (1909–1940): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Вильнюс, 1962. – С. 13.

[3] ГАРФ. – Ф. Р-6646. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 58.

момент по счету это была уже тринадцатая партия, и к октябрю 1942 г. общее число эмигрантов-добровольцев из Аргентины составило около 1500 человек, отправленных на линию фронта в Африке. Газета с осуждением заключала по данному поводу: «Этих людей советская власть выгнала уже 25 лет и до сих пор гонит, а они и умирать за нее готовы»[1].

На фоне активизации просоветских эмигрантских объединений и расширения их связей с ВСК в Аргентине начались преследования организаций, открыто сочувствовавших СССР. В июне 1943 г. в стране произошел государственный переворот (известный также как «революция 43-го»). Советские историки полагали, что власть оказалась в руках «националистических кругов аргентинской буржуазии во главе с военной верхушкой»[2]. Новое правительство начало репрессии в отношении активистов славянских организаций. В октябре 1943 г. правительство Аргентины закрыло ряд славянских изданий, занимавших просоветскую позицию, в т.ч. газеты «Эхо», «Русский в Аргентине» и др. В июле 1944 г. полиция запретила деятельность Белорусского демократического комитета помощи Родине, под предлогом того, что его деятельность противоречила нейтралитету Аргентины. Многие активисты комитетов БДК были арестованы.

Однако в этих условиях продолжали свою деятельность те славянские организации (например, общество «Культура», «Библиотека имени Луцкевича» и др.), которые проповедовали «культурничество» и «невмешательство» в политическую жизнь[3]. В октябре 1944 г. они образовали Бело-

---

[1] Вестник. – 1942, 17 октября.

[2] Латинская Америка. Энциклопедический справочник. – Т. 1. – С. 267.

[3] См.: *Руденко А.В*. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.). – С. 17.

русский центр помощи Родине (БЦП), который действовал в Буэнос-Айресе.

За короткое время его активисты отправили в советскую миссию в Монтевидео более 4 тыс. песо.

В целом характеризуя политику властей Аргентины в отношении славянских организаций, советский историк А.А. Стрелко в характерном для исследователей той эпохи ключе писал: «В первые годы второй мировой войны правительства переселенческих стран Латинской Америки, занимая зачастую откровенно лояльную позицию по отношению к державам «оси», разрешили фактически полную свободу деятельности фашистских и других реакционных элементов национальных групп, преследуя в то же время их демократическую часть. Под влиянием приближающегося краха гитлеровской Германии и ее сателлитов, а также под воздействием мощного антифашистского движения на континенте власти до некоторой степени временно ослабили преследование прогрессивных сил трудовой иммиграции. Что же касается фашистских и других реакционных элементов и организаций, то для них практически продолжал существовать режим наибольшего благоприятствования и на завершающем этапе войны, и после нее, когда правящие круги Аргентины, Бразилии, Чили, Парагвая и ряда других стран континента не препятствовали въезду многих тысяч бывших нацистов»[1].

Таким образом, в годы Второй мировой войны возникла ситуация, которая поставила русскую эмиграцию и эмигрантские сообщества выходцев из Российской империи и межвоенной Польши перед непростым выбором. «22 июня сделал то, – писал Г.А. Бенуа, – что не смогли сделать десятилетия. В этот день отчетливо определилась позиция русских эмигрантов, началась та переоценка ценностей, кото-

[1] *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки. – Киев: Наук. думка, 1980. – С. 27.

рая в корне изменяла психологию подчас самых непримиримых противников советского строя»[1].

В результате часть русской эмиграции, исходя, прежде всего, из собственных политических убеждений, сделала нравственный выбор в пользу Германии как «будущего спасителя России от большевизма». Другая часть эмигрантов выступила с позиций советского патриотизма, признав большевистскую власть «своей». Третья группа т.н. «оборонцев», продолжавшая стоять на позициях антикоммунизма, не могла не видеть в Советском Союзе полюса противодействия силам зла и потому поддержала справедливую борьбу своего народа против фашизма. Этому способствовала и новая ситуация кануна и начала войны, в рамках которой произошло смягчение первоначальных резких противоречий части русской эмиграции и советской страны, в результате чего обозначился поиск диалога диаспоры и Родины.

Установившиеся контакты, отсутствие языкового барьера способствовали тому, что направляемые из СССР пропагандистские материалы, включая периодические издания антифашистских комитетов, имели своих читателей среди представителей русской, украинской, белорусской, еврейской диаспор в Аргентине.

От имени «оборонцев» и совпатриотов из Аргентины в Советский Союз направлялись грузы с материальной помощью. Еще одной формой проявления солидарности с Родиной стало добровольное участие проживавших в Аргентине эмигрантов в боевых действиях в составе армий антигитлеровской коалиции на Западном фронте и в Африке. Восстановленная в годы войны связь эмигрантов с Родиной сыграла свою роль в процессе сохранения культурного облика и национальной идентичности эмигрантского сообщества. Часть просоветски настроенной эмиграции составила в послевоенный период основной костяк добровольных репатриантов в СССР.

---

[1] *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. – С. 94.

1.4. Просоветски ориентированные группы славянских эмигрантов в Аргентине в послевоенный период

Помогавшие Советскому Союзу в годы Второй мировой войны трудовые эмигранты из дореволюционной России и восточных районов Польши 1920–1930-х гг. продолжали являться основной опорой просоветской части эмиграции и в послевоенной Аргентине. Они были весьма многочисленны: по оценке известного деятеля власовской эмиграции протоиерея Д. Константинова, в стране проживало около 300 тыс. «старых просоветских эмигрантов»[1]. Победа Советского Союза во Второй мировой войне, бесспорно, усилила позиции этих людей, вызвала в их среде всплеск патриотических настроений. В сентябре 1946 г., например, был создан Союз белорусских культурных организаций Аргентины во главе с членом компартии страны Т. Ляшуком.

Однако с 1947 г. усилились репрессии против Славянского союза в Аргентине. Власти запретили радиопередачи «Славянский час», где передавались советские песни и звучала пропаганда экономических достижений СССР[2]. Декретом от 25 апреля 1949 г. был наложен запрет на деятельность Славянского союза. Лидеры этой структуры (в частности, П.П. Шостаковский) были арестованы и высланы в Советский Союз[3]. Характеризуя политику правительств стран Латинской Америки в отношении славянских органи-

---

[1] См.: *Константинов Д., протоиерей*. Через туннель XX столетия. – М.: Институт политического и военного анализа, 1997. – С. 384.

[2] См.: *Руденко А.В*. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.). – С. 23.

[3] См.: *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – С. 350; *Мосейкина М.Н.* Русская диаспора в Латинской Америке в послевоенный период. Новый этап борьбы за выживание // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С. 139; и др.

заций во второй половине 1940-х гг., советский историк А.А. Стрелко заявлял: «Внесшие после войны весомую лепту в разжигание на международной арене антисоветской, антикоммунистической истерии, правящие круги латиноамериканских стран проводили политику репрессий по отношению к демократическим элементам национальных иммигрантских групп. Большинство прогрессивных организаций было запрещено, их активисты подвергались гонениям и арестам»[1].

Разгром славянских организаций просоветской направленности в Аргентине фиксировали и их противники из числа антикоммунистов. Так, например, осенью 1949 г. Н. Чоловский и его соратники писали: «В Аргентине живет очень много украинцев, белорусов и русских из числа «старых». Эта масса настроена преимущественно просоветски. Но за последнее время настроение этих аборигенов не только начинает тускнеть и блекнуть, но даже и перекрашиваться в другие цвета»[2]. Проживавшие в Аргентине деятели наиболее активной эмигрантской антикоммунистической организации эпохи холодной войны – Национально-трудового союза (НТС, о нем см.ниже) одобрительно воспринимали политику властей страны в первые послевоенные годы, направленную на борьбу с «коммунистической угрозой». Так, Е.И. Мамуков, приветствуя роспуск симпатизировавшего Советскому Союзу Всеславянского комитета в Аргентине, заявлял: «Наконец положен предел преступной деятельности организации, именующей себя всеславянской и порочащей подлинные чувства и стремления славянских народов»[3].

---

[1] *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки. – С. 28.

[2] Н. Чоловский, А.В. Игнатьев, Я. Тельнов – В.М. Зензинову. 18.09.1949 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Vladimir M. Zenzinov papers. Box 7. Folder «Correspondence. Chronological files. July 1949-1951. A-C».

[3] *Мамуков Е.* Коммунистические хамелеоны // Вехи. – Буэнос-Айрес, 1949. – № 15-16. – С. 2.

Однако существовавшая в Аргентине многочисленная трудовая эмиграция и ее потомки продолжали являться базой для формирования организаций, так или иначе ориентированных на сотрудничество с СССР. Через несколько лет после разгрома 1949 г. их деятельность стала медленно восстанавливаться. С октября 1951 г. «явочным порядком» возобновилась работа культурно-спортивных клубов славянских иммигрантов. Как отмечает А.В. Руденко, в 1950-е гг. в Буэнос-Айресе и в провинции работали культурно-спортивные клубы имени М. Горького, имени Н.А. Островского, имени А.С. Пушкина, имени В.Г. Белинского, имени В.В. Маяковского, имени А.Н. Толстого, имени П. Тычины, имени Л. Украинки. Общая численность их членов составляла более 13 тыс. чел. Более 11 тыс. чел. объединял Белорусский очаг[1].

Вся эта деятельность была возможна во многом благодаря тому обстоятельству, что в 1950-е гг. происходила постепенная нормализация отношений между СССР и Аргентиной. В 1953 г. было подписано торговое и платежное соглашение СССР и Аргентины, а в 1955 г., «подтверждая позитивный тренд» в двусторонних отношениях, в Буэнос-Айресе прошла первая в Латинской Америке советская промышленная выставка, которую посетил сам Президент Х.Д. Перон. В 1958 г. СССР предоставил Аргентине кредит на развитие нефтяной промышленности[2].

Существовавшие в Аргентине славянские объединения стремились пропагандировать культуру СССР, в их библиотеках находились произведения классиков советской литературы. В 1959 г. во многом благодаря их усилиям состоялись гастроли в Аргентине Государственного академиче-

---

[1] См.: *Руденко А.В.* Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.). – С. 24.

[2] См.: *Яковлева Н.М., Яковлев П.П.* Россия–Аргентина: история и современность. – М.: ИЛА РАН, 2017. – С. 22.

ского русского народного хора имени М.Е. Пятницкого[1]. Среди просоветски настроенных периодических изданий страны конца 1940-х – середины 1950-х гг. можно выделить, например, издававшуюся в Буэнос-Айресе «Нашу газету», редактором которой был П. Бойко. На ее страницах регулярно перепечатывались материалы советской прессы, полные восторженных эпитетов в адрес успехов советской экономики, публиковалась информация о росте производства продукции тяжелой промышленности и т.д. «Расцветает жизнь в Советском Заполярье»[2], – заявляла, например, «Наша газета» в мае 1955 г. О проблемах, которые существовали в советском обществе, данное издание не писало: образ СССР на его страницах получался даже более позитивный, чем в советских СМИ тех лет. Фактически речь шла об идеализации жизни в СССР, характерной для просоветски настроенной прессы Аргентины. Заметим, что антикоммунистическая пресса считала, что со статьями «Нашей газеты», «явно присланными из Москвы», даже не было смысла полемизировать[3].

Однако период 1950-х гг. ознаменовался и процессом репатриации проживавших в Аргентине эмигрантов в Советский Союз. Патриотические настроения, охватившие славянские диаспоры в годы Второй мировой войны, были умело использованы дипломатическими учреждениями СССР. Руководство СССР учитывало в своих политических расчетах мультиэтничность просоветски настроенных эмигрантов в Аргентине. Наличие в составе СССР различных славянских республик помогало более эффективно использовать потенциал тех общин, которые объединяли белорусов или украинцев. Многие из них приехали в Аргентину не

---

[1] См.: Наша газета. – Буэнос-Айрес, 1955? 21 мая; *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки. – С. 134.

[2] См.: Наша газета. – 1955, 21 мая.

[3] См.: *Донской М.* До каких же пор? // Родина. – Буэнос-Айрес, 1952. – № 11. – С. 3.

из Российской империи, а из Польши 1920–1930-х гг., сохраняли ярко выраженное украинское и белорусское этническое самосознание. В 1950-е гг. в странах Латинской Америки действовали представители советского «Комитета за возвращение на Родину», созданного под эгидой КГБ. Выезд в СССР осуществлялся из Аргентины, куда для этого приезжали и те эмигранты, которые проживали в других странах Латинской Америки. Характеризуя эту кампанию, эмигрант А. Калугин впоследствии писал А.И. Солженицыну: «Мотивы зазываний самые разнообразные: тут и чувства к родине (особенно играется на материнской любви), и любовь к родине, тоска по более или менее обеспеченному существованию и по более или менее стабильному общественному положению, и исторические воспоминания, и лирика, и красоты русской природы»[1].

Антикоммунистически настроенная часть русской эмиграции вела активную контрпропаганду кампании «За возвращение на Родину». Антикоммунисты не только в прессе вели борьбу против репатриации. Известен даже такой случай, когда члены Союза русских антикоммунистов даже дрались с «советофилами» в порту Буэнос-Айреса[2]. Заметим, что активность антисоветской, в т.ч. власовской, эмиграции в Аргентине была оценена и теми, против кого она направлялась – организаторами политики репатриации в СССР. Неслучайно, печатный орган Комитета за возвращение на Родину отмечал: «Созданный для обмана соотечественников так называемый «Комитет противодействия возвращению в СССР», щедро финансируемый темными силами, пытается запугать наших людей тем, что якобы на Ро-

---

[1] Архив Дома Русского зарубежья имени Александра Солженицына (Архив ДРЗ). – Ф. 1. Альбом 38. – Л. 1.

[2] См.: *Константинов Д., протоиерей*. «Вторая волна» – воспоминания и раздумья о российской эмиграции // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов / под общ. ред. А.В. Попова. – М.: РГГУ, 1997. – С. 75.

дине их ждет Сибирь… В день отплытия парохода «Салта» фашистские молодчики стали блокировать вход в порт, мешали погрузке багажа, задерживали силой наших соотечественников»[1].

Лидеры антикоммунистической части русской колонии вели борьбу против инфильтрации советских агентов в эмигрантскую среду. Так, председатель организации «Российская колония» В.Ф. Вербицкий, по воспоминаниям его внучки, организовал наблюдение за посетителями советского посольства в Буэнос-Айресе: в квартире, из которой был виден вход, с утра до позднего вечера сидел «дежурный», записывал всех переступавших порог и даже фотографировал их[2].

Все это способствовало снижению активности просоветски настроенных эмигрантов в Аргентине во второй половине 1950-х – 1960-е гг. Всего к концу 1950-х гг. регион покинуло около 4 тыс. человек[3]. Среди них – известный скульптор Степан Эрьзя, председатель Славянского комитета Аргентины П.П. Шостаковский со своей семьей, член правления комитета К.Л. Комарчук-Лазарчук, редактор-издатель «Нашей газеты» П.Н. Бойко (в дальнейшем – ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН), руководители аргентинских обществ имени В.Г. Белинского (В. Жданеня), имени Н. Островского (С.П. Яремчук), имени В.В. Маяковского (А. Конюх) и др.[4] Часть эмигрантов репатриировалась несколько позже. Так, уже в

[1] За возвращение на Родину. – 1956. – № 42. – С. 2.

[2] Наша страна. – Буэнос-Айрес, 2006, 17 ноября.

[3] *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. – М.: РУДН, 2011. – С. 330.

[4] *Она же*. Славянский комитет СССР и латиноамериканская ветвь российской эмиграции: связи и проблемы (1941–1950-е гг.) // Нансеновские чтения – 2008. – СПб: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2009. – С. 215.

1960-е гг. уехал в СССР В. Ляховчук, чьи воспоминания использовались в советских пропагандистских изданиях[1].

М.Н. Мосейкина исследовала ряд судеб репатриантов 1950–1960-х гг. Как показано в ее работе, П.П. Шостаковский подал заявление на возвращение еще в 1948 г., но, по словам его внука С.А. Кортеса, «консул, который получил документы, оказался хорошим человеком. Он спрятал их в ящик и вытащил их только в 1953 г.»[2]. Разрешение вернуться на Родину П.П. Шостаковский получил только в 1955 г. В СССР П.П. Шостаковский успел опубликовать книгу воспоминаний «Путь к правде», а его внук, С.А. Кортес, стал известным в Белоруссии композитором, художественным руководителем Государственного театра оперы и балета.

С большими трудностями столкнулась семья Г.А. Бенуа, которая в 1961 г. подала прошение о возвращении на Родину, но просьба была отклонена. При этом после поездки в СССР дочери Г.А. Бенуа Ольги она оказалась «персоной нон грата» для русской антикоммунистической эмиграции, провела три месяца в аргентинской тюрьме за свою деятельность «в пользу СССР». Лишь в 1963 г. им было разрешено вернуться на Родину. В Москве и Ленинграде поселиться семье Г.А. Бенуа не разрешили, они оказались в Казахстане, где в местном журнале «Простор» увидели свет мемуары русского эмигранта[3].

Однако, как отмечает М.Н. Мосейкина, в целом интеграция репатриантов в советское общество проходила очень непросто. Они столкнулись с тем, что «в условиях послево-

---

[1] См.: Почему мы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов. – М.: Прогресс, 1987. – С. 356.

[2] См.: *Мосейкина М.Н.* Послевоенная репатриация из Южной Америки в судьбах петербуржцев: исторические практики реадаптации // Эмигранты и репатрианты XX века. Слепухинские чтения – 2014. – СПб: Фонд Слепухина; ИД «Петрополис», 2015. – С. 627.

[3] См.: *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – 1967. – № 10.

енной разрухи для жителей Советского Союза был еще недоступен уровень благосостояния, который существовал, в частности, в Аргентине… Реэмигранты остро чувствовали несоответствие своих представлений о Родине с тем, что декларировалось советской печатью за рубежом. В результате часть из них в дальнейшем вернулась за океан»[1].

В 1950-е гг. постепенно налаживаются связи Советского Союза с остававшимися в Аргентине эмигрантскими сообществами. К 1956 г. Славянский комитет СССР поддерживал контакты с восемью организациями в Аргентине и Уругвае. Как отмечает М.Н. Мосейкина, в 1960 г. в Славянском комитете планировалось рассмотрение вопроса об оказании славянским организациям Латинской Америки помощи в подготовке кадров через Университет дружбы народов, созданный в Москве 1 февраля 1960 г.[2] Однако в 1961 г. Славянский комитет СССР прекратил свое существование, а его полномочия были переданы Советскому комитету защиты мира.

Часть эмигрантов стали советскими гражданами, но продолжали жить в Латинской Америке. Среди них были люди, имевшие различные идентичности: так, многие белорусы объединялись в Союз белорусских организаций в Аргентине (значительная часть его членов входила в Компартию Аргентины)[3]. Эти люди продолжали вести активную пропагандистскую работу. Одной из консолидирующих их структур был существовавший в Буэнос-Айресе Клуб имени

---

[1] *Мосейкина М.Н.* Послевоенная репатриация из Южной Америки в судьбах петербуржцев: исторические практики реадаптации // Эмигранты и репатрианты XX века… – С. 627.

[2] *Она же.* Славянский комитет СССР и латиноамериканская ветвь российской эмиграции: связи и проблемы (1941–1950-е гг.) // Нансеновские чтения – 2008. – СПб, 2009. – С. 214.

[3] См.: *Руденко А.В.* Белорусские иммигранты в антифашистском движении Аргентины // Латинская Америка: современный этап развития. – М., 1975. – Вып. 2. – С. 139.

Максима Горького. Близкой к нему являлась газета «Родной голос», во главе редакции которой стоял А. Винниченко. На ее страницах была масса перепечаток из советских газет, рекламировались советские фильмы, которые демонстрировались в кинотеатрах Буэнос-Айреса[1]. Многие читатели этой и других просоветских газет называли себя «советской общественностью», активно сотрудничали с дипломатическими представительствами СССР[2].

Преемником «Комитета за возвращение на Родину» стал возникший в 1963 г. в Москве Комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом. В 1975 г. на смену ему было создано Советское общество по культурным связям с соотечественниками (общество «Родина»)[3]. Именно эта структура в последние десятилетия существования СССР поддерживала связи с ориентированными на сотрудничество с нашей страной эмигрантскими объединениями, в том числе в Аргентине.

Таким образом, симпатии по отношению к Советскому Союзу проявляли многие представители трудовой эмиграции из Российской империи и межвоенной Польши, проживавшие в Аргентине. Именно их организации сыграли ключевую роль в проводившейся советскими структурами в 1950-е гг. политики репатриации эмигрантов. СССР активно использовал этот ресурс в набиравшей силу холодной войне, которая затронула и государства Латинской Америки, в том числе и Аргентину.

---

[1] См.: Родной голос. – Буэнос-Айрес, 1962, 5 апреля.

[2] См.: Родной голос. – 1979. – № 2. – С. 4; № 33. – С. 4; № 38. – С. 4; и др.

[3] См.: *Афанасьев А.*Л. Полынь в чужих полях. – С. 270.

Глава II

РУССКАЯ ДИАСПОРА АРГЕНТИНЫ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

2.1. Вторая волна русской эмиграции в Аргентине

По окончании Второй мировой войны в Европе скопилось до 9 млн беженцев, вследствие чего эта проблема вновь оказалась в центре мировой политики. В соответствии с Ялтинскими соглашениями проблемой беженцев занялось союзное военное командование (СССР, США, Великобритании), приступившее к осуществлению политики репатриации, в соответствии с которой советские подданные должны были передаваться властям СССР. При этом жителям Прибалтики, например, предоставлялось право выбора возвращаться или не возвращаться на родину[1], поскольку западные союзники с самого начала решили считать советскими гражданами только тех, кто проживал в СССР на 1 сентября 1939 г. Право не возвращаться на родину было признано и за русскими «бесподданными» или «старыми эмигрантами», как их стали называть в отличие от «новых» или «советских», поскольку и они на 1 сентября 1939 г. не проживали в СССР.

Так возникла категория перемещенных лиц – Displaced persons of United Nations (сокращенно DP или «ди-пи»)[2].

---

[1] *Полчанинов Р.* От UNRRA до IRO // За свободную Россию. – Нью-Йорк, 2005, февраль. – С. 1.

[2] О феномене «ди-пи» и политике стран Запада по отношению к ним см.: *Dinnerstein L.* America and the Survivors of the Holocaust: The Evolution of a United States Displaced Persons Policy, 1945–1950. – N.Y.: Columbia University Press, 1982; *Burianek O.* From Liberator to Guardian:

Одним из первых внимание мировой общественности к судьбе советских перемещенных лиц привлек Дж. (Юрий) Фишер[1]. Именно он выделил те основные группы, из которых состояла эта «волна» эмиграции: военнопленные, «остарбайтеры»[2], и, как он считал, «самая маленькая группа» – те, кто ушел вместе с немцами после освобождения территории СССР частями Красной армии в 1944 г. Дж. Фишер одним из первых рассказал американской общественности и о феномене власовцев и о трагических последствиях «частично насильственной» репатриации в СССР после войны[3].

The U.S. Army and Displaced Persons in Munich, 1945: PhD dis. – Emory University, 1992; *Genizi H.* America's Fair Share: The Admission and Resettlement of Displaced Persons, 1945–1952. – Detroit, MI: Wayne State University Press, 1993; *Daniels R.* Admitting Displaced Persons: 1945–1950 // Guarding the Golden Door: American Immigration Policy and Immigrants since 1882. – N.Y.: Hill and Wang, 2004. – P. 98–112; etc. В постсоветской России также появились специальные труды, посвященные феномену «ди-пи». См., напр.: *Агеносов В.В.* Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – М.; СПб: АИРО-XXI, 2014.

[1] См.: *Fischer G.* The New Soviet emigration // The Russian Review. – 1949. – Vol. 8. – № 1. – P. 6–19. Джордж Юрий Фишер родился в 1923 г. в Берлине в семье американского журналиста и советской гражданки Берты Марк. В 1929–1931 и 1934–1939 гг. жил в Москве, был членом комсомола. С 1939 г. – в США, служил в армии, после Второй мировой войны работал в аппарате военной администрации американской оккупационной зоны Германии. Впоследствии – один из организаторов Гарвардского проекта, сотрудничал с Мюнхенским институтом по изучению истории и культуры СССР. Активно взаимодействовал с эмигрантами «второй волны», преподавал в университетах США.

[2] В постсоветский период в нашей стране появились работы, посвященные этим трагическим страницам в истории Второй мировой войны. См., напр.: *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – М.: «Ваш выбор ЦИРЗ», 1996; 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2002; *Он же*. «Если только буду жив…»: 12 дневников военных лет. – СПб: Нестор-История, 2021; и др.

[3] В 1970-е гг. широкий резонанс на Западе имела книга потомка русских эмигрантов Н.Д. Толстого-Милославского, в которой Великобритания и США обвинялись в выдаче этих людей Советскому Союзу. См.: *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. – М.: Русский путь, 1996.

В разгар войны, 9 ноября 1943 г., в Вашингтоне была учреждена Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – ЮНРРА). Важным аспектом деятельности ЮНРРА было оказание помощи союзным армиям в решении проблемы беженцев и перемещенных лиц. В ноябре 1944 г. ЮНРРА подписала соглашение с союзным командованием, согласно которому под ее административный контроль перешли лагеря перемещенных лиц на территории Германии. В отношении этих лагерей деятельность ЮНРРА ограничивалась оказанием им административной, медицинской и социальной помощи. Советский Союз принимал участие в обсуждении проблемы беженцев в рамках Генеральной Ассамблеи ООН и в деятельности ЮНРРА, поскольку эта организация оказывала помощь в восстановлении Украины и Белоруссии. Но при этом СССР выступал против перемещения «ди-пи», заявляя, что, во-первых, таким образом могли уйти от правосудия военные преступники и предатели, а, во-вторых, существовали опасения, что этих людей обрекали в будущем на нищету и всякого рода дискриминацию[1].

К октябрю 1945 г. ЮНРРА стала основной организацией, осуществлявшей помощь перемещенным лицам. Своего пика ее деятельность достигла летом 1946 г., когда под ее опекой оказалось около 850 тыс. перемещенных лиц[2].

Основную массу перемещенных лиц составляло советское гражданское население, угнанное нацистами на принудительные работы в Германию и другие страны. При этом жители СССР в границах до 17 сентября 1939 г. имели статус «восточных рабочих» («остарбайтеров»), а «иностранные рабочие» из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Букови-

[1] ГАРФ. – Ф. 9526. – Оп. 1. – Д. 387. – Л. 5.

[2] Электронная еврейская энциклопедия. ЮНРРА. – URL: http://www.eleven.co.il/article/15163.

ны – «западных» рабочих. К концу войны уцелело также не более 1,7 млн советских военнопленных, включая поступивших на военную или полицейскую службу к противнику[1]. Сюда же входили отступившие с немцами с территории СССР коллаборационисты и беженцы (часто с семьями).

В СССР миссия по возвращению советских граждан на родину координировалась специально созданным в 1944 г. Управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации во главе с генералом Ф.И. Голиковым. С сентября 1945 г. на фоне ухудшения отношений между СССР и странами Запада бывшие союзники прекратили содействие репатриации советских граждан. К началу 1946 г. после репатриации в СССР 5,1 млн советских граждан в оккупационных зонах западных держав оставалось еще более 0,5 млн перемещенных лиц, стремившихся избежать репатриации и ставших невозвращенцами (в их числе было немало выходцев из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии). Что касается выходцев с территории СССР до 1939 г., то, по некоторым данным, 43% из них составляли украинцы, 28% – русские, 9% – белорусы, были также представители народов Поволжья, Сибири, Северного Кавказа и Закавказья[2]. Отказавшись от репатриации, они превращались в политических беженцев, лиц без гражданства. Кроме того, некоторые нансеновские беженцы – представители первой волны русской эмиграции, переместившиеся в британскую, американскую и французскую зоны оккупации в Австрии, американскую и французскую – в Германии и Северной Италии и оказавшиеся в лагерях ЮНРРА также приобретали статус перемещенных лиц.

В решении Генеральной Ассамблеи ООН от 12 февраля 1946 г. признавалась «неотложной» как проблема беженцев

---

[1] Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941–1945. – М.: Наука, 2004. – С. 24–32.

[2] *Нитобург Э.Л.* Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы // Новая и новейшая история. – 2001. – № 4. – С. 36.

и перемещенных лиц всех категорий, так и необходимость четкого различия между «настоящими беженцами и перемещенными лицами», с одной стороны, и «военными преступниками, квислинговцами, изменниками», с другой»[1]. Заметим, что впервые проект декларации о военных преступниках был составлен У. Черчиллем еще для Московской конференции 1943 г. Он полагал, что преступников необходимо выдавать тем странам, где они совершили преступления. Он же считал, что военнопленных, нарушивших закон, также нужно было привлекать к суду: «Иначе преступники войны будут сдаваться в плен, чтобы избежать наказания»[2].

При этом все три лидера антигитлеровской коалиции были согласны в том, что суд над такими преступниками должен был носить не юридический, а политический характер. Так, например, Ф.Д. Рузвельт указывал: «Процедура не должна быть слишком юридической. При всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы»[3]. Однако ухудшение отношений между бывшими союзниками постепенно стало приводить к тому, что вопросы о выдаче военных преступников и о репатриации стали предметом политического противоборства эпохи холодной войны.

Уже в 1946 г. в лагерях для перемещенных лиц шла активная вербовка желающих уехать в страны Латинской Америки. Так, руководство Межправительственного комитета по беженцам во главе с Х. Эмерсоном доказывало, что лагеря были «ценным источником рабочей силы», где содержался «первоклассный материал». «Те страны, которые ищут новых иммигрантов, должны проявить мудрость и начать быстро работать на этом поле»[4], – подчеркивал

[1] ГАРФ. – Ф. 9526. – Оп. 1. – Д. 388. – Л. 200.

[2] Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): Сб. док-тов. – М.: Международные отношения, 1984. – С. 170.

[3] Там же.

[4] См.: *Spraggs M*. DP Camps called source of valuable labor armies // Christian Science Monitor. – 1946, December 17.

Х. Эмерсон. Отмечая, что Бразилия уже начала работу в лагерях, находившихся в Германии и Австрии, он советовал и другим странам Латинской Америки обратить внимание на те возможности, которые существовали. Действительно, как показывают, в частности, документы, хранящиеся в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско (США), в Ганновере действовал шеф Бразильской миссии по набору беженцев И. Убатуба. Характерно, что, согласно представленной им информации, в Бразилию «принципиально не допускались» лица «свободных профессий» (врачи, адвокаты, преподаватели и т.д.)[1]. Эта ситуация являлась универсальной: как мы увидим далее, с большими трудностями столкнулись и те представители русской интеллигенции, которые в итоге все-таки оказались в Аргентине.

После 1 июля 1947 г. в связи с истечением мандата ЮНРРА возникла новая структура – Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц (The International Refugee Organization – IRO, далее ИРО) со штаб-квартирой в Женеве. С этого времени перемещенные лица оказались в ведении Подготовительного комитета ИРО, членами которого были 18 стран. Из 58 государств – членов ООН устав ИРО ратифицировали только 14, среди них была и Аргентина[2].

В период существования ИРО продолжала сохраняться проблема выборочного подхода стран-реципиентов к беженцам и перемещенным лицам. Характерно, что к ней пыталось привлечь внимание мировой общественности и собрание Общества русских зарубежных юристов, состоявшееся в Мюнхене в сентябре 1947 г. под председательством известного русского адвоката, присяжного поверенного

[1] Объединение российских христианских зарубежных профессиональных и бытовых организаций в Американской зоне Германии. Информация по Бразилии // Archive of Museum of Russian Culture (AMRC). 5929-2-4.

[2] *Полян П.* Жертвы двух диктатур. – С. 320.

К.Н. Николаева. В резолюции данного собрания подчеркивалось: «Задача ИРО – расселить свободных людей и дать им возможность свободно устраивать свою жизнь. Мы должны засвидетельствовать, что почти все государства, подписавшие Устав ИРО, этого не ощущают. Отдельные страны до сих пор требуют только рабочих и при этом на самые тяжелые работы, связывая их обязательствами на будущее»[1].

Под эгидой ИРО в западных зонах Германии и Австрии длительное время работали вербовочные миссии из разных государств, в том числе из Аргентины. В Италии, в частности, в это время действовала специальная комиссия по делам беженцев под руководством аргентинского министра Камполонго, который помогал решать вопросы переезда этих людей за океан.

При вербовке предпочтение отдавалось молодежи и лицам с хорошим состоянием здоровья. Возраст для мужчин, подлежавших вывозу, был обычно определен до 40–45 лет, для женщин – до 30–35 лет. Среди эмигрантов из России преимущество получали лица, не связанные с советским режимом, в том числе белоэмигранты, а также андерсовцы, власовцы и прочие коллаборационисты. Препятствием на пути переселения перемещенных лиц в Аргентину были активно распространявшиеся слухи о наличии в их среде скрытых и явных коммунистов.

У правительств латиноамериканских стран существовало также опасение, что большие и сплоченные в национальном отношении группы русских «ди-пи» не сольются с местным населением, не станут лояльными гражданами данной страны, а будут стремиться к сохранению не только своей культурной самобытности, но и к политической обособленности. Одновременно руководству этих стран прихо-

[1] Общество русских зарубежных юристов. Протоколы первого общего годового собрания. Мюнхен, 27 сентября 1947 // AMRC. 5929-2-9.

дилось считаться и с наличием среди славянской трудовой эмиграции достаточно сильной просоветской группы, сложившейся за годы Второй мировой войны. Тем не менее, в конечном счете, желание получить столь необходимую рабочую силу для модернизирующихся экономик латиноамериканских стран перевешивало все опасения и возможные прогнозы политиков.

Советская сторона располагала сведениями о том, что аргентинское правительство вело переговоры с США и Великобританией о въезде в страну перемещенных лиц из числа граждан русской, украинской, польской, югославской национальностей, находившихся в американских и английских лагерях Германии и Австрии. В записке зав. отделом латиноамериканских стран МИД СССР К.А. Михайлова на имя зам. уполномоченного по репатриации при Совете Министров СССР генерала-лейтенанта К.Д. Голубева сообщалось, в частности, что аргентинское правительство ставило вопрос о въезде в страну свыше 50 тыс. человек из числа перемещенных лиц, главным образом из личного состава так называемой армии генерала Андерса[1].

---

[1] Общество русских зарубежных юристов. Протоколы первого общего годового собрания. Мюнхен, 27 сентября 1947 // AMRC. 5929-2-9. Армия под командованием польского генерала Андерса была создана в 1941 г. для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против гитлеровской Германии. На 1 марта 1942 г. в польской армии в СССР числилось 60 тыс. человек, включая 3090 офицеров и 16 202 унтер-офицеров, среди которых было много евреев, украинцев, белорусов. Л.П. Берия констатировал антисоветские настроения в армии, в том числе и среди рядовых. В дальнейшем Андерс добился согласия правительства Сикорского на вывод армии в Иран, после чего она была преобразована во 2-й Польский корпус, который сражался в 1944 г. на итальянском фронте в составе 8-й Британской армии. До 1946 г. корпус оставался в качестве оккупационных сил в Италии, затем был переправлен в Великобританию и там расформирован. Большинство его бойцов, как и сам командующий, не пожелали возвращаться в коммунистическую Польшу и остались в эмиграции, часть из них перебралась потом в Латинскую Америку.

Следует отметить, что встречались и случаи выдачи в последний момент перемещенных лиц советским представителям. Так, итальянские власти после отправки из страны в Аргентину парохода, на котором находилось несколько сот граждан СССР, заявили советским руководителям, что они арестовали 15 человек. При этом, однако, они заявили, что в дальнейшем «смогут передавать коллаборационистов только после предоставления решения советского суда, которое, в свою очередь, должно рассматриваться судом Италии»[1].

Одновременно советский посол в Аргентине получил распоряжение потребовать от аргентинской стороны передачи СССР всех прибывших из Италии и западных зон Германии и Австрии советских граждан [2]. Однако, как отмечает П.М. Полян, уже в Уставе ИРО содержался юридический инструмент, отменявший действие тех репатриационных принципов, которые были заложены в Ялтинских соглашениях[3]. В дальнейшем в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о беженцах, принятой в феврале 1956 г., вновь появилась формулировка о том, что «беженцы и перемещенные лица, заявившие окончательно и определенно, совершенно свободно и по полном ознакомлении с фактами, в том числе и с соответствующей информацией, представленной правительствами стран их происхождения, веские возражения против возвращения в страны своего происхождения, не будут принуждаться к возвращению на родину»[4]. Поэтому в данном вопросе СССР никак не смог воздействовать на правительство Аргентины и добиться от него содействия в возвращении своих граждан, включая коллаборационистов.

Важную роль в судьбе перемещенных лиц в этот период сыграла и Русская православная церковь за границей. Архиерейский Синод, а также уполномоченные российских

---

[1] АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 19(а). Папка № 117. – Д. 2. – Л. 2.
[2] Там же. – Оп. 16. Папка № 106. – Д. 16. – Л. 2.
[3] *Полян П*. Жертвы двух диктатур… – М., 1996. – С. 324.
[4] Там же. – С. 322.

эмигрантских комитетов и благотворительных организаций вели переговоры с аргентинским правительством о переселении русских беженцев и перемещенных лиц. Протоиерей К.Г. Изразцов лично обратился к президенту Аргентины Хуану Доминго Перону с просьбой разрешить въезд в страну 25 тыс. русским беженцам и посвятил остаток своей жизни организации вызовов на континент перемещенным лицам по линии американского Красного Креста. В годы перестройки» заслуги отца Константина Изразцова в деле помощи «ди-пи» стали отмечаться и на Родине. Так, Е.Н. Дик указывал, что основатель русских православных приходов в Аргентине «спас от ГУЛАГа не одну тысячу бывших советских граждан»[1]. По данным эмигрантской печати, всего отцом К.Г. Изразцовым и его коллегами в течение 1947–1948 гг. было получено 40,8 тыс. разрешений на выдачу виз для въезда в эту страну. Однако большая часть разрешений не была использована из-за недостатка транспортных средств, неподходящих физических и семейных данных переселявшихся[2].

В 1949 г. в связи с эвакуацией около пяти тысяч русских беженцев из Китая и временным размещением их в лагере для перемещенных лиц на филиппинском острове Тубабао было принято «Обращение русских иерархов к правительствам мира» с просьбой оказать содействие в расселении этих людей в их странах[3]. Важную роль в приеме беженцев на новых местах сыграл архиепископ Иоанн Шанхайский (Максимович). В том же году в Южную Америку иммигрировало более сотни тубабаовцев, часть из которых индивидуально и семьями выехала в Аргентину[4].

---

[1] *Дик Е.Н.* Православие на Ла-Плате (конец XIX – первая половина XX в.) // Латинская Америка. – 1991. – № 8. – С. 86–91.

[2] АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 18. Папка № 112. – Д. 12. – Л. 12.

[3] *Моравский Н.В.* Остров Тубабао. 1949–1951. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. – М.: Русский путь, 2000. – С. 91.

[4] Там же. – С. 13.

Заметное участие в судьбе перемещенных лиц принял также Ватикан. Папа Римский Пий XII выступал с протестами против репатриации «ди-пи» в СССР. В Аргентине действовал Римско-католический институт так называемого восточного обряда «Руссикум» во главе с иезуитом Филиппом де Режисом. Прибывший после войны в Аргентину русский эмигрант И.Н. Андрушкевич подчеркивал: «Патер Филипп, неплохо говоривший по-русски, был хорошим и очень культурным человеком, который искренне и самоотверженно много помогал русским эмигрантам, тогда прибывшим в Аргентину. Он для них искал работу, квартиры и вообще помогал, чем мог»[1]. При этом, однако, тот же И.Н. Андрушкевич отмечает, что цели, которые ставил Ватикан при работе с русскими эмигрантами в Аргентине, достигнуты не были. «Личная трагедия» Ф. де Режиса, как указывает И.Н. Андрушкевич, состояла в том, что «практически никто из русских в Аргентине тогда не перешел в юрисдикцию Римско-католической церкви, хотя все и были ему благодарны за помощь»[2]. Авторитет Ф. де Режиса среди русских эмигрантов еще более вырос в 1953 г., когда, как указывает М.Н. Мосейкина, он «без малейших колебаний заявил о своей готовности вынести болезненную операцию и отдал сто квадратных сантиметров своей кожи русской женщине, матери троих детей, умиравшей от сильных ожогов, и которую могла спасти только пересадка кожи»[3]. К сожалению, вскоре отец Филипп заболел лейкемией и умер в феврале 1954 г. Его похороны объединили католи-

---

[1] См.: *Андрушкевич И.Н.* Во вторичной послевоенной эмиграции // Зарубежная Россия XX век: Слепухинские чтения – 2016. – СПб: Фонд Слепухина; Ладога, 2018. – С. 204.

[2] Там же.

[3] См.: *Мосейкина М.Н.* Русская православная церковь в Латинской Америке в 1920–1940-е гг.: проблемы межконфессионального диалога // Нансеновские чтения 2007. – СПб: РООО ИКЦ «Русская эмиграция», 2008. – С. 242.

ческих и православных священников Буэнос-Айреса, которые обнесли его тело вокруг храма.

По благословению Папы Римского были образованы национальные комитеты помощи беженцам. Главой Русского комитета стал иезуит отец Г. Коваленко. Его задачей стала помощь тем соотечественникам, которым угрожала опасность быть насильственно выданными в СССР. Одновременно он работал по дипломатическим каналам, изыскивая возможности отправлять русских в различные страны, включая Аргентину. 12 января 1951 г. отец Г. Коваленко получил назначение из Рима в Аргентину.

Первоначально правительство Аргентины соглашалось принять небольшие группы переселенцев в качестве эксперимента для использования их, главным образом, в сельском хозяйстве и промышленности. Однако ее правительство отдало распоряжение консулам не визировать паспорта лицам славянского происхождения, в особенности, русским, и не принимать лиц старше 45 лет. Дальнейший тщательный отбор иммигрантов в эту страну проводился специальной комиссией, которая на основании декрета № 1162 (1949) о регистрации иностранцев, проживавших в Аргентине, отсеивала всех нежелательных элементов. По данным советских представителей, эта комиссия отбирала для въезда в страну тех, кто скрывался от репатриации (власовцы, андерсовцы, бывшие полицейские, военные преступники). При этом, как отмечалось в «Справке о перемещенных лицах, прибывших из Европы и проживающих в Аргентине», составленной в октябре 1949 г. атташе посольства СССР в Аргентине Д.А. Мишиным, отбор перемещенных лиц из числа советских граждан производился также по получении специальной рекомендации о благонадежности этих лиц от белогвардейского генерала В.В. Чеславского, проживавшего в Чикаго и руководившего оттуда иммиграцией русских в Аргентину[1].

[1] АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 17. Папка № 108. – Д. 12. – Л. 14.

Для получения виз на въезд в Аргентину составлялся список численностью в 300–500 человек вместе с семьями. В каждой такой группе избирался руководитель – обычно из священнослужителей (чаще – из католических миссионеров). Визы выдавались лицам не только «благонадежным», но и обязательно физически здоровым, не старше 45 лет. В составе семьи, переезжавшей в Аргентину, один человек обязательно должен был быть трудоспособным, для чего на руки каждому въезжавшему выдавалась медицинская справка о состоянии его здоровья. Причем отправлявшиеся в Аргентину дважды подвергались медицинскому осмотру на предмет годности к физическому труду: первый раз – перед выдачей визы и посадкой на пароход; второй раз – на рейде по прибытии парохода в порт Буэнос-Айреса. Лицам, имевшим специальности врача, дантиста, акушера, адвоката, разрешений на въезд в Аргентину не выдавалось[1].

Важную роль в деле переселения перемещенных лиц в Аргентину сыграл Толстовский фонд во главе с А.Л. Толстой. За счет пожертвований, собиравшихся фондом, русским «ди-пи» частично оплачивались визы и переезд. Сбором средств на оплату виз переселявшимся, в частности, из Италии в Аргентину занималась лично А.Л. Толстая (к концу октября 1947 г. были оплачены визы для 210 человек)[2]. В августе 1947 г. к А.Л. Толстой обратился протопресвитер К.Г. Изразцов с просьбой об изыскании 50–60 тыс. долларов для постройки временных бараков для прибывавших в Аргентину переселенцев[3].

В ноябре–декабре 1951 г. в Брюсселе прошла Международная конференция по вопросам эмиграции с участием представителей 23 стран, на которой было принято решение продолжить оказание помощи беженцам и создать вместо

[1] АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 17. Папка № 108. – Д. 12. – Л. 15.
[2] Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1947, 1 августа, 29 октября.
[3] Русская жизнь. – 1947, 1 августа.

прекратившей свою деятельность ИРО новую организацию – Временный Межправительственный (межгосударственный) комитет по переселению эмигрантов из Европы[1]. Все функции ИРО были переданы Управлению Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, созданному 1 января 1952 г. и существующему до настоящего времени[2]. Благодаря деятельности данного Комиссариата в дальнейшем проходила более или менее планомерная работа по расселению и устройству беженцев.

После январской 1952 г. Международной конференции по вопросам оказания помощи беженцам правительства ряда стран приняли меры по облегчению въезда перемещенных лиц из Западной Европы на их территорию. Так, 20 февраля 1952 г. в Аргентине был издан декрет за № 3409, согласно которому на аргентинских пароходах, возвращавшихся в страну, следовало провозить бесплатно до трех иммигрантов[3].

В 1954 г. усилиями Комиссариата по делам беженцев из Европы за океан было переселено 132 тыс. человек (прежде всего немцев, итальянцев, австрийцев, греков и др.). В 1955 г. на конференции в Женеве была принята новая программа переселения за океан 143 720 европейцев. В число стран, согласившихся на прием в 1955 г. беженцев, вошла и Аргентина (более 30 тыс. чел.)[4].

Аргентинское правительство Перона с февраля 1949 г. сильно ограничило, а затем совсем прекратило допуск в страну перемещенных лиц советского происхождения[5]. Тем

---

[1] АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 19(а). Папка № 117. – Д. 2. – Л. 11.

[2] *Жуков А.Ф., Жукова Л.Н.* История и судьба российской эмиграции: Вторая волна эмиграции, 1939-1950 –е гг. – СПб: СПБГТУ, 1998. – С. 50.

[3] El Cronico Kommercial. 1952. 2 de marzo // АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 19(а). Папка № 117. – Д. 2. – Л. 18.

[4] Россия. – Сан-Пауло, 1955. – № 1. – С. 51.

[5] АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 18. Папка № 112. – Д. 12. – Л. 12.

не менее с июля по сентябрь 1951 г. в Аргентину еще продолжали прибывать группами по 250 человек перемещенные лица по направлению ИРО.

В 1952 г. в Аргентине были опубликованы новые правила иммиграции (декрет № 3721), в соответствии с которыми иммигранты направлялись только вглубь страны. В течение 3 лет они были обязаны создать поселение в тех местах, куда визировался их паспорт. Въезд в Буэнос-Айрес, как правило, запрещался, и этот запрет распространялся также на зону в 100 км от столицы[1]. По решению правительства для вновь прибывавших перемещенных лиц выделялась земля в районе Вижа Абасто (в 10 км от г. Ла Плата). К концу 1952 г. из Аргентины начали приходить сообщения о том, что власти не допускают въезд в страну перемещенных лиц в большом количестве, за исключением итальянцев и испанцев. Но уже в 1955 г. на конференции Межправительственного комитета представитель Аргентины Ф. Гарб заявил, что в рамках второго пятилетнего плана его страна предусматривала выделение крупных сумм на колонизацию, в связи с чем аргентинское правительство обязалось в будущем всячески поощрять допуск к себе из Европы на льготных условиях лиц, стремившихся заняться сельским хозяйством[2].

В 1950-е гг. в Латинскую Америку из Китая (Синьяцзян) переехали небольшие группы русских старообрядцев. Основная масса их оказалась в Бразилии и Уругвае, но некоторые перебрались и в Аргентину. Один из них впоследствии так вспоминал об этом: «В Аргентину… Нас много не спрашивали. Куда предложили – туда поехали – в Аргентину. Поехало всего 4 семей синьцзянцев: Зенюхины, Шарыповы, Мальцевы, Можаевы. Как получилось? У нас, у жены

---

[1] El Cronico Kommercial. 2 de marzo 1952 // АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 19(а). Папка № 117. – Д. 2. – Л. 18.

[2] Россия. – 1955. – № 1. – С. 51.

тетка была слепая – ослепла перед выездом. Мы заполнили документы, что слепая, а Бразилия инвалидов не принимала. Нам сделали, что Аргентину открыли, просто нашли фактически. Наши никто даже не знал, что такая страна существует – Аргентина. А я знал, потому что книжку читал про Аргентину. Ну, [предложили], что вот, есть Аргентина. Нас записали, даже не спрашивая нас. Сказали, что нужно 35 семей. Потом сбавили, с 35 сделали 25; потом с 25 сделали 4 семьи»[1].

Таким образом, международные организации – ЮНРРА и ИРО – играли важную роль в формировании второй волны эмиграции. До 1946 г. одновременно с массовой репатриацией происходила массовая насильственная выдача тех, кто не желал возвращаться в СССР, и прежде всего коллаборационистов – власовцев, казаков, воевавших на стороне нацистской Германии. Однако в дальнейшем очевидными становятся расхождения между союзниками по политическим причинам, после чего на первый план вместо вопросов репатриации выдвигаются проблемы интеграции «ди-пи» в экономику Германии и переселения их в другие страны мира.

После того, как все больше русских получали информацию о реальной ситуации и условиях жизни в Аргентине, они более осторожно начинали относиться к перспективам отъезда туда на постоянное место жительства. Неслучайно, уже в конце 1940-х гг. парижский журнал «Возрождение» писал: «Одной из самых притягательных для беженцев стран казалась до сих пор Аргентина. На переселение туда записалось в Европе свыше 100 тыс. русских беженцев; в числе записавшихся было немало и «старых» русских беженцев, с нансеновскими паспортами. В последнее время начались затруднения и разочарование. Тем не менее тяга в Аргентину все еще велика»[2].

---

[1] См.: *Аргудяева В.В., Хисамутдинов А.А.* Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. – Владивосток: Дальнаука, 2013. – С. 270.

[2] Возрождение. – Париж, 1949. – № 1. – С. 187.

Очевидно, что далеко не все «старые» эмигранты в Аргентине были настроены на активную помощь новым переселенцам. Неслучайно, издававшийся в Буэнос-Айресе журнал «Вехи» в 1949 г. указывал: «Многие из нас живут здесь давно, привыкли, ассимилировались, разбогатели… Большинство эмигрантов устроило себе уютные квартиры… Но те из нас, кто сегодня ушли с головой в добывание земных благ, забыв обо всем другом, напоминают людей, построивших свои дома на кратере действующего вулкана… Безумные слепцы! Нужно отказаться от ограниченного обывательского равнодушия ко всему тому, что нас лично сейчас не касается…»[1].

Несомненно, совершенно иначе интерпретировалась эта тема в советской историографии. Так, советский исследователь А.А. Стрелко заявлял: «Создавались всяческие барьеры на пути многих тысяч тружеников, желающих возвратиться на родину предков, в социалистические страны…Идя в фарватере империалистической политики, власти Аргентины, Бразилии, Венесуэлы и ряда других государств разрешили въезд в конце 40-х – начале 50-х гг. «перемещенцев». Так, в 1947 г. сюда прибыло 9557 лиц этой категории, в 1948 г. – 44 500, в 1949 г. – 25 941, в 1950 г. – 9557, в 1951 г. – 9691 человек»[2].

Следует отметить, что представленные в историографии сведения о численности этой волны русской эмиграции в странах Латинской Америки различаются и не могут считаться окончательными. Данные о национальном составе этой волны также были весьма условными. Так, известный деятель НТС В. Д. Поремский отмечал, что многие бывшие граждане СССР, подлежавшие репатриации, подделывали свои документы и давали неправильную информацию о месте рождения и национальности (чаще всего русские вы-

---

[1] Вехи. – 1949. – № 13-14. – С. 9.

[2] *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки. – С. 27–28.

давали себя за западных украинцев или белорусов, проживавших до войны в Польше). Это вносило «невероятную путаницу» и послужило «огромным испытанием для нервов статистиков, привыкших к операциям с более ясным материалом»[1]. Поэтому, по мнению В.Д. Поремского, не случайно, что статистические данные военных властей и ЮНРРА (впоследствии ИРО) различались.

Расхождения по вопросу о численности переселенцев сохраняются до сих пор. Так, П.М. Полян, со ссылкой на данные ИРО, указывает, что на латиноамериканские страны приходилось 4,86% (34 682 человека) из 1 млн размещенных переселенцев: по этому показателю их превзошли только США, Австралия, Канада, Израиль и Великобритания[2]. В.М. Кабузан называет другую цифру – 99 256 «ди-пи», переселившихся в Латинскую Америку[3].

Отличаются от вышеприведенных статистические данные международных организаций, представленные в работе известного ученого-американиста Э.Л. Нитобурга. В ней, в частности, отмечается, что из 1 млн «ди-пи» из СССР в границах 1939 г. (без Прибалтики и Западной Украины) в переселении за океан участвовали 41,3 тыс. человек[4].

Исследователями приводятся и различные данные, касающиеся численности иммиграционного потока в Аргентину. Так, Э.Л. Нитобург называет цифру 2 тыс. чел.[5] В.Д. Поремский на 1952 г. – 8 тыс. чел.[6] По сведениям И.Н. Андрушкевича, в 1948–1951 гг., после распоряжения

---

[1] *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции. – М.: Посев, 1998. – С. 144.

[2] *Полян П.* Жертвы двух диктатур. – С. 217, 322.

[3] *Кабузан В.М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. – СПб: Блиц, 1996. – С. 28.

[4] *Нитобург Э.Л.* Об истоках русской колонии в Венесуэле // Латинская Америка. – 1999. – № 2–3. – С. 92.

[5] Там же.

[6] *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции. – С. 138.

президента Аргентины генерала Перона о приеме 10 тыс. русских, в эту страну прибыло от 5 до 7 тыс. эмигрантов[1].

В материалах советского Управления по делам репатриации и советских посольств отмечается, что на начало 1950 г. в Аргентине находилось 6 тыс. человек, подлежащих репатриации в СССР[2]. Впрочем, следует учесть, что точными данными о численности перемещенных лиц советская сторона не располагала, потому ею нередко использовались сведения, почерпнутые из местной прессы. Так, советские дипломаты ссылались на информацию боливийской газеты «Расон», которая в ноябре 1949 г. заявляла, что в Аргентине на тот момент проживало до 10 тыс. перемещенных советских граждан[3]. Однако и само это боливийское издание опиралось на неких информаторов из Женевы.

При этом, крайне трудно выделить из общей массы «ди-пи» этнических русских: по весьма приблизительным данным, до половины всех советских «ди-пи» являлись выходцами из Прибалтийских республик[4].

Эта волна иммиграции в Аргентину состояла из разных групп. Среди тех, кто прибыл в страну, было немало представителей «белой» эмиграции (в том числе коллаборационистов) из разных европейских стран, главным образом, из Югославии. Часть прибывших была представлена советскими гражданами, бежавшими из СССР с отступающими немецкими частями, остарбайтерами из числа гражданского населения, угнанного на работы в Германию, а также быв-

---

[1] *Андрушкевич И.Н.* Русская Белая эмиграция. Историческая справка // Русские воины в Аргентине / авт.-сост. М.А. Кублицкая. – Ч. I: Кадеты. – Буэнос-Айрес: Издание Объединения Кадет Российских Кадетских корпусов в Аргентине, 2004. – С. 21–24. Имеются сведения, что только из Италии в Аргентину выехало 3,5 тыс. чел. С июля по сентябрь 1951 г. в Аргентину продолжали прибывать перемещенные лица по направлению ИРО.

[2] АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 18. Папка № 112. – Д. 12. – Л. 20, 39.

[3] Там же. – Л. 9.

[4] Там же. Л. 20, 39.

шими советскими военнопленными. Как указывал советский историк А.А. Стрелко, в рядах эмигрантов этой «волны» были и «простые труженики, чьи умы отравила империалистическая пропаганда», и те, кто сотрудничал в Европе с нацистами[1]. По его словам, «мытарства, жалкое полуголодное существование этих обманутых западной пропагандой людей» начинались сразу же после прибытия в Аргентину: работа в шахтах, на плантациях и т.д.[2] Фактически о том же писал и А.Л. Афанасьев, который отмечал, что среди эмигрантов «второй волны» было немало тех, кто «подвергся массированной обработке в лагерях для перемещенных лиц», «так и не сумев найти дорогу домой». Но значительную часть «ди-пи», по мнению советского исследователя, составили военные преступники, «пособники фашистских палачей, стремящиеся избежать заслуженной кары»[3].

Конечно, антикоммунистическая часть эмиграции придерживалась иной интерпретации этих событий. Так, о. Д. Константинов полагал, что, поскольку СССР не разрешал легальной эмиграции, то люди, которые покидали страну, «не являлись ни изменниками, ни предателями, а политическими эмигрантами, оппозиционно настроенными в отношении строя, господствовавшего на их родине»[4].

Весьма интересное замечание относительно данной «волны» высказал известный деятель русской эмиграции в Аргентине И.Н. Андрушкевич, сам прибывший в страну из Европы в 1948 г. Он вспоминает, что вместе с ним на пароходе «Олимпия» плыли как представители белой эмиграции, так и бывшие красноармейцы из «второй волны». «Однако, –

---

[1] См.: *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки. – С. 37.

[2] Там же. – С. 55.

[3] *Афанасьев А.Л.* Полынь в чужих полях. – М.: Мысль, 1987. – С. 145.

[4] *Константинов Д.В.* Записки военного священника. – СПб: Новый часовой, 1994. – С. 13.

подчеркивает он, – эти две группы уже тогда слились в одну, и это уже была новая послевоенная смешанная русская эмиграция. Идеологическим катализатором этого смешения был непримиримый антикоммунизм бывших красноармейцев. Это был антикоммунизм «утробный», не интеллектуальный, а жизненный, основанный на собственном жизненном опыте. Именно этот антикоммунизм делал эту вторую волну русской эмиграции приемлемой для первой волны, даже несмотря на другие расхождения, главным образом социального характера. После своего прибытия в страны Нового Мира эта смешанная русская эмиграция дополнительно смешивалась с остатками местной довоенной старой русской эмиграции»[1]. Как указывал И.Н. Андрушкевич, этот процесс «смешивания» в Аргентине происходил значительно интенсивнее, чем в Европе, например, во Франции.

Почему Аргентина стала важным центром этой волны эмиграции из СССР? Протоиерей Д. Константинов отмечал, что согласие президента Х.Д. Перона принять в своей стране русских эмигрантов и особенно желание дать приют офицерам-инвалидам времен Первой мировой войны было актом не только гуманным, но и политическим. «Перон, – пишет отец Д. Константинов, – хотел, впустив в страну послевоенную эмиграцию, приобрести ценное пополнение для различных секторов аргентинской экономики и одновременно идеологически устойчивые элементы, противостоящие коммунизму»[2]. Как будет показано ниже, авторитарный политический режим президента Хуана Доминго Перрона импонировал многим представителям белой эмиграции, носителям консервативных ценностей. Так, эмигрантка М.А. Гершельман, которая после войны переехала в Латинскую Америку, объясняя выбор своей семьи в пользу Ар-

---

[1] *Андрушкевич И.Н.* Во вторичной послевоенной эмиграции. – С. 193.

[2] *Константинов Д., протоиерей.* Через туннель XX столетия. – М.: Институт политического и военного анализа, 1997. – С. 421.

гентины, вспоминает: «К ней было больше доверия, нежели к странам демократии, да и далеко от СССР»[1]. Отцом М.А. Гершельман был А.С. Гершельман – выпускник Пажеского корпуса, в Первую мировую войну – офицер Лейб-гвардии Конной артиллерии, Георгиевский кавалер. В годы Гражданской войны в белой Северо-Западной армии являлся командиром батареи, полковником. Дед М.А. Гершельман по отцовской линии – генерал-лейтенант С.К. Гершельман в 1906–1909 гг. был генерал-губернатором Москвы.

Таким образом, после Второй мировой войны Аргентина становится одним из центров расселения новой волны русской эмиграции. В ее составе находились как представители белой эмиграции, переселившиеся из Европы и Китая, так и новая эмиграция в лице коллаборационистов, бывших военнопленных и остарбайтеров. Многие из этих людей очень быстро оказались вовлечены в деятельность различных эмигрантских общественных организаций и политических групп.

2.2. Проблемы адаптации русских перемещенных лиц и «старых эмигрантов»

Прибывшие в Аргентину во второй половине 1940-х гг. русские эмигранты и перемещенные лица, прежде всего, занимались вопросами поиска средств к существованию, профессиональной и социальной адаптацией к жизни в принимающем обществе. Первая встреча с латиноамериканской страной нередко оставляла противоречивые впечатления. И.Н. Андрушкевич вспоминал, что по прибытии их поселили в гостинице, организовали трехразовое питание и т.д., но все это продолжалось 10 дней: «Точно через десять дней мы

[1] Михайлов День 1-й: Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 129.

все должны покинуть гостиницу. Куда, спросили многие. Куда хотите, это ваше дело, у нас демократия и каждый может делать, что хочет. Но мы же без языка, без денег, без работы и, самое главное, без жилища, стали мы говорить. Ответ был коротким: это тоже ваше дело»[1].

Неудивительно, поэтому, что через несколько дней все прибывшие начинали искать работу, но с условием предоставления жилья. «Дело в том, – отмечал И.Н. Андрушкевич, – что тогда в Аргентине было очень трудно найти и снять квартиру. Для этого нужно было заплатить квартирную плату за несколько месяцев вперед, внести значительную денежную гарантию и найти солидного гаранта, который бы тоже подписал контракт на квартиру на два года»[2]. Большинство русских эмигрантов не имели таких финансовых возможностей, поэтому были вынуждены соглашаться идти на тяжелую работу (например, прислуги), чтобы получить комнату в Буэнос-Айресе.

Сам И.Н. Андрушкевич в итоге устроился работать на завод в пригороде Буэнос-Айреса, в цех, где красили металлические печи. Дорога из дома на завод занимала более часа на метро и поезде. «Работа на фабрике начиналась в 6 часов утра, а кончалась в 3 часа после обеда, – вспоминал он. – Я должен был вставать в 4 часа утра, быстро умываться, одеваться, выпить немного кофе с молоком и бежать на метро… На этой фабрике я проработал около трех лет. Пыль и запах от краски на меня действовали довольно плохо, хотя я работал в маске во время самой покраски»[3].

Д. Константинову пришлось после переезда в Аргентину поселиться с семьей в рабочем пригороде Буэнос-Айреса Ланусе в комнате, которую они сняли у одного из русских

---

[1] *Андрушкевич И.Н.* Во вторичной послевоенной эмиграции… – С. 206.

[2] Там же. – С. 207.

[3] Там же. – С. 209.

эмигрантов. Впоследствии протоиерей вспоминал: «Этот «предприниматель» специально держал эту квартиру свободной, сдавая ее по комнатам приезжающим эмигрантам за довольно дорогую цену. Мы взяли у него комнату, рассматривая это как временное решение вопроса о жилье. Ни комната, ни цена, ни местоположение нашей временной квартиры нас не устраивало. Но нам было ясно, что некоторое время, пока мы «оперимся» на новом месте, нам придется здесь пожить»[1].

Таким образом, именно поиски работы и жилья были главной задачей для вновь прибывших в Аргентину. При этом И.Н. Андрушкевич подчеркивает: «Сегодня важно отметить, что эти поиски жилища и работы… проводились в значительной мере соборно, коллективно. Любая информация, связанная с этими поисками, немедленно становилась общеизвестной. Все помогали всем»[2].

К концу Второй мировой войны, по данным международных организаций, Аргентина нуждалась в сельскохозяйственных и квалифицированных промышленных рабочих, а также в техниках. Спрос существовал на таких специалистов, как слесари, механики, сварщики, электротехники, столяры, плотники и портные. Продолжалась также колонизация новых земель в отдаленных районах, однако, как указывали советские дипломаты, следовало учесть особые климатические условия, которые были непривычны для европейцев[3]. Аргентинские власти размещали переселенцев компактно. Например, были выделены участки в г. Вила Диаманте, где расселились до 2 тыс. перемещенных лиц. В г. Кильмес были созданы две русские колонии по 70 домов в каждой, в г. Вижа Флоренция Варела разместилась

---

[1] *Константинов Д., протоиерей.* Через туннель XX столетия. – С. 387.

[2] *Андрушкевич И.Н.* Во вторичной послевоенной эмиграции... – С. 225.

[3] АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 19(а). Папка № 117. – Д. 2. – Л. 2.

колония перемещенных лиц-выходцев из Западной Украины. В рассрочку на десять лет можно было недорого приобрести земли в районах городов Берасатеги, Касса Нуэва и др.[1]

Многим эмигрантам оказывалось непросто адаптироваться к жизни на новом континенте, найти достойную работу в незнакомых условиях. «Нам в Аргентине повезло, – вспоминает М.А. Гершельман, – тогда это была богатая страна, жизнь дешевая, много всякой работы»[2]. Хотя, признавалась русская эмигрантка, первое время без знания испанского языка приходилось устраиваться на самые тяжелые работы: на фабрики, заводы, постройки домов, покраску квартир. Со временем многим удалось приобрести участки в пригородах Буэнос-Айреса, постепенно построить собственные дома[3].

В те годы в Аргентине оказались представители семей известных предпринимателей и меценатов – Морозовы, Мамонтовы, Четвериковы. Так, семья И.С. Четверикова – одного из сыновей С.И. Четверикова (владельца известной текстильной фабрики «Четвериковы-Алексеевы») перебралась в Аргентину после войны из лагеря в Германии. И.С. Четвериков до революции учился в Дрездене на химическом факультете Высшей технической школы, по окончании получил специальность химика – организатора процесса окраски сукна для фабрики. Из Германии он вернулся за несколько недель до начала Первой мировой войны. В годы Второй мировой войны коллеги – немецкие химики помогли И.С. Четверикову выбраться из немецкого лагеря. Дочь И.С. Четверикова С.И. Беликова (Четверикова) вспоминает: «Когда мы приехали, типична была такая ситуация: старые эмигранты снимали старинный дом в городе и сдавали своим соотечест-

[1] АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 19(а). Папка № 117. – Д. 2. – Л. 3.
[2] Михайлов День 1-й… – С. 126.
[3] Там же. – С. 127.

венникам по комнате. Мама убирала, папа выметал, готовили общий завтрак. Так жили князья Голицыны, так жили Уваровы. Представители новой эмиграции обычно снимали домишко на немощеной улице в пригороде. Казакам из России аргентинское государство выделяло земли на бывшем мусорнике, присыпанном землей…»[1].

При этом люди жили в ожидании возможности вернуться. «Как старая эмиграция жила «на чемоданах» всю свою жизнь, так и многие из нас, – рассказывает С.И. Беликова, – не стремились… влиться в аргентинский быт»[2]. Характеризуя состав «второй волны», она замечает: «У нас говорят так: первая эмиграция – бросишь палку, попадешь в генерала; вторая эмиграция – бросишь палку, попадешь в инженера. Они нашли себе применение. Дороги, мосты Аргентины, в том числе, железнодорожные, высотные здания, электростанции проектировались русскими инженерами. И русские врачи оставили о себе благодарную память»[3].

Свой вклад в культуру и экономику Аргентины внесли приехавшие сюда после войны специалисты-инженеры, которые участвовали в строительстве столичного аэродрома в пригороде Эсейса, в проектах «Фонда Мария Ева Дуарте де Перон». Русские специалисты проектировали высотные здания в Буэнос-Айресе, Национальную библиотеку страны, строили новые жилые районы в столице и т.д. После войны в Аргентине оказались представители дворянского рода Аксаковых – П.А. Аксаков[4] и С.С. Аксаков[5]. П.А. Аксаков – бывший ротмистр, сподвижник польского генерала Булах-Балаховича. В Аргентине ему принадлежал ресторан.

---

[1] Русское небо Аргентины. Беседа со Светланой и Владимиром Беликовыми. – URL: http://ricolor.org/rz/latin_amerika/argentina/rossia/1.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Кулешов А.С.* Аксаковы. История разбитых судеб. – М., 2009. – С. 219, 224.

[5] Там же. – С. 211.

С.С. Аксаков, прибывший в октябре 1948 г. в Буэнос-Айрес, вспоминал, что встретил здесь своих соратников – бывших моряков (Родзевича, Хотунцова, Алексеева, Добровольского), которые с радушием оказывали помощь представителям новой волны эмиграции. Самому С.С. Аксакову приходилось браться за любую работу (сторож на фабрике, чертежник), но в дальнейшем он участвовал в проектировании зданий Буэнос-Айреса, которые украшают город и в настоящее время.

Процессам адаптации новых эмигрантов в Аргентине содействовали созданные ими общественные организации, одной из которых являлся Союз русских Белых военных инвалидов под председательством инженера Н.П. Василькиотти. После раскола Союза из него выделилась как самостоятельная Группа инвалидов, которую возглавил полковник В.И. Гранитов, активно занимавшийся помощью престарелым и инвалидам. После его кончины в 1968 г. группа стала именоваться «Инвалидная Группа имени полковника В.И. Гранитова»[1]. В 1962 г. Союзом русских Белых военных инвалидов был построен Инвалидный дом, который действовал при храме Св. Сергия Радонежского в Вижа Бажестер. В 1965 г. в Буэнос-Айресе был открыт дом для престарелых «Санта Рита», где Российским Красным Крестом оплачивались места для русских инвалидов. Русские эмигранты жертвовали Дому продукты питания и все необходимое для празднования Рождества и Пасхи[2].

Помощь перемещенным лицам оказывалась также в частном порядке. Так, семья инженера О.М. Михно в 1949–1953 гг. помогала устраиваться на работу прибывавшим в Аргентину выходцам из России (с пятницы на воскресенье в этом доме питалось до тридцати человек). Старым эмигрантом А.А. Кушинниковым был организован «Фонд помощи

[1] Михайлов День 2-й: Журнал исторической России. – С. 306.
[2] Русская жизнь. – 1947, 1 августа, 29 октября.

нуждающимся и больным в Аргентине», который помогал соотечественникам в получении бесплатной медицинской помощи: обычно А.А. Кушинников лично обходил всех врачей города и просил принять бесплатно одного больного. Таким же образом по методу «ходи и проси» собирались медикаменты, оказывалась помощь в получении юридической консультации, при переводах в суде и т.д.[1]

Конечно, многие эмигранты нуждались в социальной поддержке, чему пытались содействовать различные организации, например, Комитет российской колонии в Аргентине, объединивший представителей белой эмиграции и перемещенных лиц. Его возглавлял казак, профессор В.Ф. Вербицкий[2]. В 1955 г. Союзом бывших чинов Русского корпуса был приобретен дом (с 1961 г. известный как Корпусный дом чинов Русского Корпуса в Югославии), давший приют многим нуждавшимся престарелым корпусникам. Долгое время он был одновременно общежитием и культурным центром, в котором проводились благотворительные вечера, балы, молебны в день памяти Святого Благоверного вел. кн. Александра Невского, на которых собирались взносы в фонд помощи нуждающимся[3].

В докладе вице-председателя Комитета российской колонии в Аргентине Н.Н. Воейкова, сделанном на заседании комитета 23 июля 1949 г., указывались такие меры социальной поддержки эмигрантов, как бесплатный амбулаторный прием, юридическая помощь, помощь в поиске квартиры и работы для эмигрантов. Этими вопросами в комитете ведали С.Д. Гегелашвили, Э.Ф. Кариус и В.Т. Матвеев. Предполагалось и создание кассы взаимопомощи, из средств кото-

[1] Отец Ростислав (Колупаев). Католические общины византийского обряда и русская диаспора – URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/frrostislav311.htm.

[2] Наша страна. – 2006, 17 ноября.

[3] Под белым крестом. – Буэнос-Айрес, 1951. – № 1. – С. 44; Под белым крестом. – 1954. – № 6. – С. 9–10.

рой возможно было оказывать единовременную или постоянную денежную помощь нетрудоспособным или особо нуждавшимся русским беженцам.

Приютом для многих русских эмигрантов стал дом в поселке Вижа Бажестер. Как отмечает историк В.Ю. Черняев, к лету 1949 г. здесь было оборудовано жилье: «состоятельным – 15 меблированных комнат в главном доме, беднякам – дешевые кабинки на одну или несколько комнат во флигелях (мебель они мастерили сами в столярной мастерской). Кухня, прачечная, туалет, душ были общими во дворе»[1]. Открылись также лавка, столовая, сапожная мастерская, фотоателье, библиотека, а на втором этаже располагалась маленькая домашняя церковь Святого Владимира. Руководило домом коммерческое предприятие, которым заведовал Г.М. Киселевский – инженер путей сообщения, начальник службы подвижного состава и тяги железных дорог в Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. С 1928 г. он жил в Аргентине, где основал Союз русских инженеров, был секретарем Российского общества Красного Креста, в 1932–1936 гг. редактировал газету «Русский в Аргентине».

Несмотря на бедность многих приходов, православная церковь по-прежнему занималась благотворительностью, оказывала помощь нуждающимся эмигрантам. Это несколько облегчало процесс социально-экономической адаптации. Так, значительную помощь эмигрантам оказывал «Православный русский очаг», созданный во второй половине 1940-х гг. в Итусаинго. Эта общественная организация имела свой «походный храм» в честь Всех Святых в Земле Русской просиявших, где служил отец Георгий Романов. В важнейших мероприятиях «Православного русского очага» участвовали архиепископ Пантелеймон, отец Филипп де Режис, архиерейский наместник Сербской православной

---

[1] *Черняев В.Ю.* Голоса Русского Буэнос-Айреса // Зарубежная Россия XX век… – С. 249–250.

церкви отец Р. Попович, полковник Е.Э. Месснер, председатель Дома русских эмигрантов П.И. Крачковский и другие. В 1948 г., после получения от правительства Аргентины прав юридического лица, при организации официально открылось детское общежитие. За 1947–1948 гг. через «Православный русский очаг» прошло 34 русских ребенка, а в целом число эмигрантов, получивших в нем помощь, достигало сотен человек[1].

Из всех переселившихся в Аргентину эмигрантов представители интеллигентных профессий составляли 10%, а вместе с членами семей – 30%. С этой группой переселенцев возникали трудности юридического характера. Врачи, фармацевты и медицинский персонал должны были нострифицировать свои дипломы; специалисты-врачи не могли также получить права практики, не сдав государственного экзамена. Теоретически это относилось и к остальным интеллигентным профессиям, но практически у всех было мало шансов найти работу по специальности в силу переизбытка интеллигенции в самой Аргентине. Представители гуманитарных специальностей (юристы, журналисты, учителя), даже в случае знания языка, не всегда были в состоянии найти себе работу по специальности. Поэтому возникал вопрос о переквалификации. Для желавших получить востребованную техническую специальность – радиотехника, автомеханика, шофера и т.д. были созданы многочисленные курсы, включая языковые[2].

Как и в других центрах Русского зарубежья, многие юристы пытались возобновить практику в новых условиях. Так, в Буэнос-Айресе работал адвокат и нотариус доктор Шацкий и его помощники – М. Кораб и А. Лащ, помогавшие получить документы на право проживания в Аргенти-

---

[1] См.: Праздник в Православном Русском очаге // За Правду. – 1948. – № 1. – С. 8.

[2] Там же. – С. 15.

не, заключить разнообразные сделки, вести бракоразводные дела, «Юридическое бюро адвоката Романа Новикова» и т.д.[1] Контрактами, сделками с недвижимостью, оформлением документов и т.д. занимался и присяжный поверенный Д.М. Петров[2]. Появились в Аргентине и русские врачи, которые также начали открывать свою практику[3].

Часть русских эмигрантов занималась бизнесом в различных сферах производства. Так, известностью пользовалась строительная фирма инженера Н.М. Седляревича, которая возводила жилые дома, магазины, здания для торговых и промышленных заведений. Она же нанимала на работу каменщиков, плотников и других строительных рабочих, публикуя об этом объявления в эмигрантской прессе[4]. Таким образом, создавались новые рабочие места, и у вновь прибывших в Аргентину русских появлялись возможности найти средств к существованию. Однако российским предпринимателям пришлось пройти через серьезные испытания, прежде чем получить лицензию на право заниматься соответствующей деятельностью. Вместе с тем, как отмечалось в еженедельнике «За Правду», «лица, обладающие несомненным знанием своего дела и упорно стремящиеся к намеченной цели, в конце концов, добьются признания своих прав, в какой бы стране они ни находились»[5].

Некоторые из старых эмигрантов пытались на новом месте возродить тот бизнес, которым они занимались в межвоенный период в Европе. Так, например, действовавшая до войны в Белграде русская меховая фирма предлагала манто из нутрии, ножек каракуля и другие изделия. При этом в рекламе специально указывалось, что она вела биз-

---

[1] См.: За Правду. – 1949. – № 38. – С. 8.

[2] Там же. – С. 5.

[3] Там же. – 1950. – № 70. – С. 4.

[4] Там же.

[5] См.: Успех наших соотечественников // За Правду. – 1950. – № 72. – С. 4.

нес в Королевстве Югославия до войны: очевидно, это должно было укреплять репутацию данной структуры в глазах потенциальных клиентов[1].

Таким образом, проблемы социальной и профессиональной адаптации были исключительно важными для «старых эмигрантов» и перемещенных лиц, прибывших в Аргентину во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Постепенно они смогли найти свое место в аргентинском обществе и внесли свой вклад в социально-экономическую модернизацию этой латиноамериканской страны.

Институтом, который консолидировал русских эмигрантов во многих странах мира, способствовал их социокультурной адаптации и сохранению идентичности, являлась Русская православная церковь. Что касается приходов РПЦ в Аргентине, то здесь, начиная с периода Второй мировой войны, происходили структурные изменения. В 1943 г. было создано Аргентинское викариатство Алеутской и Североамериканской епархии Московского Патриархата. В декабре того же года состоялась хиротония настоятеля собора великомученика Георгия Победоносца в Чикаго (США) архимандрита Феодора (Текучева) в епископа Аргентинского. 29 июня 1946 г. Священный Синод Русской православной Церкви постановил основать Аргентинскую епархию (в 1964 г. к ее названию добавилось слово «Южноамериканская») в составе Алеутского и Североамериканского Патриаршего Экзархата (с 1947 г. – Экзархат Северной и Южной Америки)[2].

И.Н. Андрушкевич указывает, что в Аргентину после войны прибыло более десяти священнослужителей Русской православной церкви как из ее Зарубежной юрисдикции, так и из России (в том числе члены Катакомбной Церкви и

---

[1] За Правду. – 1949. – № 38. – С. 8.

[2] *Паласио М.* 15 лет в Латинской Америке. – URL: http://rusecuador.ru/content/russkoyazychnye-smi-ob-ekvadore/7447-15-let-v-latinskoj-amerike.html.

бывшие узники советских концлагерей на Соловках, как, например, протоиерей Тимофей Соин)[1].

Православная церковь играла важную роль и в процессе адаптации русских эмигрантов в принимающем обществе. Неслучайно лидеры уже упоминавшегося Комитета российской колонии в Аргентине в 1949 г. планировали содействовать православной церкви, помогать ей открывать новые приходы и приобретать церковные земли, выдавать пособия церковно-приходским школам, распространять духовные книги и издания в местах концентрации русских эмигрантов. Этими вопросами, в частности, занимались протодиакон отец Сергей Мошин, А.В. Ставровский и граф А.И. Уваров.

Именно приходы православной церкви являлись центрами консолидации русской общины. Некоторые русские эмигранты даже утверждали, что именно те, кто объединялся вокруг советского посольства и отходил от церкви, «теряли русский язык и с ним большую часть русской культуры»[2].

Как справедливо указывает М. Раев, для многих эмигрантов именно «возрождение веры явилось источником утешения и внутренней силы, необходимой для того, чтобы пережить тяготы изгнания и заполнить пустоту, возникшую после утраты прежних идеалов»[3]. Эти тенденции фиксировали и русские эмигранты, проживавшие в Аргентине. Один из них, Г. Семенов, пожалуй, сформулировал это наиболее ярко: «Жизнь в рассеянии явилась школой церковности для русской послереволюционной эмиграции… Это не означа-

---

[1] *Андрушкевич И.Н.* Русская Белая эмиграция // Русские воины в Аргентине / авт.-сост М. А. Кублицкая. – Ч. I: Кадеты. – Буэнос-Айрес. 2004. – С. 21–24.

[2] *Шейнбаум Л.С.* Русские в Аргентине // Латинская Америка. – 1993. – № 5. – С. 118.

[3] *Раев М.И.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. – М., 1994. – С. 153.

ет, разумеется, что все наши эмигранты приобрели последовательно православно-русское мировоззрение: для многих церковь – только один из атрибутов русской жизни и русской культуры; другие просто приходят в храм, чтобы встретиться с земляками. Но, тем не менее, в той или иной форме, церковь занимает видное место в духовной жизни почти всякого русского эмигранта»[1].

Важным центром общественной жизни Русского зарубежья в Аргентине был Храм в честь Всех Святых в Земле Русской просиявших в Итусаинго. Богослужения по случаю его престольных праздников собирали большое количество прихожан, на них присутствовала Августейшая покровительница существовавшего при храме «Православного русского очага» великая княгиня Мария Павловна. Эти мероприятия, как отмечалось в русской эмигрантской прессе, были «подлинными, хотя и скромными, церковными торжествами»[2]. В целом следует отметить, что представители политической и культурной элиты диаспоры стремились сделать все возможное для обеспечения условий нормального функционирования православных приходов. Для большинства представителей русской белой иммиграции неотъемлемым элементом идентичности являлась православная вера.

Однако, как свидетельствуют источники, прихожанами русской церкви становились и многие перемещенные лица, недавно приехавшие из атеистического СССР. Вера нередко помогала этим людям преодолевать все испытания, которые обрушились на них, и они даже сами начинали возводить храмы. Так, в 1952 г. был освящен Храм в честь Святителя Гермогена, патриарха Московского и Всея Руси, в городе Кильмес (Большой Буэнос-Айрес). Он был возведен за 3 месяца «русскими людьми, недавно бежавшими от безбожной

---

[1] *Семенов Г.* Православие и наша молодежь // Православное слово. – Буэнос-Айрес, 1952. – № 15. – С. 6.

[2] Престольный праздник в Итусаинго // За Правду. – 1950. – № 72. – С. 4.

коммунистической власти»[1]. Среди подношений новому храму была и частица гроба Святителя Гермогена, вывезенная протоиереем Николаем Колчевым из России. «Прихожане могут гордиться теперь своим храмом, – писалось в «Православном слове». – Что можно сделать при усердии за краткое время!»[2].

Тогда же, в начале 1950-х гг., возводился и храм в городке Темперлей, а временно прихожан Церкви Покрова Пресвятой Богородицы приютил поселок Луис Гижон. На богослужения там, даже в рабочие дни, собиралось немало верующих[3].

Одновременно с этим было решено построить храм и на 54-м километре дороги от Буэнос-Айресе на Мар дель-Плата, где жило несколько русских семей. «Уже есть «хатки», огородики, – описывал их жизнь журнал «Православное слово». – Вспомнили эти бездомные странники и об украшении и отраде их бесприютной жизни – о храме Божием. Стремительно принялись за устроение его. Купили землю, стали собирать «пезо». Местечко то стало прозываться по ближайшей станции Абаста». Эту небольшую группу русских эмигрантов посетил и архиепископ Иоасаф, решено было посвятить храм памяти Страшного Суда Господня[4].

В целом масштабы аргентинской столицы, конечно, создавали большие проблемы для тех россиян, которые хотели посещать православные храмы. Протоиерей Д. Константинов вспоминал: «Буэнос-Айрес – это колоссальный, а с пригородами необъятный город, второй Нью-Йорк в полном смысле. Но если в Нью-Йорке подавляющая часть населения передвигается на собственных автомобилях, то в

[1] В Аргентинской епархии // Православное слово. – 1952. – № 14. – С. 14.

[2] Жизнь церкви // Православное слово. – 1952. – № 18.– С. 16.

[3] Там же.

[4] Там же. – С. 15.

Аргентине в те времена это было сделать невозможно. Личный, даже подержанный автомобиль доступен был только богатой и зажиточной части населения. Наш эмигрантский удел были автобусы, метро и поезда местного следования… Проехать при этих условиях из какого-нибудь северного пригорода в южный, надо было потратить не менее 2–3 часов. При этих условиях посещать храм, находящийся в другом, далеком от вас секторе города было более чем нелегко. И, тем не менее, посещали и часто я видел в храме людей, живущих весьма далеко от нашего места пребывания»[1].

Русские эмигранты в Аргентине жили не только в Буэнос-Айресе и его окрестностях, но были разбросаны по всей стране. Многие из них не имели возможности общаться с русскими людьми, посещать церковные богослужения, что тяжело переживалось верующими. Руководство Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей пыталось решать эту проблему, в том числе, путем поездок по различным регионам страны. Так, например, в 1952 г. архиепископ Иоасаф посетил Барилоче, где проводил богослужения и освятил место для постройки храма-часовни, которое было куплено Е. Четвериковой. В свою очередь, настоятель храма в Барилоче игумен Никодим ездил для совершения богослужений в Чубут, где жило около 30 семей русских крестьян[2].

Одним из приходов был и тот, который возник в городе Басовильбасо между реками Парана и Парагвай, на равнине Энтре-Риос. В этом городке жило несколько русских людей, кроме того, некоторые эмигранты владели фермами в окрестностях. Все эти люди и составляли приход отца Аверкия, настоятеля храма Казанской иконы Божией Матери[3].

---

[1] *Константинов Д., протоиерей.* Через туннель XX столетия. – С. 418.

[2] В Аргентинской епархии // Православное слово. – 1952. – № 14. – С. 14.

[3] Жизнь церкви // Православное слово. – 1952. – № 15. – С. 15.

Распространенным явлением в повседневной жизни православных в Аргентине стали издания, ориентированные не на богословов, а на рядовых представителей русской диаспоры, лишь недавно обратившихся к вере. Принципиальной позицией редакции таких изданий было стремление отстраниться от церковной «политики», негативные стороны которой могли дискредитировать православие в глазах эмигрантов. Таков был, например, журнал «Православный вестник», начавший выходить в Буэнос-Айресе под редакцией Е. Супруна в 1948 г. Инициаторы его издания видели свою миссию в том, чтобы знакомить с православием «американского читателя», одновременно предлагая всем православным христианам «без всяких идей политических серьезный богословский материал»[1]. Они также призывали интеллигенцию заняться христианским просвещением эмигрантской массы. «Часок времени, употребленный каждым из нас, сообразно специальности, в пользу простолюдина, – подчеркивала редакция «Православного вестника», – небольшой ущерб принесет нам материально, но зато в нравственном отношении несомненно принесет громадную пользу»[2]. При этом обращалось внимание на то, что многие представители эмигрантской интеллигенции сторонились общественной работы, замкнулись в себе и занимались лишь поиском средств к существованию. Эта ситуация являлась решительным разрывом с традицией русской интеллигенции, поэтому редакция «Православного вестника» с болью писала о том, что «соль земли» – интеллигенты – «ушли в свое «я» и «ничего не видят и не слышат»[3].

Сохранению веры среди русских эмигрантов способствовал выходящий в Буэнос-Айресе журнал «Православ-

---

[1] Редакция // Православный вестник. – Буэнос-Айрес, 1948. – № 1. – С. 3.

[2] Что есть истина? // Там же. – С. 5.

[3] Там же. – С. 6.

ное слово», подписку на который можно было оформить во всех приходах Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей. Характеризуя программу данного издания, его редакция указывала: «Наш журнал хочет помочь среднему русскому эмигранту познать основы православия, в большинстве случаев ему мало известные. Еще меньше ему известно, что в православии он может найти ответы решительно на все волнующие его самого вопросы. Он ищет их в науке, в политике, в социологии и не знает того, что православная мысль уже содержит исчерпывающие ответы на все, что его волнует»[1]. При этом подчеркивалось, что данное издание не ограничивалось освещением чисто религиозных и даже мировоззренческих вопросов. Оно освещало и политические, государственные проблемы, в том числе различные аспекты международных отношений. Отражая точку зрения Церкви, редакция журнала указывала: «Православное сознание охватывает все стороны человеческих отношений, и думается нам, что жизнь была бы лучше и легче, если бы сами православные (хотя бы только они) всякую свою деятельность подчиняли своему христианскому пониманию жизни»[2].

При этом совершенно очевидна и антикоммунистическая направленность данного издания. Ставя в центр внимания ценностные, мировоззренческие проблемы, редакция «Православного слова» находилась в твердой оппозиции по отношению к существовавшему в СССР режиму. «В мире разыгрывается теперь величайшая драма истории, – заявлялось на страницах журнала. – Организованное зло пытается захватить мир в свои руки… Есть люди, которые пытаются завуалировать трагизм борьбы, умолчать о жертвах зла, если не просто отрицать их существование. Всякий, кто это делает, сознательно или бессознательно содействует злу.

[1] Православное слово. – 1952. – № 14. – С. 2.
[2] Там же.

Мы хотим быть с мучениками, а не с мучителями, и постараемся с предельной решительностью проводить нужное разграничение»[1].

Идейно-политические установки руководства Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей еще более четко выразил священник Г. Романов, подчеркивавший на страницах «Православного слова» необходимость помнить о новомучениках Российских, прежде всего, о семье Николая II. Как и многие русские монархисты, с падением российской монархии он связывал и отход от принципов международного права, господство силы в мировой политике. По заявлениям Г. Романова, «пока жив был Государь Император Николай Александрович, в международных отношениях не могла воцариться… открытая циничная безнравственность»[2].

Он же обращал внимание и на те тенденции в общественной жизни Русского зарубежья, которые были заметны не только в Аргентине, но и в других странах русского рассеяния. Отмечалось, что духовенство «все более теряет характер замкнутой касты с ремесленным подходом к своему делу, все больше видно в его среде сознание величия пастырского служения». С другой стороны, церковь стала приобретать все большее значение в семейной и общественной жизни, опираясь на поддержку той части российской эмиграции, которая еще недавно была «совсем далеко от церкви, если не прямо враждебна ей»[3].

Преимущественно антикоммунистические организации объединяли в своих рядах консервативно настроенных эмигрантов, испытывавших ностальгию по временам Российской империи, игравшей важную роль в мировой политике. Русская идентичность у этих людей сочеталась с про-

---

[1] Православное слово. – 1952. – № 14. – С. 2.

[2] *Романов Г., свящ.* День всех Святых в земле Российской просиявших // Там же. – С. 4.

[3] Там же.

тивопоставлением России Западу. Как и многие их оппоненты – просоветски настроенные иммигранты, антикоммунисты отождествляли себя, прежде всего, не с русским этносом, а с имперской моделью Российского государства, которой, по их мнению, угрожали враги извне[1].

Не случайно, этим проблемам уделялось большое внимание на страницах практически всех эмигрантских периодических изданий антикоммунистической направленности. Именно такова должна была быть, например, главная задача Русского зарубежья, по мнению еженедельника «За Правду». Именно «защите поруганных прав русского народа и всех иных народов, населяющих Россию, перед мировым общественным мнением и иностранными правительствами»[2] редакция данного издания уделяла особое внимание.

Именно поэтому негативную реакцию вызывали у редакции еженедельника заявления отдельных эмигрантских политических деятелей (например, из Лиги борьбы за народную свободу), содержавшие резкие критические оценки прошлого России. Они никак не могли согласиться с тем, что Россия – это «кровавая Империя с гнусной властью, литературой и наукой». В таком случае, указывало издание А.В. Ставровского, возникал вопрос: «Если все прошлое России – тьма, если настоящее ее еще хуже и если на фоне всего этого мрака существует только одна светлая точка – время правления А. Керенского, то на что же можно рассчитывать в будущем? Не проще ли раз навсегда сжечь атомными и водородными бомбами эту «наглую на язык Россию»?»[3].

Именно поэтому такие противоречивые чувства испытывали русские эмигранты в Аргентине, когда, казалось,

---

[1] См.: Былое и Новое. – Буэнос-Айрес, 1954. – № 1. – С. 7; Былое и Грядущее. – Буэнос-Айрес, 1960. – № 1. – С. 1.

[2] См.: Возможно ли единство эмиграции? // За Правду. – 1949. – № 38. – С. 1.

[3] Хулители России // За Правду. – 1950. – № 70. – С. 1.

что в Корее в 1950 г. началась Третья мировая война. Еженедельник «За Правду» наиболее обстоятельно проанализировал подобные настроения проживавших в стране эмигрантов: «Порабощение сильным слабого, борьба за власть и могущество, национальное, классовое или личное угнетение бессильного – все это по самому своему существу зло, результат искажения человеческой природы, а через нее и природы всего мира. Поэтому такое явление, как война, никогда не сможет быть принято христианским сознанием как явление нормальное, естественное и, тем более, совершенное»[1]. При этом подчеркивалось, что Церковь может и благословить воинов на бой, когда речь идет о защите Родины или всего человечества от порабощения и гибели. Поэтому, заявляли они, «христиане, вызванные на вооруженную борьбу с красными полчищами, стремящимися поработить себе весь мир и уничтожить по всей земле, прежде всего, христианскую Веру и Церковь, безусловно, обязаны встать на вооруженную защиту и с крестом в сердце и мечом в руках, главное же, с твердой верою во всесильную помощь Божию, выступить в рядах защитников Правды»[2].

Однако редакция еженедельника «За Правду» очень хорошо понимала и то обстоятельство, что вдвойне труднее было определить свою позицию в условиях войны в Корее русским эмигрантам-патриотам. Выступая против коммунистического режима, они продолжали любить Россию и переживать за ее судьбу. «У очень многих русских людей, – осознавали эмигранты, – судорожно забьется сердце, смутится и сотрясется все русское существо, когда над несчастной Россией начнут рваться атомные бомбы»[3].

Все это закономерно выводило редакторов издания на более глобальную проблему: как может сочетаться у христианина ненависть к Злу с теми принципами, которые про-

[1] В Корее началась война // За Правду. – 1950. – № 72. – С. 1.
[2] Там же.
[3] Там же.

поведовал в Евангелии Христос? Выступивший на страницах еженедельника «За Правду» отец Филипп не смог встать на сторону И.Л. Солоневича в его споре с русскими демократами, объединившимися вокруг «Сеятеля». Он полагал, что та проповедь культа силы, которую вели И.Л. Солоневич, Б.А. Хольмстон-Смысловский и другие политики из правой эмиграции, все-таки не вполне корректна с точки зрения христианства. Это не означает, указывал отец Филипп, что верующий христианин не может эффективно бороться против Зла: напротив, «из всех борцов он будет самым лучшим и опасным для противника, ибо он знает, в Чье имя и с Чьей помощью он восстает против зла». При этом священнослужитель замечал, что твердость убеждений христианина, сила характера и «самая умеренность в борьбе достигнут лучших и более прочных результатов, чем животная страсть тех, кто признает только закон виселицы»[1].

Все это приводило отца Филиппа к выводу о том, что победа в борьбе с «новым варварством» (коммунистическими силами) была возможна только при наличии не только «мощной силы», но и «крепкой веры в святой образ жизни». «Но существует ли такая вера в рядах христиан? Существует ли она в Западной Европе и в Америке? Существует ли она в русской зарубежной эмиграции?» – задавал риторические вопросы отец Филипп. Единственное, на что он надеялся, что эта вера существует в России, среди последователей «катакомбной церкви»[2]. В этом, по его мнению, была единственная надежда приверженцев идеи русского христианского возрождения.

Эти вопросы были центральными и в публикациях ежемесячника «Былое и Новое», который выходил в Буэнос-Айресе с 1954 г. и был связан с военной эмиграцией (ее лидер – С.Д. Гегелашвили). Издатели также заявляли,

---

[1] *Филипп, отец.* Проповедь и насилие // За Правду. – 1950. – № 72. – С. 3.

[2] Там же.

что их цель – «защитить честь нашей родины от ее хулителей – коммунистов, сепаратистов, а также иноземных шовинистов, унаследовавших от многих политиков прежних времен страх перед Россией». Было очень важным, как считали они «поддерживать в слабеющих духом соотечественниках жертвенную любовь к России» [1].

Эта часть эмиграции была убеждена, что необходимо защищать Россию от всех нападок. «Многие считают Россию империалистическим хищником, а между тем хищниками являются как раз те, кто Россию обзывают хищником»[2], – этот тезис был ключевым для значительной части представителей Русского зарубежья. Автор этих строк, Е.Э. Месснер, опровергая все обвинения в адрес России как «олицетворения насилия над подвластными народами»[3], доказывал, что в реальности все это было характерно как раз для политики стран Запада. «Россия распространялась по плану государственной необходимости. Империализм других государств руководился не необходимостью, а страстью к приобретению, к наживе»[4], – заявлял Е.Э. Месснер. При этом он, как и другие политики Русского зарубежья, очень четко противопоставлял внешнюю политику России и СССР, доказывая, что последний являлся «бесчестным маклером», который «смешивал карты дипломатического покера»[5]. Поэтому достичь каких-либо прочных соглашений с Советским Союзом, по его мнению, было невозможно.

Уже в первые послевоенные годы эта часть эмиграции фиксировала падение нравственности в современном запад-

---

[1] От редакции // Былое и Новое. – 1954. – № 1. – С. 2.

[2] *Месснер Е.* Империализм России // Былое и Новое. – 1954. – № 1. – С. 9.

[3] Там же. – С. 11.

[4] *Месснер Е.* Империализм России // Былое и Новое. – 1954. – № 2. – С. 6.

[5] *С.М.Е.* [*Месснер Е.*]. Конгресс без России // Былое и Новое. – 1954. – № 1. – С. 12–13.

ном обществе по причине того, что «глубоко засела в сердцах людей сила Сатаны, стремящаяся окончательно вытравить из них все чистое, возвышенное и духовно-прекрасное». Постоянная борьба за существование под «ужасным моральным гнетом», характерная для стран Запада, вела к «очерствению» человека[1]. Именно это и привело к тому, что цивилизация Запада оказалась в глубоком духовном кризисе.

Именно так – «Мировой кризис» – называлась передовица одного из номеров журнала «Православное слово» в 1952 г. В ней была представлена попытка дать общий анализ той ситуации, в которой оказалось человечество к середине XX в. Главной причиной кризиса современного мира руководство Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей считало то, что «идеалы, которым служило человечество последние века, потерпели полный крах»[2]. «Человечество восстало против обязательно нравственного закона, данного нам в Божественном откровении, – подчеркивалось на страницах издания. – Мало того, человечество пыталось устранить Бога… Это никогда не удавалось со времен Вавилонской башни»[3].

Эта ситуация еще более усиливала среди части эмиграции желание идентифицировать себя с исторической Россией, подчеркивая, что были те времена, «когда любить Россию – это значило быть реакционером, ибо каждый «умник» должен был быть западником и, презирая русскую чистую рубашку, восторгаться грязным европейским смокингом»[4]. Вспоминая об этом, эта часть эмиграции еще более горячо отстаивала идею национальной России и ее государственности.

В кругах правой эмиграции, особенно среди ее военных группировок, была популярна и идея о том, что «кризис де-

---

[1] Суворовец. – 1950, 6 января.
[2] Мировой кризис // Православное слово. – 1952. – № 16. – С. 1.
[3] Там же. – С. 2.
[4] Суворовец. – 1950, 6 января.

мократии» был во многом связан с гипертрофированной ролью общечеловеческих ценностей в сознании европейских и американских интеллектуалов, распространением концепции ненасилия в странах Запада. В результате этого коммунистический вариант тоталитаризма, игнорировавший эти принципы, имел, по их мнению, значительно больше шансов на победу в противостоянии Востока и Запада.

Отдельные деятели правой эмиграции в новых условиях вновь вспоминали о масонстве как «мировой закулисе», виновной в духовном кризисе Западе. Именно эти идеи были, пожалуй, центральными для журнала «Былое и Грядущее», издание которого началось в Буэнос-Айресе в 1960 г. Его редактором-издателем был М. Тамарцев, но ведущим публицистом являлся Б. Башилов. На страницах данного издания доказывалось, что «родословную» большевиков следует вести от мирового масонства, которое является «слугами Люцифера»[1]. «Первосвященником» мирового масонства журнал называл А. Пайка – современника Ф.М. Достоевского, стремившегося к разрушению России как «крупнейшей христианской державы»[2]. По мнению авторов «Былого и Грядущего», роман великого русского писателя «Бесы» был пророческим предостережением, которое не услышало русское общество[3].

По мнению публицистов данного издания, в середине XX в. можно было сказать, что «план» А. Пайка «накануне выполнения»: «Христианство Западного мира, пугаемое судьбой религии в СССР, с каждым днем сдает свои позиции, выделяет из своей среды все большее число предателей Христа»[4].

---

[1] О «фантастичности» замыслов тайных сил… // Былое и Грядущее. – 1960. – № 2. – С. 4.

[2] *В. П…ч.* «Фантастический» план А. Пайка накануне завершения // Былое и Грядущее. – 1960. – № 3. – С. 41.

[3] *Иванов В.В.* «Фантастический» план Пайка // Былое и Грядущее. – 1960. – № 2. – С. 4–16.

[4] *В. П…ч.* «Фантастический» план А. Пайка накануне завершения // Былое и Грядущее. – 1960. – № 3. – С. 43.

Об отходе Западного мира от подлинного христианства уже в середине XX в. писали многие эмигрантские издания Аргентины. Закономерно, что этому процессу большое внимание уделяла редакция «Православного слова»: «В переживаемое нами время стираются грани между добром и злом, слова теряют свою сущность, примелькались образы и человечество, в поисках новых идей, ввело в жизнь, под личиной правды, новые лживые понятия. И хотя истины Христианства еще до сих пор произносятся устами, но их не слушает сердце и им не повинуются руки»[1].

Эти тенденции в развитии современного мира, по мнению руководства Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей, отражались не только на сознании людей и человеческих взаимоотношениях: они влияли и на политические процессы в мире. В результате, подписываемые государствами договоры, писало «Православное слово», стали «пронизаны ложью», международные отношения в целом погрузились в атмосферу «недоверия и злобы»[2].

Таким образом, приверженность традициям имперской России сочеталась у этой части эмигрантов с отрицательным отношением к модели западной демократии и эсхатологическими настроениями. По их мнению, духовный кризис Западного мира приобретал характер катастрофы, которая имела поистине вселенские масштабы. С этим находящимся, по их мнению, на грани гибели Западным миром старые эмигранты не хотели себя отождествлять; спасительным кругом для них становилось обращение к прошлому России.

Негативно воспринимала российская правая эмиграция новые направления в молодежной культуре стран Запада, которые стали появляться в 1960-е гг. Резкая критика звуча-

---

[1] Православное слово. – 1952. – № 15. – С. 2.
[2] Там же.

ла, в частности, в адрес «битников», возникновение которых свидетельствовало, по мнению прессы этого направления, о «распущенности» молодежи. В качестве альтернативы «битникам» выступала русская молодежь, прошедшая через эмигрантские организации («соколы», «витязи» и т.д.). Именно на эту аудиторию были рассчитаны призывы старшего поколения вести активную борьбу против «длинноволосых»[1].

Однако отметим, что и среди правых эмигрантов были те, кто не был склонен к упрощению ситуации. Они сетовали на господство левых идеологических концепций в молодежной среде: «Настолько левые завладели молодежью, что теперь принято считать все молодое, передовое – левым, всякую отсталость – правым». «Попавшаяся» под влияние левых молодежь, отмечали правые русские эмигранты в Аргентине, «издевается над церковью и над всем святым и тянет за собой ту молодежь, которой безразлично идти ли за или против Креста, лишь бы была возможность безнаказанно буйствовать»[2].

С другой стороны, среди правой части эмиграции были и те, кто понимали, что «конфликт отцов и детей» не должен заслонять собой главной для них задачи антикоммунистической борьбы. «Бороться надо с корнем зла, а не с отростками, – указывали они. – Коммунизм только и ждет, чтоб молодежь была преследуема, чтобы ее еще больше возбуждать. Оттого, что ребята отпустят себе бороду и длинные волосы – никому убытка не будет (конечно, кроме парикмахера). Но что в самом деле страшно – это то, чтобы коммунизм не поработил бы современную молодежь, и чтобы под влиянием этих зол она не кричала о своей независимости, борясь против той самой свободы, к которой она же стремится»[3].

[1] См.: Помни Россию! – Буэнос-Айрес, 1966. – № 1. – С. 15.
[2] Помни Россию! – 1967. – № 2. – С. 14.
[3] Там же.

Важно было, чтобы эмигрантская молодежь руководствовалась в своей жизни христианскими идеалами. Православное мировоззрение должно было стать неотъемлемой частью ее духовной жизни. Молодежи надо было разъяснять, что только на путях следования учению Христа можно было добиться победы идеала Правды на Руси[1].

Близкие к руководству Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей публицисты полагали, что «борьбу духа против зла» под знаменем идей Христа должны были возглавить «легионы белых воинов». «И не предназначено ли наше русское рассеяние именно для такой борьбы? – задавали вопрос авторы журнала «Православное слово». – Не можем ли мы, в нашем несчастии развеянные по всей вселенной, стать той закваской, которой предопределено поднять это движение? Ведь мы разъединены лишь телесно, но общая вера и общий дух нас связывают вместе»[2]. Залогом того, что данную миссию были способны выполнить именно русские люди, являлось сохранение в среде Русского зарубежья «принципов христианского мира», включая «отказ от эгоизма и служение высшим идеалам»[3].

Негативные оценки духовной атмосферы в странах Запада высказывали также иерархи Русской православной церкви в Аргентине, отмечая, что реально западный мир давно уже отошел от декларируемых им христианских идеалов: «Наш современный т.н. христианский мир всех исповеданий давно лишил себя пасхальной радости своим недостойным поведением. Этот мир променял Божественный Свет Воскресшего Христа на дымный смрад века сего и погубил свою христианскую чистоту. В дымном смраде, как в угаре, опьяняющем и одурманивающем, завертелись молодые юноши и девушки христианские, да и их незадачли-

---

[1] *Семенов Г.* Православие и наша молодежь // Православное слово. – Буэнос-Айрес, 1952. – № 15. – С. 7.

[2] Православное слово. – 1952. – № 15. – С. 3.

[3] Душа народа // Православное слово. – 1952. – № 17. – С. 2.

вые родители. В этом угаре они нашли «князя мира сего» – диавола, который ведет их за собою в ад. «Злым злое». Злые получают возмездие свое, праведники же получат награду от Христа Спасителя»[1].

Обращалось внимание и на то, что зачастую в западных странах исчезал христианский смысл праздника Рождества Христова. Глава Русской православной церкви заграницей архиепископ Афанасий, обращаясь в 1973 г. с Рождественским приветствием к верующим, указывал: «Современное христианское общество, отрекшееся от Христа и Его Церкви, устраивает свою земную жизнь без Него и Его Божественных законов. В этом обществе вырастает новое молодое поколение без Христа, духовно и религиозно опустошенное… Западный Христианский мир изгнал Христа из своей личной, семейной и общественной жизни… Празднование Рождества Христова совершается без упоминания о Христе. Имя Христа заменено «навидад», «кристмас» и т.д. На первый план этого празднования выдвинули бравого румяного старика с белой бородой, раздающего детям подарки. Дети не знают, почему они получают в это время подарки. О Рождестве Христа им не говорят»[2].

Прибытие в страны Латинской Америки второй волны эмиграции не могло не оказать влияние на ситуацию внутри местных православных приходов. Главой Аргентинской епархии Русской православной церкви заграницей в 1950-е гг. был архиепископ Иоасаф, который после Крымской катастрофы оказался в Югославии, в течение пяти лет был законоучителем в кадетском корпусе. С 1930 г. в сане епископа занимался организацией Монреальской епархии в Канаде, а в 1951 г. стал Архиепископом Буэнос-Айресским и Аргентинским[3].

---

[1] См.: *Афанасий, архиепископ*. Пасхальное приветствие // Русская газета. – Буэнос-Айрес, 1973. – № 106. – С. 1.

[2] *Афанасий, архиепископ*. Рождественское приветствие // Русская газета. – 1973. – № 111. – С. 1.

[3] См.: 40-летний юбилей // Православное слово. – 1952. – № 18. – С. 1–2.

Архиепископу Иоасафу досталось нелегкое наследство, связанное с внутрицерковными конфликтами в Аргентине второй половины 1940-х гг. Как уже отмечалось, главная заслуга в основании приходов русской православной церкви в Аргентине принадлежала отцу Константину Изразцову, которой стоял во главе Ассоциация православных приходов и являлся распорядителем ее материальных средств. И когда Синод Русской православной зарубежной церкви (РПЦЗ) назначил в Аргентину архиепископа Пантелеймона с указанием о передаче ему всей собственности Ассоциации. Вскоре начались церковные неурядицы. «Видя создавшуюся обстановку, о. Константин Изразцов вышел из юрисдикции Зарубежной Церкви и подал прошение о приеме своей церковной организации в Северо-Американскую митрополию, возглавляемую в то время митрополитом Леонтием, в свое время заслуженным американским протоиереем. Митрополит Леонтий охотно и радостно принял в свою юрисдикцию изразцовскую Ассоциацию»[1].

В результате храмы, принадлежавшие изразцовской Ассоциации, перешли в юрисдикцию Северо-Американской митрополии, постепенно готовившейся стать Автокефальной Американской Церковью. Началось ожесточенная противостояние, которое принесло, немало бед прихожанам.

Заметим, что иначе описывали все эти события представители правой эмиграции, группировавшиеся вокруг В.В. Шапкина. По их мнению, основная часть вины за церковный раскол в Аргентине ложилась на окружение престарелого отца Константина, которое фактически управляло приходами вместо «слепого, разбитого ударом, потерявшего чувство реальности и уже не вполне ответственного за свои поступки» иерарха[2]. На страницах редактировавшегося

---

[1] *Константинов Д., протоиерей.* Через туннель XX столетия. – С. 363–364.

[2] *Крачковский П.* Трагедия русской церкви // Вестник. – 1948, 7 февраля.

В.В. Шапкиным «Вестника» было опубликовано открытое письмо М.И. Жердева К.Г. Изразцову с протестом против выхода из юрисдикции Архиерейского Синода Русской Православной церкви заграницей. В нем решительно заявлялось: «Церковь была и есть верна своему Верховному духовному пастырю Владыке Анастасию, а Вы раскалываете нас помимо нашей воли, а потому считаю: Вы превысили права настоятеля прихода, присвоив нашу совесть и тем нарушили наше святое святых, за свободу каковой, а не за землю, а не за фабрики мы боролись у нас на Родине!»[1]. Открытые письма в поддержку этой позиции на страницах «Вестника» подписали и многие другие русские эмигранты.

После того, как отец К. Изразцов объявил о своем выходе (и вместе с этим – всего Свято-Троицкого прихода) из юрисдикции Синода Русской православной церкви за границей и подчинении Американской митрополии, другие приходы остались верны Аргентинской епархии РПЦ. Как указывает М.Н. Мосейкина, «в этом противостоянии о. К. Изразцов опирался на поддержку примата Аргентины кардинала Капелло. В свою очередь, Министерство иностранных дел и культа своим декретом от 16 июля 1948 г. еще раз подтвердило факт признания о. К. Изразцова главой РПЦ в Аргентине»[2].

Вся эта ситуация крайне осложняла жизнь русских православных людей в странах Латинской Америки в 1940–1950-е гг. Были в Аргентине и старообрядцы: по словам одного из их единоверцев, осевшего в штате Орегон (США), и он сам в 1950-е гг. хотел уехать в Аргентину, но «оттэль пришел отказ»: «Мы опять остались в Бразилии, а Шарыпов, три семьи их, поехали в Аргентину. Сколько-то еще и

[1] *Жердев М.И.* Открытое письмо отцу протопресвитеру Константину // Вестник. – 1948? 7 февраля.

[2] *Мосейкина М.Н.* Русская православная церковь в Латинской Америке в 1920–1940-е гг.: проблемы межконфессионального диалога // Нансеновские чтения – 2007. – СПб, 2008. – С. 245.

сейчас осталось в Аргентине, но где там живут, не знаю»[1]. Впрочем, число старообрядцев в Аргентине все же было невелико. Еще один мемуарист из Орегона М. Зенюхин вспоминал: «Десять лет в Аргентине прожили. В провинции Рио Негро. Сперва пять семей заехало. В 1963 г. еще семей двадцать. Чем занимались? Помидоры садили. А в 1971 г. в Вудбурн переехали»[2].

В Аргентине русским эмигрантам приходилось встречаться с активной миссионерской деятельностью со стороны представителей разных христианских конфессий. Особой группой были русские протестанты. В Аргентине действовал Союз славянских церквей Евангельских христиан и баптистов Евангельско-баптистской конвенции. С 1950 г. он издавал в Буэнос-Айресе журнал «Благовестник», редактором которого был А. Собичевский. Представители данного издания жили также в Бразилии, Канаде, Австралии, Бельгии, Франции. Евангельские христиане-баптисты Аргентины проводили свои съезды. Очередной ежегодный съезд славянских церквей прошел в 1954 г. в провинции Мендоза с участием 50 делегатов из разных районов страны[3].

Большинство членов этих религиозных общин были представителями трудовой эмиграции, выходцами из крестьянской среды, покинувшими Российскую империю или украинские и белорусские районы Польши 1920–1930-х гг. Отличительной особенностью было их особое духовное состояние, связанное с ожиданием прихода Спасителя. Об этом ярко писала, например, Е. Качинская в опубликованной в «Благовестнике» статье под характерным названием «Крик Тревоги». Она отмечала: «Часто слышишь замечания: «Наш век передовой, мы живем в эпоху открытий, изо-

---

[1] *Аргудяева В.В., Хисамутдинов А.А.* Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. – Владивосток: Дальнаука, 2013. – С. 261.

[2] Там же. – С. 267.

[3] *Ювко И.* Годовой съезд славянских церквей // Благовестник. – Буэнос-Айрес. – 1954. – № 3. – С. 13.

бретений, все совершенствуется, а потому, к чему все эти разговоры об опасении будущего?!». Перед последней мировой войной, опытные, понимающие люди предупреждали о грядущих военных событиях, но никто не обратил на это внимание, результатом чего явилась гибель миллиона молодых жизней, ибо вспыхнула война и обрушилась на неприготовленные народы, они не предпринимали надлежащих мер против надвигающейся опасности, предпочли закрыть уши, глаза и жить в полной беспечности, и сейчас, дорогие читатели, идет повторение той же истории»[1]. Е. Качинская предостерегала тех, кто продолжал «отвергать Христа»: «Сегодня более, чем когда-либо, сатана работает среди человечества, стараясь ослепить и мужчин, и женщин»[2]. Она указывала, что в этих условиях единственным путем спасения являлся приход ко Христу, под которым Е. Качинская имела в виду, конечно, вступление в ряды евангельских христиан-баптистов.

Единоверцы Е. Качинской радовались, когда их ряды ширились в результате прихода эмигрантской молодежи. Такого рода случаи были. В. Борушко, например, с особым ликованием воспринял создание в 1954 г. при церкви Маргариты кружка молодежи. Описывая первое собрание этого кружка, в котором молодежь «энергично участвовала пением, декламацией» и т.д., он отмечал ту «великую радость», которая была на лицах старшего поколения баптистов, присутствовавших на данном мероприятии[3].

Русская эмиграция вынуждена была реагировать и на активность католических проповедников. Так, в 1970 г. И.Н. Андрушкевич выступал в Буэнос-Айресе со специальным докладом «Православие и католицизм», в котором доказывал, что основное различие между этими двумя тече-

---

[1] *Качинская Е*. Крик Тревоги // Благовестник. – 1954. – № 3. – С. 2.
[2] Там же. – С. 3.
[3] *Борушко В*. Среди молодежи // Благовестник. – 1954. – № 3. – С. 12.

ниями коренилось не в догматах и обрядах, а в «духовном подходе»[1].

Особенно интересен, на наш взгляд, был проект делегации иезуитов «Руссикум» во главе с Филиппом до Режисом. Они создали «орган Русского христианского возрождения» еженедельник «За Правду», выходивший с 1948 г. Главным редактором издания был А.В. Ставровский, ранее живший в Литве. Как отмечает И.Н. Андрушкевич, еженедельник печатался в небольшой типографии, которая принадлежала организации Ф. де Режиса[2].

А.В. Ставровский и его соратники доказывали, что именно поиски Правды всегда были характерны для русского народа, начиная с самых первых времен его истории. Эта Правда подразумевала собой, указывали они, не только социальную справедливость, но и «общечеловеческое, политическое, экономическое и идейное устроение мира»[3]. По мнению редакции издания, именно эту особенность русского национального характера умело использовали большевики. Однако к концу 1940-х гг., доказывали А.В. Ставровский и его единомышленники (и в этом они были едины с большинством представителей русской антикоммунистической эмиграции), русский народ уже «изжил коммунистическую отраву» и ждал «избавления от владычества компартии»[4]. Этому процессу и собирался содействовать еженедельник «За Правду». Для этого, полагали они, необходимо было выдвинуть альтернативную большевистской Правду – вселенскую идеологию, которая могла бы стать проектом духовного возрождения для всего мира. По их мнению, таким проектом могло стать только христианство. Они были убеждены, что «все несчастия и нашего русского народа, и

---

[1] Наша страна. – 1970, 1 сентября.

[2] См.: *Андрушкевич И.Н.* Во вторичной послевоенной эмиграции… – С. 204.

[3] См.: Христианская Правда // За Правду. – 1948. – № 1. – С. 4.

[4] Там же.

всего человечества происходят, в первую очередь, от забвения всеми нами того, что мы является носителями имени Христова»[1].

При этом решительно осуждалось разделение христианского мира, которое только ослабляло его. «Христианское общество, разделенное веками конфессиональной вражды, является прекрасной мишенью для врагов христианства»[2], – указывали они, выступая против всякой «вражды» между православными и католиками.

Ф. де Режис и его соратники осознавали тот факт, что в условиях наличия оружия массового уничтожения необходимо было достичь мира во всем мире. Однако, по их мнению, все попытки достичь этого оказывались безуспешными вследствие отсутствия желания у части политической элиты (прежде всего, у руководства СССР). «Может ли родить мир злоба Вышинского или преднамеренная грубость Молотова? – заявляли они. – Для установления мира во всем мире надо наличие действительного желания руководителей международной политики создать мир. Надо им волю к миру иметь»[3].

Церковь была одним из важнейших институтов, которые должны были противостоять ассимиляции, полному растворению эмигрантов в аргентинском обществе. Большую роль в этом играли также славянские союзы, куда входили в основном трудовые мигранты, предпринимавшие усилия по сохранению национальной культуры. Активный участник этих организаций в Аргентине П.П. Шостаковский позднее вспоминал: «Сама жизнь, самое развитие славянского движения в тех совершенно особенных условиях, в которых оно проходило в Аргентине, ставили… целый ряд вопросов чисто материального и принципиального характе-

---

[1] Наши задачи // За Правду. – 1948. – № 1. – С. 4.
[2] Там же. – С. 5.
[3] *С. Ш.* О мире во всем мире // За Правду. – 1948. – № 2. – С. 7.

ра. Предстояло привлечь к более активной работе славянскую женщину и молодежь, то есть создать женсекцию и секцию молодежи; дать согласное направление славянской печати, имевшей теперь двенадцать органов, которые издавались на одиннадцати славянских языках; найти средства для покупки собственной типографии; добиться разрешения на «славянский час» в радио и т.д. Самым срочным и трудным был вопрос славянской молодежи, которая проходила аргентинскую школу и фактически не знала своих родных языков. Между собой говорили по-испански и дома на испанизированном родном языке. «Клавируй гвоздь в пареду…». Это обозначало: «Забей гвоздь в стену…» Матери, много лет прожившие в аргентинской среде, не всегда обращали на это должное внимание. К славянским женщинам обращались мы со своими сотрудниками при каждой возможности, на каждом собрании или празднике. Призывали их говорить со своими детьми на родном языке и посылать на уроки, которые организовывались во всех клубах»[1].

Прибывавшие в Аргентину во второй половине 1940-х гг. русские люди прежде всего сталкивались с необходимостью поиска средств к существованию. Однако в тех случаях, когда вопросы физического выживания удавалось решить, вставала проблема проведения досуга, удовлетворения культурных потребностей, которые у интеллигентной части эмигрантов были разнообразными. В этих условиях группа профессоров во главе с физиологом Б.Н. Компанейским вышла с предложением организовать в Буэнос-Айресе научно-популярные лекции – «своего рода русский народный университет». Как известно, подобные проекты оказывались успешны в ведущих центрах Русского зарубежья в межвоенный период – в Праге, Харбине, Париже и т.д. Цель, которую ставили Б.Н. Компанейский и его коллеги –

---

[1] *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – С. 349.

«хоть до некоторой степени удовлетворить культурные запросы русских эмигрантов, проживающих в столице»[1].

В Буэнос-Айресе появились новые русские клубы, начали организовываться творческие коллективы, например, хор артистов под управлением Д. Авраменко (в программе которого были духовная музыка и народные песни), спортивный клуб «Спарта» и др.

Лидеры антикоммунистической части эмиграции также стремились бороться против ассимиляции молодого поколения. Неслучайно, Комитет российской колонии в Аргентине в 1949 г. планировал организацию регулярных публичных докладов на русском языке, «касающихся прошлого Российской империи, ее географии, бытовых особенностей, фольклора и т.п.». За работу с молодежью в комитете отвечали Н.М. Седляревич, В.В. Бальцар, К. Ф. Рейнгард[2].

Среди молодежных объединений, которым старая эмиграция традиционно уделяла большое внимание, была Национальная организация русских разведчиков (НОРР). Как отмечал А.В. Окороков, «первостепенной задачей НОРР являлось сохранение русской молодежи в денационализации. Велась борьба за души русской молодежи, за то, чтобы они не растворились в окружающей среде, сохранили и развили чувство принадлежности к великому русскому народу»[3]. Прибытие большого количества эмигрантов из Европы привело и к возникновению в Буэнос-Айресе Организации российских юных разведчиков (ОРЮР). Ее лидером был Г.Л. Лукин, который вместе со своей супругой организовывали летние молодежные лагеря вблизи озера Часкомукс, в 100 км от столицы Аргентины.

---

[1] См.: Призыв к русской профессуре // За Правду. – 1948. – № 2. – С. 8.

[2] См.: Наши задачи // За Правду. – 1949. – № 38. – С. 4.

[3] *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции… – С. 44.

Школы для русских детей, где они знакомились с языком и культурой родины их предков, получали основы православного воспитания, возникали обычно при храмах. После войны эта традиция продолжилась. Школы существовали в русском поселке в Кильмесе, в г. Темперлей[1]. Кроме них, известны школы при организациях Русских витязей (глава – граф А. Уваров) и ОРЮР (глава – В.Г. Петровский)[2]. К концу 1950-х гг. в указанных выше четырех русских школах обучалось около 140 детей. «Где же другие дети? – задавали вопрос обеспокоенные этой ситуацией деятели белой эмиграции. – Ведь в Буэнос-Айресе их насчитывается более 800!»[3]. По этому поводу журнал «Кадетское письмо» буквально взывал к русским эмигрантам, призывая их записывать своих детей в эти школы: «Во имя Вашего чувства национальной гордости подумайте сейчас о Ваших детях, сделайте необходимое усилие – в будущем дети будут благодарны Вам. Исполните долг перед Родиной и своими детьми!»[4]. Таким образом, уже в 1950-е гг. проблема ассимиляции молодого поколения русских в Аргентине стояла достаточно остро.

Как выглядели русские школы в Аргентине? И.Н. Андрушкевич вспоминает, что школа при ОРЮР возникла в пригороде Буэнос-Айреса Оливос, где на предоставленном «русским швейцарцем» Мензингером участке молодежь стала строить временные бараки. Занятия шли по субботам, главными предметами были Закон Божий, русский язык и литература, русская история и география, родиноведение, русская музыка и русские танцы. При школе функционировал Русский театр для детей, где в основном ставились русские сказки[5]. Так, в ноябре 1959 г. он поставил «Царевну-лягушку», при этом главным режиссером спектакля выступил

[1] Жизнь церкви // Православное слово. – 1952. – № 15. – С. 15.
[2] Русским родителям // Кадетское письмо. – 1958. – № 13. – С. 18.
[3] Там же.
[4] Там же. – С. 19.
[5] *Андрушкевич И.Н.* Во вторичной послевоенной эмиграции. – С. 227.

Г.Л. Лукин. Конечно, для постановки неслучайно была выбрана русская классика: афиши спектакля содержали призыв «Боритесь с денационализацией Ваших детей!»[1].

Целям борьбы с этим явлением служило и открытие в 1952 г. при кафедральном храме Воскресения Христова в Буэнос-Айресе библиотеки для детей и юношества. Этот проект был организован Советом российской колонии в Аргентине, а непосредственно за его осуществление взялась Н.И. Эйсмонт, «неутомимая труженица в области национального воспитания наших детей», как ее характеризовала эмигрантская пресса[2].

2.3. Военные и политические объединения русской эмиграции

Офицеры занимали особое место в жизни Русского зарубежья. До Второй мировой войны Аргентина не была столь значимым центром русской военной эмиграции, но появление во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. в стране большого числа «старых эмигрантов», приехавших из Европы, привело к тому, что здесь возникли представительства различных объединений офицеров Русской императорской и Белой армии. По подсчетам И.Н. Андрушкевича, после войны в Аргентину переселилось несколько сотен военных чинов Русской и Белой армий. Среди них было 8 генералов, несколько десятков полковников, около 20 пажей Его Императорского Величества, около 40 Георгиевских Кавалеров, более 20 офицеров Русского Императорского Флота и около 250 кадет Императорских и Зарубежных Кадетских корпусов[3].

---

[1] Русская мысль. – Париж, 1959, 3 декабря.

[2] В Аргентинской епархии // Православное слово. – 1952. – № 14. – С. 14.

[3] *Андрушкевич И.Н.* Русская Белая эмиграция // Русские воины в Аргентине / авт.-сост. М. А. Кублицкая. – Ч. I: Кадеты. – С. 21–24.

В Аргентину перебралась семья бывшего начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, основателя Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева. Так, здесь оказалась его супруга Анна Николаевна и сын, полковник Лейбгвардии Е.И.В. полка, участник Первой мировой и Гражданской войн Н.М. Алексеев[1]. В Буэнос-Айресе Н.М. Алексеев трудился простым рабочим на фабрике. Дочь М.В. Алексеева – В.М. Борель вместе с мужем, штабс-ротмистром, участником Гражданской войны, также перебралась в Аргентину.

Среди участников Гражданской войны, воевавших в составе Белых армий, в Аргентине в эти годы оказался полковник И.В. Федотов, бывший командир 17-го пехотного Архангелогородского полка, являвшийся в 1918 г. командиром отряда по охране Лиц Императорской Фамилии в Крыму; полковник Генерального штаба русской армии Ю.В. Сербин, который в годы Гражданской войны состоял начальником штаба в Первом кубанском («Ледяном») походе Добровольческой армии и др.[2] Появление этих людей в Аргентине имело большое значение для укрепления сообщества белых эмигрантов, которое И.Н. Андрушкевич характеризует как «духовную основу возрождения Российского государства», единственный «гарант» выживаемости «русской национальной идеи» и в России, и за ее пределами[3]. Верность Белой идее проявлялась в этой среде все последующие годы.

На это была нацелена коммеморативная культура Русского зарубежья. Ежегодно в годовщину взятия власти большевиками в разных странах мира проводились «Дни Непримиримости», а в день убийства царской семьи – «Дни Скорби». По воспоминаниям Т.А. Плищенко, в 1957 г. русские эмигранты в Аргентине по-своему отметили 40-ю годовщину Октября, проведя в Буэнос-Айресе выставку под

---

[1] Часовой. – Брюссель, 1960. – № 410. – С. 19.

[2] Часовой. – 1961. – № 417. – С. 17; там же. – 1960. – № 410. – С. 19.

[3] Михайлов День 1-й // Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 195.

девизом «40 лет преступлений советской власти». На открытие выставки приехали представители аргентинского правительства, дипломаты, деятели местной общественности. Представитель президента Аргентины выступил с приветствием, закончив его словами: «Боже, спаси Россию!»[1]

В Аргентине действовал Южно-Американский отдел Союза участников Кубанского генерала Корнилова похода (председатель – полковник П. Эйхенбаум)[2]. В 1950 г. возобновило свою деятельность Общество галлиполийцев – одна из наиболее известных структур Русского военного зарубежья, связанная с воспоминаниями о пребывании частей Белой армии после эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. на Галлиполийском полуострове. Центр Общества после войны переместился в США, в 1951 г. был воссоздан отдел Общества в Аргентине. В 1953 г. он был развернут Южно-Американский отдел Общества Галлиполийцев[3]. Во главе галлиполийцев в Аргентине встал участник трех войн (русско-японской, Первой мировой и Гражданской) генерал-майор В.Ф. Баумгартен, который в годы эмиграции в Югославии служил высшим архитектором в инженерно-техническом отделе Военного и Морского министерства в Белграде. Он был автором проекта и руководителем строительства здания Генерального штаба в Белграде, гонорарным архитектором в Государственном ипотечном банке в Белграде. Печатным органом Общества, связавшим между собой галлиполийцев в разных странах мира, был журнал «Перекличка», который распространялся и в Аргентине[4].

События Второй мировой войны привели к серьезным организационным изменениям в структуре Русского обще-

---

[1] Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. – М.: Русский путь, 2006. – С. 257.

[2] Часовой. – 1960. – № 410. – С. 19.

[3] Михайлов День 2-й // Журнал исторической России. – СПб: Береста, 2010. – С. 291.

[4] *Чичерюкин-Мейнгард В.Г.* Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны. – М., 2008. – С. 68–69.

воинского союза (РОВС) – ключевого объединения офицеров Белой армии, созданного еще в 1924 г. последним главнокомандующим Вооруженными силами Юга России П.Н. Врангелем. Как указывал сам генерал-майор А.М. Ионов, «с постепенным восстановлением нормального политического положения в Южной Америке и в связи с моим ходатайством перед Начальником РОВС был восстановлен Южно-Американский отдел (во главе с давнишним свои начальником Генерального штаба генерал-майором Н.Ф. Эрн)»[1]. Генерал-майор Н.Ф. Эрн с довоенных времен жил в Парагвае, но поддерживал связь с белыми офицерами, оказавшимися в Аргентине.

Руководителем чинов РОВС и Общества галлиполийцев в Аргентине после войны некоторое время был прибывший из Европы генерал В.П. Агапеев. Его сменил приехавший в Аргентину в 1948 г. вместе со своей сестрой и племянниками-галлиполийцами полковник С.Д. Гегелашвили. К весне 1945 г. он возглавлял Юго-Восточный отдел Объединения русских воинских союзов (ОРВС), существовавший в протекторате Богемия и Моравия[2]. После войны С.Д. Гегелашвили являлся старостой русского лагеря «ди-пи» в Шляйсхайме, активно препятствовал выдаче Советскому Союзу обитателей лагеря[3]. Тогда же из Европы приехал барон В.Л. фон дер Остен-Сакен-Тетенберг. Все трое – В.П. Агапеев, С.Д. Гегелашвили, В.Л. фон дер Остен-Сакен-Тетенберг на заключительном этапе войны возглавляли отделы Русского Красного Креста в оккупационной зоне

---

[1] См.: Приказ генерал-майора А.М. Ионова Северо-Американскому отделу РОВС № 2. 12 января 1950 г. // Hoover Institution Archives on War, Revolution and Peace (HIA). Aleksei P. Arkhangelskii collection. Box 1.

[2] Само создание ОРВС во главе с генералом А.А. фон Лампе произошло в начале 1939 г. путем выделения из РОВС VI отдела и придания этому отделу нового названия. См.: ГАРФ. – Ф. Р-5842. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 2.

[3] *Чичерюкин-Мейнгард В.Г.* Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны. – С. 25–27.

США на западе Германии – в лагерях для перемещенных лиц в Шляйсхайме, Киссенгене, Линде.

Как вспоминает Т.А. Плищенко, Аргентинский отдел РОВС в 1950-е гг. объединял бывших дроздовцев, корниловцев, марковцев, а также членов Союза инвалидов, Кают-кампании бывших офицеров флота, выпускников Николаевской инженерной академии[1], участники которых периодически собирались. вспоминали прошле.

В 1958 г. в Буэнос-Айресе был создан Аргентинско-русский антикоммунистический институт культуры, в должности генерального секретаря которого была графиня И.С. фон дер Пален (урожд. Лукина, больше известная под псевдонимом Ирина Астрау) – дочь генерала, переехавшая в Аргентину в 1928 г. из Праги. Вице-президентом института являлся капитан артиллерии В.М. Подкин, также проживавший в Буэнос-Айресе с 1920-х гг. и участвовавший в создании Аргентинского отделения РОВС[2]. Вся деятельность института была направлена на ведение антикоммунистической пропаганды среди аргентинцев на испанском языке. С 1961 г. институт издавал бюллетени на испанском языке.

Монархически настроенная часть русской военной эмиграции в Аргентине продолжала хранить традиции таких объединений, как Союз бывших императорских кадет, Гвардейское объединение, Союз пажей и др. К 1952 г. из 280 членов Союза пажей 24 проживали в Южной Америке, в частности, отделение Союза было и в Аргентине[3]. В Аргентине ежегодно отмечались праздники Пажеского Е.И.В. Корпуса с участием проживавших в Буэнос-Айресе пажей –

[1] Судьбы поколения 192–-1930-х годов в эмиграции. – С. 258.

[2] *Кублицкая М.А.* Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине. – URL: http://emigrantika.ru/publications/838-bookiv (дата обращения: 6.02 2022)

[3] *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). – М., 2000. – С. 73.

Н.С. Корбе, А.С. Гершельмана, С.А. Санникова, Б.В. Судравского, П.С. Дирина, И.М. Дарагана и др.[1]

Заметной структурой было Общекадетское объединение в Аргентине (председатель – М.П. Негоднов), имевшее свой журнал «Кадетское письмо», редактором которого являлся А.Г. Денисенко. Девизом издания стали слова «Рассеяны, но не расторгнуты». Денисенко решил издавать «Кадетское письмо», чтобы наладить связь между зарубежными кадетами, разбросанными после Второй мировой войны по всему миру. Он был не только издателем и редактором, но сам лично печатал и размножал издание.

В 1960–1970-е гг. российская военная эмиграция вступает в стадию «распада и угасания»[2]. Происходит сокращение численности военных объединений, закрываются военные клубы. Уже в 1960-е гг. средний возраст деятелей военной эмиграции превышал 80 лет. Однако деятельность объединений русской военной эмиграции продолжалась вплоть до конца 1980-х гг. Так, в 1973 г. в Буэнос-Айресе было отмечено 25-летие Кают-Компании офицеров Российского императорского флота в Аргентине, которую в 1948 г. основал приехавший в страну капитан 2-го ранга Н.Б. Федосеев. Создание Кают-Компании, как и многих других объединений военной эмиграции, было связано с переселением в Аргентину из Европы после Второй мировой войны большого количества русских офицеров. Поэтому неслучайно, что в 1973 г. 25-летие отмечал и Союз русских белых военных инвалидов в Аргентине, возглавляемый Н.И. Федоровым.

Старые русские офицеры продолжали бороться за сохранение памяти о Белой России и в последние годы своей жизни. Так, в 1983 г. Объединение Корниловцев в Аргенти-

---

[1] Михайлов День 2-й. – С. 294.

[2] *Ершов В.Ф.* Эволюция военной диаспоры в 1920–1970-е гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М., 2001. – С. 111.

не сообщало, что по случаю праздника Корниловской Ударной Дивизии в воскресенье 4 сентября, в день памяти Святого Лавра, в Свято-Троицком Храме Буэнос-Айреса после Божественной Литургии был организован «молебен о здравии чинов Дивизии, с поминовением всех Вождей и Корниловцев, погибших в боях, умученных богоборческой властью и на чужбине скончавшихся». Информируя об этом, руководители Объединения призывали «всех верных сынов исторической России помолиться вместе с ними»[1].

После Второй мировой войны в Аргентине оказалось также значительное число представителей эмигрантских антисоветских формирований, созданных в годы Второй мировой войны в составе германской армии или позже вошедших в ее состав. Один из них – Союз чинов Русского корпуса, в состав которого входили бывшие офицеры Белой армии и выпускники кадетских корпусов, служившие в составе Русского корпуса, созданного под командованием генерала М.Ф. Скородумова[2].

Переселение чинов Русского корпуса в Аргентину началось в 1948 г. Вот что сами корпусники писали об этом: «Первые значительные группы отправились из Мюнхена и Зальцбурга в Аргентину, наиболее близкую нам по духу страну Генерала и Евы Перон. Они образовали там Союз св. Александра Невского – небесного патрона Русского корпуса, так как в то время было опасно говорить официально о своей принадлежности к Корпусу. Деятельное участие в правлении Союза проявили полковник Бальцар и поручик Гранитов»[3].

Переселившиеся корпусники (численностью более 100 человек) вынуждены были заботиться о поиске средств к су-

---

[1] Наша страна. – Буэнос-Айрес, 1983, 3 сентября.

[2] *Волков С.В.* Русская военная эмиграция. Издательская деятельность. – М.: Пашков дом, 2008. – С. 113.

[3] Отдел хроники // Под белым крестом. – Буэнос-Айрес, 1951. – № 1. – С. 44.

ществованию, чтобы прокормить себя и свои семьи. «Все чины Корпуса на работе с утра до вечера, расстояния огромные, и потому редко видятся, встречаются по праздникам в церкви»[1], – отмечали сами переселенцы[2]. Организация имела свой журнал «Под белым крестом» (издавался с 1952 г.), на страницах которого отстаивались идеи единства России, недопущения отделения от нее каких-либо территорий после крушения большевизма. Они выступали таким образом против линии различных националистических и сепаратистских группировок, стремившихся «к подрыву устоев мощи России путем сокращения ее природных богатств, путем отрыва от нее жизненно необходимых районов»[3].

От имени чинов Русского корпуса в журнале «Под белым крестом» выражались опасения и по поводу того, что, скорее всего, борьба против большевизма будет вестись Западом «во имя сохранения собственной свободы и, очень может быть, с целью ослабления России путем дробления единства русского народа, для чего будет брошено много денег, на которые различные Грушецкие издадут горы книг, брошюр и листовок, полных самостийного бреда и ненависти к России»[4]. При этом мало кто из них верили в возможность свержения коммунистического режима в СССР изнутри, в результате народного восстания, полагая, что единственный реальный вариант – это Третья мировая война[5] и в этом случае надо было быть готовыми принять участие в формировании некоего аналога РОА. При этом они заявляли, что в будущей войне не имеют права быть просто солда-

[1] Отдел хроники // Под белым крестом. – Буэнос-Айрес, 1951. – № 1. – С. 44.

[2] По отделам Союза // Под белым крестом. – 1952. – № 2. – С. 16.

[3] Там же.

[4] Там же. – С. 2.

[5] *Бальцер В.* Вопросы дня // Под белым крестом. – 1952. – № 3. – С. 5.

тами, а обязаны быть «политическими солдатами, которые, в зависимости от обстоятельств, будут бороться с врагами своего Отечества и «штыком», и «словом»[1].

Являвшиеся непримиримыми врагами существовавшего в СССР политического строя, представители этого политического крыла выступали решительно против каких-либо соглашений стран Запада с Советским Союзом. По их мнению, такой компромисс был бы «предательством сотен миллионов людей», находившихся в «необозримых концентрационных лагерях и политических тюрьмах»[2]. Негативно относились они и к акции Американского комитета освобождения народов России, инициировавшего в начале 1950-х гг. переговоры о создании некоего «российского правительства в изгнании». Являясь носителями правой политической культуры, корпусники негативно относились к участию в этой акции старых эсеров и меньшевиков, которые «принимали непосредственное участие в разрушении России в 1917 г.», а также к ее субсидированию банками США, «в свое время помогавшими в борьбе против Царской России»[3].

В середине 1947 г. из Европы в Аргентину прибыла группа военных 1-й Русской национальной армии (РНА) (всего около 100 бывших чинов) вместе с Б.А. Хольмстон-Смысловским, который заручился поддержкой президента Аргентины Перона на переселение остатков своего подразделения в Южную Америку. Эта просьба была удовлетворена. В Аргентине он и его соратники создали Российское военно-национальное освободительное движение имени Генералиссимуса А.В. Суворова (Суворовский союз), в состав которого вошли Национальная организация русских развед-

---

[1] *Навроцкий А*. Наш путь. – С. 2.

[2] *Он же*. Путь мира не может быть путем предательства // Под белым крестом. – 1951. – № 1. – С. 8.

[3] *Бальцер В*. Вопросы дня // Под белым крестом. – 1952. – № 3. – С. 4.

чиков (НОРР), Корниловская группа РОВС и представители власовцев. Лозунгом Суворовского союза стали слова А.В. Суворова: «Мы – русские! С нами Бог!»[1].

Суворовский союз представлял собой военно-политическую организацию монархической направленности, ставившую своей целью создание Российской Освободительной народной армии (РОНА), которая с армиями других стран должна была осуществить освобождение России «от темных сил Интернационала и коммунистов».

Лидеры Суворовского союза полностью одобрили создание Западом в ходе Берлинского кризиса 1948–1949 гг. военно-политического блока НАТО. Этот шаг, с их точки зрения, в очередной раз свидетельствовал о готовящейся войне, в преддверии которой «Западный блок» проявил предусмотрительность, сформировав структуру для организации своих вооруженных сил[2]. Они полагали, что никто из ведущих европейских стран не должен был остаться в стороне от глобального противостояния. Поэтому, например, заявления французских политиков о желании их страны занять нейтральную позицию оценивались Смысловским и его соратниками крайне негативно. Подчеркивая, что Франция получала около половины всего направляемого на континент американского вооружения, деятели Суворовского союза указывали: «Естественно, что американцы начинают беспокоиться: не напрасно ли пропадут у них деньги и вооружение, посылаемые в Европу»[3]. В дни Корейской войны многим стало казаться, что Третья мировая война «приближается семимильными шагами». Неслучайно в 1950 г. целый ряд русскоязычных СМИ на Западе опубликовали статьи под заголовком «Если завтра война…».

Таким образом, эта часть русской военной эмиграции не просто была психологически готова к началу третьей

[1] Суворовец.– Буэнос-Айрес, 1948, 24 сентября.
[2] Суворовец. – 1949, 25 марта.
[3] Суворовец. – 1950, 9 июня.

мировой войны: она прямо подталкивала политические элиты стран Запада к агрессивным действиям, собираясь принять непосредственное участие в будущем глобальном военном конфликте.

И после XX съезда КПСС Смысловский продолжал заявлять о своих надеждах на возникновение нового глобального военного конфликта и нарисовал, пожалуй, наиболее масштабную картину будущего глобального военного противоборства социалистического лагеря как континентального блока и «Свободного мира», имевшего тактическое превосходство в использовании океанских и морских путей[1].

Часть прибывшей в Аргентину новой войны эмиграции составили казаки, которые входили в вооруженные формирования Германии, Японии, Италии и других стран, воевавших на фронтах Второй мировой войны. Здесь они развернули работу по воссозданию своих союзов и объединений, деятельность которых также была направлена на борьбу с коммунизмом.

В числе казаков, переселившихся из Европы в Аргентину, был В.А. Харламов (в октябре 1917 г. – глава объединенного правительства «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей»; в годы Гражданской войны – председатель Донского Круга, ориентировался на генерала А.И. Деникина). В межвоенный период В.А. Харламов являлся членом Учредительного совета при русском Заграничном историческом архиве в Праге, редактировал журнал «Казачий путь», являлся представителем казачьей Исторической комиссии, издавшей трехтомную «Донскую летопись»[2]. В Аргентине он стал организатором Казачьего союза и Антикоммунистического центра в

---

[1] *Хольмстон-Смысловский Б.А.* Политические возможности третьего // Русский журнал. – Нью-Йорк, 1956. – № 1. – С. 17.

[2] *Голостенов М.Е., Федюк В.П.* Харламов // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / гл. ред. П.В. Волобуев. – М.: Большая росс.энциклопедия, 1993. – С. 333.

Буэнос-Айресе. Характерно, что свои статьи он публиковал на страницах журнала «Родина», редакция которого в начале 1950-х гг. сотрудничала со старыми лидерами русских демократов-социалистов, проживавшими в Нью-Йорке, среди которого были и соратники В.А. Харламова по Учредительному собранию. С 1948 г. атаманом Казачьего союза в Аргентине являлся сотник В.В. Обручев. Активное участие в деятельности организации принимал кубанский казак Н.М. Дмитренко, также в течение ряда лет являвшийся атаманом Союза.

В 1955 г. в Аргентину к своей семье перебрался после освобождения из советского лагеря Н.Н. Краснов-младший – внучатый племянник атамана Войска Донского П.Н. Краснова (казненного в 1947 г. за сотрудничество с Германией в годы войны), воевавший в составе немецкой дивизии «Бранденбург» на Восточном фронте и в составе Русского охранного корпуса на Балканах. Он был выдан советским властям в числе многих других офицеров Казачьего стана, но в 1955 г. был освобожден из советского лагеря, после чего смог выехать в Аргентину, где был избран атаманом Донской станицы имени П.Н. Краснова[1].

Одним из тех мест, где встречались казаки в Аргентине и где отмечали свои памятные даты, был храм Святого Иоанна Предтечи в Диаманте недалеко от Буэнос-Айреса. В дар храму они дарили иконы, совершали крестные ходы, а за трапезным столом «вспоминали свои поля и битвы, «где вместе рубились они»[2].

Таким образом, после Второй мировой войны Аргентина становится важным центром Русского военного зарубежья и местом, где нашли свой последний приют многие старые казаки. Многие из этих людей до последних лет

---

[1] *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. – М.: Вече, 2010. – С. 167–169.

[2] См.: Жизнь церкви // Православное слово. – Буэнос-Айрес, 1952. – № 18. – С. 16.

жизни участвовали в деятельности различных общественных организаций, сохраняя память о старой России и Белом движении. Они же нередко были членами и политических групп, возникших на аргентинской земле после Второй мировой войны.

В середине 1940-х гг. мир постепенно погружается в состояние нового глобального противостояния, которое получило название «холодная война». Многие антикоммунисты (в том числе из числа русских эмигрантов) с энтузиазмом восприняли те возможности, которые несла новая ситуация. Так, один из лидеров международного антикоммунистического движения Т. Обер заявлял, что отныне коммунистическая проблема окончательно стала проблемой мировой. Он предлагал, в свою очередь, и новые методы антикоммунистической пропаганды. Речь шла о том, чтобы «развеять просоветские тенденции и симпатии, порожденные военным союзом СССР с западными демократиями», распространить «доказательства тождества тоталитарных и безбожных режимов, будь то нацистского, будь то коммунистического характера», «пробудить в сознании послевоенных руководителей мировой политики осознание неизбывности коммунистической угрозы и их обязанность оградить свободный мир от этой угрозы»[1].

Благоприятно для антикоммунистов складывалась и обстановка в послевоенной Латинской Америке. «Международное антикоммунистическое движение не умерло, – подтверждал соратник Т. Обера русский эмигрант Ю.И. Лодыженский, – продолжало не только существовать, но и развиваться, как, например, в Южной Америке, под влиянием и с участием переехавших туда наших сотрудников»[2]. Противостоянию с СССР способствовала и ситуация в Аргентине,

---

[1] *Лодыженский Ю.И.* От Красного Креста к борьбе с Коммунистическим Интернационалом. – М.: Айрис-Пресс, 2007. – С. 513.

[2] Там же. – С. 509.

где антикоммунистические настроения, опасения советской угрозы охватили значительную часть политической элиты.

Однако, как указывал впоследствии вернувшийся в СССР писатель Ю.Г. Слепухин, несмотря на это, антикоммунистам из числа эмигрантов второй волны в Аргентине пришлось непросто. «Старожилы» (белоэмигранты и представители трудовой эмиграции) встретили ее враждебно, считая «кто сплошь власовцами, кто сплошь шпионами»[1]. Действительно, многие трудовые эмигранты воспринимали новых переселенцев из числа коллаборационистов как фашистов. Протоиерей Д. Константинов писал: «Встреченная особым взрывом ненависти со стороны многочисленной просоветской части многотысячной старороссийской эмиграции, она (послевоенная эмиграция. – *Авт.*) одновременно весьма холодно была принята и первой белой российской эмиграцией, за малым исключением относившейся к ней далеко не лояльно. Отчужденность, непонимание, подозрения, проявившиеся со стороны белой русской колонии в Буэнос-Айресе, сохранились в продолжении ряда лет и стали сглаживаться лишь к концу пятидесятых годов…»[2].

Общественно-политическая палитра послевоенного Русского зарубежья в Аргентине была разнообразна. Вновь прибывшие создавали в Аргентине как отделения общеэмигрантских структур, так и местные общественные организации и политические группы. Однако многие из них слабо ориентировались в специфике политической ситуации в стране, не знали о том, в каких правовых рамках должны были действовать подобные структуры в Аргентине. В 1948 г. об этом очень точно писалось в одной из русских газет: «На каждом пароходе, привезшем группу русских эмигрантов, прибывает один или несколько энергичных людей, прини-

[1] *Слепухин Ю.* Южный крест. – М., 1987. – С. 220.

[2] *Константинов Д., протоиерей.* Через туннель XX столетия. – М., 1997. – С. 422.

мающихся сразу кого-то организовывать, создавать те или иные объединения. Как ни похвально стремление устроить общественную жизнь русских в Аргентине, необходимо предостеречь вновь прибывших от неосторожных шагов, могущих не только сделать невозможной задуманную организацию, но и повлиять на положение всех русских в республике и, больше того, неблагоприятно отразиться на решении вопроса о дальнейшей иммиграции русских в Аргентину. Необходимо рекомендовать вновь прибывшим общественникам тщательно ознакомиться с местными условиями, резко отличающимися от европейских, прежде чем начинать общественное дело»[1].

Впрочем, следует учесть, что все-таки не все эмигранты, оказавшись в Аргентине, стремились заняться политикой. Многие сторонились участия в каких-либо организациях, занятые прежде всего заботами о том, чтобы выжить и прокормить свои семьи. Антикоммунистическая эмиграция пыталась бороться с подобными настроениями. Показательно, например, что в 1952 г. в журнале «Родина» была опубликована статья под характерным названием «Не будьте беженцами!», автор которой обращался к русским в Аргентине с призывом: «Не забывайте, что Вы, прежде всего, политические эмигранты, а это почетное звание ко многому обязывает»[2]. При этом отмечалось: «Мы вовсе не хотим осуждать стремление к личному благополучию. И за новую Россию мы боремся также не для того, чтобы ходить там в веригах и петь псалмы Давида…Нет! Мы за собственные дома, за театры, за веселые беседы, но…нельзя, чтобы это заслоняло от нас причину нашего нахождения в эмиграции… Подумайте, какой смысл будет в Вашем домике, если коммунизм победит и на этот раз?»[3].

---

[1] Суворовец. – 1948, 10 декабря.

[2] Не будьте беженцами! // Родина. – 1952. – № 12. – С. 12.

[3] Там же.

Представителей левых политических групп среди русских эмигрантов-антикоммунистов в Аргентине почти не было. Исключением является неонародническая группа, которая возникла вокруг существовавшего в Буэнос-Айресе издательства «Сеятель». Один из ее лидеров, Н. Чоловский, в 1949 г. написал письмо в Нью-Йорк старому лидеру партии эсеров В.М. Зензинову, в котором просил прислать в Аргентину известный труд Р.В. Иванова-Разумника «История русской общественной мысли». При этом Н. Чоловский отмечал, что эта книга особенно нужна для приехавших из СССР новых эмигрантов, которые «называют себя «народниками», но не имеют почти никакого представления о прошлом русского народничества»[1].

Сам Н. Чоловский был ярким представителем трудовой эмиграции. Выходец из Волынской губернии, бывший портной, он перебрался в Аргентину перед Первой мировой войной. Был батраком, работал на пивоваренных заводах в Лаважоле и Кильмесе, трудился на холодильном производстве в Бериссо. Имел и шоферский диплом, много лет занимался типографским производством. «Работы я не боюсь и принадлежу к трудовой семье аргентинского народа, – подчеркивал Н. Чоловский. – Я совсем не стыжусь, но, наоборот, горжусь тем, что всю свою жизнь занимался производительным трудом»[2].

Свою миссию Н. Чоловский видел в том, чтобы заниматься просвещением народа. Считая своим учителем знаменитого русского издателя Н.А. Рубакина и воспринимая себя продолжателем дела народнической интеллигенции, он заявлял: «Управлявшая старой Россией аристократия никогда не интересовалась крестьянскими детьми и не предпри-

---

[1] Н. Чоловский – В.М. Зензинову. 20.12.1949 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Vladimir M. Zenzinov papers. Box 7. Folder «Correspondence. Chronological files. July 1949–1951. A-C».

[2] *Чоловский Н.* Вынужденный ответ // Сеятель. – Буэнос-Айрес, 1963. – № 106. – С. 5.

нимала серьезных шагов, чтобы дать им образование. Поэтому у нас было 90% неграмотных. Правящий класс интересовался исключительно «подмораживанием России» и продуктами ее труда, и пользовался народом как пушечным мясом»[1].

Просветительскую деятельность Н.А. Рубакина Н. Чоловский продолжил в Аргентине. Он принимал участие в создании библиотек в Буэнос-Айресе, Лаважоле, Бериссо, Тажерес, Авеженеда. Вокруг него объединились такие же, как он, трудовые эмигранты из Российской империи, настроенные непримиримо по отношению к коммунизму. Одним из них был, например, С. Ренгач – уроженец Бессарабской губернии, приехавший в Аргентину в 1912 г. Уже в молодые годы он стал активистом Союза русских рабочих в Бериссо, трудился в созданном им кооперативе. Он пережил расправу над русскими рабочими организациями в период прихода к власти генерала Х. Урибуру в 1930 г., очень тяжело воспринял сожжение полицией 10 тыс. книг, собранных им и его товарищами в библиотеке Союза[2]. Именно такие, как С. Ренгач, люди и примыкали к русским демократическим группам Аргентины.

Н. Чоловский и его товарищи полагали, что необходимо консолидировать тех немногих из проживавших в Аргентине русских, кто был сторонниками левых политических взглядов, для того чтобы противостоять мощным группировкам правой эмиграции. Характеризуя ситуацию в стране, они писали: «В Аргентине к настоящему времени очень заметно активизировались монархисты. Они ухитряются издавать здесь 2–3 газеты; организовали несколько «русских домов»; на почве скаутизма объединили часть русской молодежи; связались крепко с церковными круга-

---

[1] *Чоловский Н.* Вынужденный ответ // Сеятель. – Буэнос-Айрес, 1963. – № 106. – С. 5.

[2] Светлой памяти Сильвесто Ренгач // Сеятель. – 1963. – № 106. – С. 27.

ми, влияющими на «паству» тоже в весьма определенном духе и т.д. Все это, естественно, не может не порождать известного общественного эффекта, выгодного им и невыгодного для нас… Рост влияния монархизма ускорил процесс и демократической консолидации, носящий еще, правда, подспудный характер: вокруг редакции «Сеятеля» начинает создаваться свой крепко спаянный костячок»[1]. В связи с этим они обращались к своим американским единомышленникам с просьбой прислать им типографское оборудование, необходимое для преобразования «Сеятеля» из журнала (который выпускался вручную благодаря энергии Н. Чоловского) в газету.

При этом Н. Чоловский и его товарищи доказывали, что русские демократы в Аргентине ориентированы на прочный союз с возникшей в 1949 г. в США Лигой борьбы за народную свободу (ЛБНС), которая ставила задачу объединить разрозненные левые силы эмиграции, привлечь в их ряды представителей второй волны эмиграции из СССР. В число лидеров Лиги вошли старые эсеры и меньшевики А.Ф. Керенский, Р.А. Абрамович, Б.И. Николаевский и др. В своих воззваниях они стремились подчеркнуть рост численности организации (создание отделов в Нью-Йорке, Брюсселе, Париже), приход в ЛБНС новых эмигрантов – бывшего советского летчика П.А. Пирогова, бывшего инженера, заключенного ГУЛАГ И.И. Некрасова и др.[2]

Связь между видным деятелем ЛБНС В.М. Зензиновым и группой «Сеятеля» была достаточно прочной. Эта группа получала 10 экземпляров «Бюллетеня Лиги борьбы за народную свободу». Старый эсер рассказывал одному из лидеров группы А.В. Игнатьеву о здоровье В.М. Чернова, отношениях эсеров с меньшевиками в Нью-Йорке и т.д. При

[1] Н. Чоловский, А.В. Игнатьев, Я. Тельнов – В.М. Зензинову. 18.09.1949 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 7. Folder «Correspondence. Chronological files. July 1949-1951. A-C».

[2] Грядущая Россия. – Нью-Йорк, 1950. – № 22. – С. 2.

этом В.М. Зензинов отмечал: «Буду рад получить от Вас письмо с описанием русской эмиграции в Аргентине и рассказом о Ваших планах и намерениях»[1].

Сближало редакцию «Сеятеля» с лидерами русских демократов, проживавшими в Нью-Йорке, и позитивное отношение к идее федерализации России. Н. Чоловский доказывал: «Для народов России федерация – единственная правильная форма государственного устройства. Только она сохранит мир и дружбу между отдельными народами и спасет многонациональное государство от распадения»[2]. При этом он ссылался на опыт Аргентины как пример успешной реализации принципов федерализма.

В отличие от многих других эмигрантских периодических изданий, печатный орган демократов «Сеятель» выпускался в течение многих лет. Его девизом были слова: «Истинный прогресс заключается в завоевании хлеба и просвещения для всех». Многолетний издатель «Сеятеля» Н. Чоловский подчеркивал, что позицию его издания можно обозначить как «народная»: «Мы верим народу, святой правде его, мы не отделяем себя от «быдла», как это делают представители некоторых бутафорских эмигрантских организаций»[3].

Демократическая линия «Сеятеля» встречала резкую критику со стороны многочисленной в Аргентине правой эмиграции, прежде всего, различных военных объединений. В 1963 г. представители РОВС, Кают-Компании офицеров Российского императорского флота, Союза первопоходников, Союза Святого Благоверного великого князя Александра Невского, Дроздовского объединения, Российского им-

[1] В.М. Зензинов – А.В. Игнатьеву. 29.01.1950 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 7. Folder «Correspondence. Chronological files. July 1949-1951. H-K».

[2] *Чоловский Н.* Вынужденный ответ // Сеятель. – 1963. – № 106. – С. 6.

[3] Там же. – С. 1.

перского союза-ордена и Корпуса императорской армии и флота даже написали совместное открытое письмо с резкой критикой линии «Сеятеля».

Любопытно, что демократизм идейно-политических установок редакции «Сеятеля» не помешал им напечатать в своем издательстве в 1961 г. знаменитые мемуары А.Г. Шкуро «Записки белого партизана», которые были переданы Н. Чоловскому вдовой военачальника, имевшего весьма неоднозначную репутацию[1].

Интересно также, что в Аргентине была также группа русских эмигрантов, читавшая издававшуюся в Нью-Йорке либерально-демократическую газету «Новое русское слово». Как показывают материалы Бахметевского архива Колумбийского университета, это были самые разные люди. Так, И.А. Лохвицкий в письме в редакцию нью-йоркской газеты в 1950 г. указывал: «От имени почти всей русской колонии в городе и провинции Мендоза приношу Вам глубокую благодарность за высылку Вашей уважаемой газеты. Я получаю только один экземпляр и с большим опозданием и нужно видеть, с какой радостью газета читается. В воскресенье после обедни в домашней церкви протоиерея Николая Смирнова, потом передается и ровно 10 дней ходит по рукам в отдаленной провинции… Колония небольшая, всего около 85 человек наших. Остальные 10–12 человек сильно правого толка, поклонники Солоневича»[2]. Совершенно очевидно, что нельзя автоматически записывать всех читателей «Нового русского слова» – рядовых русских эмигрантов – в число сторонников тех идей, которые разделяла редакция газеты.

В конце 1960-х гг. была предпринята еще одна попытка создания в Аргентине центра русской демократической

---

[1] См.: *Шкуро А.Г.* Записки белого партизана. – М., 1991. – С. 3.

[2] И.А. Лохвицкий – редакции газеты «Новое русское слово». 05.08.1950 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder «Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu.2».

эмиграции. В Буэнос-Айресе начала выходить газета «Смена», которую издавал Союз народной свободы. Редактором издания значился Ю. Псковитянин (в выходных данных газеты на испанском языке в качестве издателя фигурировал Х. Теславский); девизом стали слова «Патриоты всех стран, объединяйтесь!». Газета позиционировала себя как «орган национально-демократической мысли».

Публикации «Смены» содержали изрядную долю иронии по адресу правой эмиграции. Однако за хлесткими полемическими высказываниями газеты все-таки можно разглядеть тяготение к конституционализму и демократическим ценностям в духе Партии народной свободы. Так, скрывавшийся под псевдонимом «Псковитянин» автор «Смены» подчеркивал: «Февральскую революцию совершили не «властители дум» самой революционной интеллигенции мира, а свадебные генерал-адъютанты, развязавшие подспудные силы анархии, вызвавшие в свою очередь «бессмысленный бунт». Таборицкому надо было стрелять не в Милюкова, а (только с большей точностью) в Алексеева и не убивать (совсем напрасно) чистого совестью и духом Набокова»[1]. Заметно также то, что редакция «Смены» допускала восстановление в России монархии, но (опять же вполне в духе дореволюционной кадетской партии) этот вопрос не был для нее принципиальным. «Легитимистам следовало бы вернуться к истории, – призывали со страниц «Смены», – и осознав настоящее, устремить свои взгляды в будущее. Монархия с неба не свалится и может быть восстановлена дерзаниями великих людей и волей всего народа»[2].

Демократическое крыло эмиграции подвергалось уничтожающей критике со стороны крайне правых кругов, кото-

[1] Псковитянин. С больной на здоровую // Смена. – Буэнос-Айрес, 1969. – № 22. – С. 2.

[2] Там же.

рые до войны в Аргентине были представлены местным отделом Всероссийской фашистской партии (ВФП), существовавшим с 1934 г. во главе с В.В. Шапкиным[1]. Он являлся редактором издававшейся с 1938 г. газеты «Вестник», которая продолжала выходить и после Второй мировой войны. Девизом данного издания были слова «Бог–Нация–Труд», на его первой полосе значились лозунги «Слава России!» и «Все силы Национальной революции!». На страницах газеты В.В. Шапкин выступал с резкой критикой лидеров социалистической эмиграции в США, которые в первые послевоенные годы пытались выступать от имени всего Русского зарубежья. Редактор «Вестника» доказывал, что симпатии второй волны эмиграции были не на их стороне: «Социалисты не пользуются никаким кредитом абсолютно у русского подсоветского человека. Первый импульс нового эмигранта, это – инстинктивное отталкивание от самого слова «социализм»[2]. По мнению Шапкина, рядовая эмиграция «резко делится на два лагеря: большевиков и большевизанствующих и монархистов. Все остальное лишь – крикливые кучки, работающие по чему-то заказу и на чьи-то средства»[3]. С лидерами социалистов, полагал В.В. Шапкин, Русскому зарубежью не по пути: «Какой общий путь может быть у палача и его жертвы? Великую историческую Россию начали распинать Керенские и Абрамовичи, эти силы интернациональны и анти-национальны, а русский народ, создавший своим потом и кровью тысячелетнюю Россию, глубоко национален»[4]. Крайне правые полагали, что лидеры социалистов являются «политическими трупами», которые

---

[1] См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – СПб: СПбГУКИ, 2008. – С. 274.

[2] *Шапкин В.В.* Об объединении русской эмиграции // Вестник. – 1948, 7 февраля.

[3] Там же.

[4] Там же.

не имели никаких перспектив в будущей посткоммунистической России[1].

Важно отметить, в Аргентине после Второй мировой войны большое влияние имели правые, монархические группировки. К ним относились представители многих аристократических родов: Горчаковы, Волконские, Шаховские, Зубовы, Коновницыны, Орловы, фон Пален, Уваровы, Голицыны, Бунины, Кочубеи, Оболенские, Раевские, Долгорукие, Бенуа, Римские-Корсаковы и др. В Аргентине проживала Великая княгиня Мария Павловна-мл., которая охотно встречалась с молодежью, рассказывала о жизни в Царском Селе и в Петербурге.

После войны в страны Нового Света была перенесена деятельность Российского имперского союза (РИС). Большинство членов этой организации («имперцев», как они себя часто называли) стали проживать именно в Латинской Америке, где скрывались от выдачи СССР. Основной задачей РИС после проведенного в 1948 г. в Брюсселе Имперского съезда европейских членов организации стало восстановление структуры и привлечение в свои ряды новых сторонников и, прежде всего, из числа представителей молодого поколения первой и второй волны русской эмиграции[2]. Значительную роль в укреплении позиций РИС в Аргентине сыграл Н.И. Сахновский, под руководством которого в Южной Америке было создано Генеральное представительство этой организации. Сам Н.И. Сахновский и ряд его соратников в конце войны были заключены в бельгийскую тюрьму по обвинению в коллаборационизме, но в 1948 г. были помилованы указом принца-регента Шарля, графа Фландрии, и после освобождения эмигрировали в Аргентину, которая стала новым центром деятельности имперцев.

---

[1] *Толмазов*. «Пауки» // Вестник. – 1948, 7 февраля.

[2] История Российского Имперского Союза-Ордена: 1929–2009 гг. ГЛАВА II. Вторая Міровая война 1939–1945 гг. – URL: http://puco-sib.livejournal.com///http://puco-sib.livejournal.com/74019.html (дата обращения: 15.11.2021).

В начале 1950-х гг. в название организации официально добавилось слово «Орден», и она стала называться Российский имперский союз-орден (РИС-О). Как отмечалось в Уставе этой организации, целью РИС-О являлось возрождение русского православного царства (отсюда лозунг «С нами Бог») и защита принципа частной собственности, в том числе на землю. Выступая против парламентарной системы, идеологи РИС-О предлагали ввести в будущей России выборы народных представителей по корпоративному принципу. Предполагалось создание в посткоммунистической России законосовещательной Думы. Главою Российского Императорского Дома имперцами почитался старший в роду Романовых Великий князь Владимир Кириллович[1].

Как отмечали сами деятели Российского имперского союза-ордена, в отличие от некоторых эмигрантских антисоветских организаций, получавших значительное финансирование от американского правительства и его структур (в том числеЦРУ), русские монархисты этой поддержки не имели. Поэтому вся деятельность РИС-О строилась по двум направлениям: борьба с коммунизмом и противодействие русофобским настроениям на Западе. Идеологи РИС-О и их представители в Латинской Америке также выступали против попыток расчленения России, «против всяких границ, таможенных виз и «провинциального шовинизма» между частями России»[2].

Лишенный финансовой поддержки извне Союз-Орден всегда формировал свой бюджет из взносов соратников и добровольных пожертвований единомышленников. На собственные средства РИС-О занимался печатанием и распространением агитационных материалов на русском, английском и испанском языках (в виде листовок, плакатов, карикатур). Обычно подобные действия предпринимались ко

[1] Устав Российского Имперского Союза-Ордена. – Буэнос-Айрес, 20 декабря 1965 г. [Машинопис. экз.]

[2] Там же.

Дню Непримиримости (7 ноября), а также приурочивались к визитам в страну проживания советских руководителей и делегаций. Российский имперский союз-орден взаимодействовал и с другими монархическими группами.

В 1950–1970-е гг. руководство РИС-О несколько раз менялось. В 1964 г. по решению Верховного Совета организацию возглавил проживавший в Аргентине Н.И. Сахновский. При нем в 1966 г. Верховным Советом был принят новый Устав организации, определивший устройство Союза-Ордена, программу и тактику работы в новых послевоенных условиях. Как отмечалось соратниками, Сахновский был очень деятельным имперцем, но с возрастом в его поведении стал отчетливо просматриваться дух конфронтации. Живя в Аргентине, он постоянно вступал в конфликты с деятелями местной русской диаспоры: И.Л. Солоневичем, руководством Аргентинской епархии РПЦЗ, скаутами. Время от времени в его статьях и письмах допускались некорректные высказывания относительно династических прав Великого князя Владимира Кирилловича и его наследницы, чем ставились под удар репутация и положение всей организации. В 1972 г. произошла ситуация, известная как «раскол Сахновского», когда он попытался самовольно изменить структуру и принципы организации всего Союза-Ордена, приказав уничтожить архивы РИС-О. После этого единолично, в нарушение 39 параграфа Устава, он объявил Устав 1966 г. утратившим силу и заявил о введении нового устава из 10 пунктов, дававших ему неограниченные полномочия. В итоге в 1973 г., после затянувшегося конфликта с членами Верховного Совета РИС-О, полномочия Н.И. Сахновского как начальника организации были приостановлены, а сам он исключен из ее рядов[1].

[1] История Российского Имперского Союза–Ордена: 1929–2009 гг. – Гл. II: Вторая Міровая война 1939–1945 гг. – URL: http://puco-sib.livejournal.com///http://puco-sib.livejournal.com/74019.html (дата обращения: 12.06.2021).

Это решение было поддержано рядом эмигрантских структур, в частности, приходским годовым собранием членов Воскресенского кафедрального собора в Буэнос-Айресе. Участники его заявляли: «Наконец долголетняя и провокационная работа Н.И. Сахновского, причинившая столько вреда Русской православной церкви заграницей и нанесшая ущерб общемонархическому делу, была строго осуждена, а сам Н.И. Сахновский справедливо наказан за все содеянное им зло»[1].

Впрочем, у Сахновского в Буэнос-Айресе оставался подконтрольный ему «информационный ресурс» – газета «Русское слово», редактором-издателем которой он был. Председателем редколлегии газеты значился полковник М.Н. Друецкий. Девизом издания были слова «С нами Бог!».

В кругах российских монархистов после Второй мировой войны достаточно влиятельной была концепция «народной монархии», у истоков которой стоял И.Л. Солоневич – известный монархический мыслитель, выпускник юридического факультета Петроградского университета, бывший репортер «Нового времени» и издатель газеты «Северо-Западная жизнь», бежавший в 1930-е гг. из СССР и создавший в Европе Российское народно-имперское (штабс-капитанское) движение. В Аргентину он прибыл в 1947 г. Творчество этого мыслителя уже многие годы вызывает значительный интерес на его Родине: так, в 2000–2010-е гг. в Санкт-Петербурге прошла серия научных конференций, посвященных И.Л. Солоневичу[2]. Его последователи стремились подчеркнуть необходимость обновления российского монархизма, невозможность реставрации политической и социально-экономической системы дореволюционной Рос-

[1] Русская газета. – 1973. – № 106. – С. 4.

[2] См., напр.: Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии. Мат-лы VII научно-практ. конф. – СПб: Российский имперский Союз-Орден; Редакция газеты «Монархистъ», 2010; и др.

сии, важность в современных условиях поиска новых духовных основ для монархической идеи. Среди структур, созданных сторонниками Солоневича, было Российское народно-монархическое движение (РНМД), которое также поддерживало великого князя Владимира Кирилловича. Солоневич был активным борцом с коммунистической диктатурой, издателем монархической газеты «Наша страна», автором таких работ, как «Россия в концлагере», «Народная монархия», «Белая империя» и др.

Как пишет Н. Никандров, И.Л. Солоневича беспокоило то, что в Аргентине в среде русской эмиграции «доминировали просоветские элементы», и ему хотелось «вдохнуть надежду в деморализованные души «дипийцев», прибывавших в страну[1]. Главными проблемами Солоневич считал противостояние капиталистического и народно-демократического «лагерей», угрозу атомной войны, экспансионизм сталинской империи и, по его словам, «неоправданную беззубость» США перед лицом «коммунистической угрозы»[2]. Раскрывая последний тезис своего издателя, «Наша страна» писала, что американцы проводили мирную политику, «ничего и никого не собираются завоевывать, и никого не собираются грабить. Дают независимость Филиппинам, ведут в общем разумную политику в оккупированной Японии и вели бы очень разумную политику в оккупированной Германии, если бы им не мешали Англия, Франция и Советы». «Все это технически и даже физически возможно в стране, – объясняли русские монархисты, – которую Господь Бог защитил от всего остального мира двумя океанами»[3].

Как показывают источники, Солоневича отличал здоровый прагматизм, рационализм в оценке потенциальных

---

[1] *Никандров Н.* Иван Солоневич. Народный монархист. – М., 2007. – URL: // http://tiwy.com/nashi/solonevich_v_argentine/#11 (дата обращения: 5.07.2021)

[2] Там же.

[3] Наша страна. – 1950, 15 апреля.

политических партнеров. В отличие от многих других русских монархистов, он считал возможным взаимодействие со старыми лидерами меньшевиков и эсеров, такими, как А.Ф. Керенский и Р.А. Абрамович. Созданная ими Лига борьбы за народную свободу пользовалась активной поддержкой со стороны США, и, по мнению Солоневича, данное обстоятельство было необходимо использовать. Ему импонировало то обстоятельство, что старые социалисты не надеялись на переворот в СССР изнутри и были уверены в неизбежности новой мировой войны. По этому поводу «Наша страна» писала: «Место всех нас на стороне САСШ. Не нужно ничего опасаться ни со стороны Р. Абрамовича, ни со стороны А. Керенского. В России они будут совершенно бессильны… Совершенно невозможно представить себе, чтобы в будущей России какой бы то ни было тов. Абрамович мог бы поднять каких бы то ни было товарищей-переплетчиков во имя какого бы то ни было социализма… Так что Керенские и Абрамовичи никакой опасности для будущей России не представляют. Но в данный момент, при данной политической обстановке, они делают антикоммунистическое дело лучше, чем все мы, правые, вместе взятые… Будем честными: наши антисоветские социалисты с их связями в международном рабочем движении сейчас безмерно опаснее для Советов, чем все наши правые организации, вместе взятые. Потом, в России, это положение несколько изменится. Но нам прежде всего надо попасть в Россию»[1].

Свое видение решения национального вопроса для России Солоневич изложил в «Тезисах Народно-Имперского движения». Им, в частности, отмечалось: «Российская империя есть наш общий дом, имеющий нашу общую крышу и общие внешние стены. Но в пределах этого дома каждая народность имеет свою собственную квартиру, в которой она

---

[1] Наша страна. – 1950, 15 апреля.

может устраиваться, как ей будет угодно – с некоторыми, однако, условиями: не поджигать общего дома… Каждый человек Империи может говорить, писать, учиться и самоуправляться на каком ему угодно языке. Может знать общегосударственный язык, но имеет полное право и не знать. Может вводить в свою школу этот язык – но имеет право и не вводить. Однако: язык правительства, армии, транспорта, связи, полиции и пр. должен быть языком общегосударственным. Словом – никто никого не заставляет любить русский язык. Не любишь – не надо, тебе же будет хуже. Никакого нового изобретения тут нет. За некоторыми исключениями на Руси так и было»[1]. Особое место в биографии Солоневича занимала его борьба с «белорусским и украинским сепаратизмом в России»[2].

В 1949 г. в Аргентине по инициативе представителей трех организаций: Высшего монархического совета, Российского имперского союза-ордена и Российского народно-монархического движения было создано новое объединение – «Государево Служилое земство», председателем которого стал все тот же Н.И. Сахновский. Однако очень скоро, несмотря на разработанную совместными усилиями программу, возникли внутренние разногласия прежде всего из-за острого конфликта между Н.И. Сахновским и И.Л. Солоневичем. В результате последний покинул ряды организации. В начале 1950-х гг. «после доносов», как позднее заявлял известный монархический публицист Н. Казанцев, И.Л. Солоневич вынужден был уехать и из Аргентины, перебравшись в Уругвай[3].

---

[1] *Никандров Н.* Иван Солоневич. Народный монархист. – М., 2007. – URL: // http://tiwy.com/nashi/solonevich_v_argentine/#11 (дата обращения: 5.07.2021).

[2] *Базанов П.Н.* И.Л. Солоневич о белорусском и украинском сепаратизме // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Мат-лы V научно-практ. конф. – СПб: Российский имперский Союз-Орден; Редакция газеты «Монархистъ», 2008. – С. 1–4.

[3] *Казанцев Н.* Тысяча номеров // Наша страна. – 1969, 22 апреля.

Уже к началу 1950-х гг. в среде старой эмиграции была заметна и определенная усталость от политики, неверие в то, что монархические организации (впрочем, как и структуры иной идейной направленности) могут помочь освобождению России от существовавшего в ней коммунистического режима. Весьма характерно в этом плане письмо в газету «Наша страна», написанное участником Белого движения Ф. Камендровским. Он доказывал, что эмигрантские монархические организации – это иллюзия, мираж: «Никому они уже больше не нужны, никто за ними не пришлет. Через 5–10 лет это поколение вымрет, как и вымрут в России последние приверженцы монархической идеи»[1].

Ф. Камендровский полагал, что перед Россией в случае начала Третьей мировой войны (о возможности которой в начале 1950-х гг. писали все эмигрантские газеты и журналы) стоит выбор всего из двух вариантов: «В случае победы Сталина в Третьей мировой войне вопрос сам собой разрешится, и не только Россия, но и вся Европа и большая часть света подпадут под советскую пяту… Победят американцы – они не позволят русским, как позволили немцам, выбирать правительство, а прикажут, чтобы правительство было такое-то и такое-то. И вряд ли монархическое»[2]. В этих условиях, по мнению старого эмигранта, исчезал всякий смысл в существовании монархических объединений. В связи с этим, полагал он, в корректировке нуждалась и вся монархическая пропаганда, которой занималась, в том числе, и газета «Наша страна». «Поддерживая в русских людях патриотизм и любовь к родине, – подчеркивал Ф. Камендровский, – не будем им вдалбливать в голову того, чего они все равно не поймут… Заниматься тридцать лет словоблудием и переливанием из пустого в порожнее уже всем и надоело, и опротивело»[3].

[1] Наша страна. – 1950, 19 апреля.
[2] Там же.
[3] Там же.

Конечно, И.Л. Солоневич не согласился с доводами автора письма. По мнению теоретика «народной монархии», проблема Ф. Камендровского (как и многих, кто рассуждал о перспективах монархии в посткоммунистической России) состояла в том, что большинство этих людей понимало под возрождением монархии реставрацию порядков, существовавших в дореволюционной России, что, действительно, было невозможно[1]. Как мы уже отмечали, сам Солоневич представлял себе этот процесс совершенно иначе.

В отличие от многих изданий Русского зарубежья, «Наша страна» продолжала существовать и в последующий период. После высылки И.Л. Солоневича в Уругвай ее редактором стал В.К. Дубровский, после его смерти в 1966 г. газету возглавила его супруга Т.В. Дубровская. С 1969 г. газета стала печатным органом Общероссийского монархического фронта, подчеркивая при этом, что являлась рупором не «монархизма вообще», а «единственно-возможной в современных условиях монархии – народной»[2].

Впрочем, уже упомянутая демократическая газета «Смена» фиксировала наличие глубокого кризиса в правомонархическом лагере русской эмиграции в Аргентине к концу 1960-х гг. Как иронически писали авторы «Смены», «вопреки авторитетным мнениям «генерала» Хольмстона, Ивана Солоневича и им подобных Третья мировая не разрешалась от бремени, хороня их скоропостижные планы «молниеносной атомной войны»… Легендарное Белое Движение стало предметом истории… Оловянное движение «Генералиссимуса» Хольмстона обратилось в Похоронное бюро 2-го разряда. Народно-монархическая «Наша страна» обернулась вдовой безнародного движения. Самодержавный Имперский Союз превращается в Музей Древности…»[3]

---

[1] Наша страна. – 1950, 19 апреля.

[2] *Казанцев Н*. Тысяча номеров // Наша страна. – 1969, 22 апреля.

[3] Начштаба ротмистр Славянин. Ответ на письма в редакцию // Смена. – 1969. – № 22. – С. 1.

Монархическая эмиграция в 1960–1970-е гг. обращала внимание на те факторы, которые свидетельствовали о позитивных тенденциях внутри советского общества. Еще в конце 1960-х гг. газета «Наша страна» печатала отдельные произведения В. Солоухина[1]. Однако особенно активно освещалось творчество А.И. Солженицына. Русские монархисты подчеркивали, что появление такой фигуры – свидетельство глубоких процессов трансформации сознания значительной части населения СССР, его возвращения к утраченным русским традиционным ценностям. «Наша страна» еще в конце 1960-х гг. публиковала некоторые рассказы А.И. Солженицына. Один из известных публицистов этой газеты Н. Казанцев называл великого русского писателя «не поддавшимся прели советчины сокровищем русского духа». Он призывал эмиграцию «кричать о Солженицыне» на Западе, чтобы помешать советским властям его арестовать[2]. В 1971 г., указывая, что русская эмиграция ждет вождя, Н. Казанцев восклицал: «Не Солженицын ли наш духовный Франко, наш русский Тиртей, наш современный Гермоген?»[3]. В 1972 г. Российское общественное совещание в Аргентине под председательством Е.Э. Месснера выразило протест против притеснений А. И. Солженицына. Он был назван «величайшим ныне на нашей родине, если не во всем мире, гением литературного слова и мысли»[4].

В целом, внимание монархической эмигрантской прессы привлекали в основном те инакомыслящие в СССР, которых она считала своими сторонниками. Так, в 1977 г. «Наша страна» публиковала речь И. Шафаревича «Цель математики – религия» на вручении Хейнемановской премии Геттингенской академии наук[5]. Внимательно следили про-

---

[1] Наша страна. – 1969? 29 июля.
[2] *Казанцев Н.* Кричать о Солженицыне // Наша страна. – 1969, 6 мая.
[3] *Казанцев Н.* Русский Тиртей // Наша страна. – 1971, 29 июня.
[4] Русское слово. – 1972, 21 октября.
[5] Наша страна. – 1977, 17 мая.

живавшие в Аргентине монархисты и за деятельностью Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа, самиздатовскими журналами «Вече» и «Земля» и др.[1]

Весьма позитивно оценивала «Наша страна» и фигуру диссидента Ю.Т. Галанскова, получившего широкую известность после судебного процесса над ним, А.И. Гинзбургом, А.А. Добровольским и В.И. Лашковой в 1968 г. Его ставили в один ряд с А.И. Солженицыным, доказывая, что оба этих человека были, прежде всего, патриотами России и противниками западничества. При этом отмечалось, что они не имели ничего общего с основной массой диссидентов, которых характеризовали как «жуликов» и «хамелеонов», впервые увидевших «лагерь на картинке, очутившись на Западе»[2].

Одновременно русские монархисты в Аргентине крайне негативно относились к феномену «еврокоммунизма», который в 1970-е гг. вызывал большой интерес у западных средств массовой информации[3]. Называя его «бунтом на коленях», публицист «Нашей страны» О. Никитин возмущался покорностью «еврокоммунистов» перед секретарем ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым, выступавшим на совещании в Праге. О. Никитин задавался вопросом, почему никто из лидеров «еврокоммунистов» «не встал и не спросил товарища Пономарева, как согласуются продолжающиеся в СССР репрессии с его красивыми словами о «реально» достигнутой в СССР социалистической сверхдемократией?»[4].

Подчеркивая, что брежневский СССР стремился проводить политику внешней экспансии, русские монархисты связывали ее с необходимостью поиска врагов извне в ус-

---

[1] См.: *Удодов А*. Только Царь может освободить рабочих // Наша страна. – 1977, 17 мая.

[2] *Он же*. Галансков о Царе и России // Наша страна. – 1977, 7 июня.

[3] *Кусаков Н.* Всемирное замешательство // Наша страна. – 1969, 10 июня.

[4] *Никитин О*. Окно в Россию // Наша страна. – 1977, 17 мая.

ловиях неэффективности советской модели экономики[1]. Этим же, по их мнению, обусловливалось и стремление СССР к «эксплуатации» своих союзников по социалистическому лагерю[2].

Следует отметить, что в 1970-е гг. в Аргентине помимо монархически настроенных организаций продолжали действовать и иные эмигрантские объединения: Центр русских белых, Союз русских белых военных инвалидов и т.д. Особое место в политической истории Русского зарубежья занимала организация, известная как НТС, хотя в реальности ее название не раз менялось. На своем первом съезде в 1930 г. организация получила название Национальный союз русской молодежи, который на II съезде в 1931 г. был переименован в Национальный союз нового поколения. В 1936 г. он стал называться Национально-трудовой союз нового поколения. Ставка на «новое поколение» – эмигрантскую молодежь – привела к тому, что довоенный НТС часто именовался в эмигрантской прессе «нацмальчиками». В начале 1940-х гг. слова «нового поколения» выпали из названия данной структуры, а в 1957 г., как пишет многолетний член организации Б. С. Пушкарев, «в угоду принятому в СССР словоупотреблению», она стала называться Народно-трудовым союзом (НТС) (российских солидаристов)[3]. Под аббревиатурой НТС Союз известен уже более полувека. Это была одна из немногих политических структур Русского зарубежья, ориентированная на пропагандистскую деятельность непосредственно среди советских граждан в целях подготовки народной революции в СССР.

История деятельности отделений НТС в таких периферийных для русской эмиграции странах, как Аргентина ред-

[1] *Казанцев Н.* Термоядерный погреб // Наша страна. – 1969, 10 июня.

[2] *Никитин О.* Причина ссоры СССР с Пекином // Наша страна. – 1977, 7 июня.

[3] От Зарубежья до Москвы. Народно-Трудовой Союз (НТС) в воспоминаниях и документах. 1924–2014. – М.: Посев, 2014. – С. 11.

ко привлекает внимание исследователей. Чаще всего их деятельность обозначается «пунктирно», на общем фоне характеристики тех акций, которые осуществлялись находившимся во Франкфурте-на-Майне союзным Центром. Нередко дело ограничивается указанием имен нескольких наиболее известных лидеров местных групп НТС. Конечно, во многом такая ситуация отражает реальную картину эпохи холодной войны, когда наиболее острое противостояние происходило в Европе, прежде всего, в Германии, символом чего и стала знаменитая Берлинская стена. Однако, на наш взгляд, это одновременно и существенно обедняет историю НТС, являющуюся важной частью политической истории Русского зарубежья после Второй мировой войны. При этом каждая из региональных организаций Союза имела свою специфику. Проблема, однако, состоит в том, что далеко не всегда можем корректно охарактеризовать основные направления этой деятельности: ее открытая, видимая посторонним часть составляла только «верхушку айсберга». Атмосфера холодной войны, специфика НТС накладывали серьезный отпечаток на все, что было связано с его деятельностью. Далеко не всегда в распоряжении исследователей есть необходимые материалы, которые позволяют судить о той борьбе, которую вели в разных уголках планеты русские солидаристы. Между тем, в случае с группой НТС в Аргентине ситуация обстоит относительно неплохо: в архивах США и Германии хранятся ценные документы, которые позволяют пролить свет на некоторые страницы истории НТС в этой стране.

Деятели НТС в Аргентине внесли свой вклад в развитие идеологии солидаризма, на которой базировалась деятельность организации. Сразу после прибытия первой группы «ди-пи» из Германии, Австрии и Италии в Буэнос-Айрес там стал выпускаться журнал «Вехи» под редакцией Е.И. Мамукова, который прибыл в 1946 г. в составе этой группы. На первой странице журнала обычно размещалась

статья на испанском языке с тем, чтобы дать аргентинцам возможность ознакомиться с политическими воззрениями прибывших в Аргентину беженцев[1]. Это была своего рода визитная карточка всей массы антикоммунистической эмиграции, частью еще находившейся в Европе.

На страницах журнала размещались также статьи общеполитического характера, посвященные идеологии солидаризма. Отмечалось: «Социальная идея солидаризма – построение общества на основах веления совести и души. Это есть идея христианская»[2]. Они также отстаивали идею «дирижизма» в экономике, полагая, что вера в «невидимую руку рынка» должна уйти в прошлое: «Хозяйство Национальной Трудовой России будет хозяйством направляемым… Мы не можем уже вернуться к старой капиталистической системе хозяйства: в новом Национальном Трудовом государстве оно было бы нелепым архаизмом»[3]. Безусловно, заявления такого рода делались идеологами НТС, в том числе и в расчете на новых эмигрантов из СССР, которым было трудно принять идею о реставрации на Родине капиталистических порядков.

Лидеры НТС в Аргентине выступали также против распада единого государства, с учетом того, что в тот период особенно активно действовали украинские националистические организации. В этой связи Е.И. Мамуков указывал на страницах издания: «Ни один беспристрастный украинец-патриот не может утверждать о существовании самостийного движения в СССР в широких народных кругах. Ненависть к советской власти и стремление от нее избавиться, и сепаратизм – стремление отделиться от России – понятия не тождественные»[4]. Деятели НТС предлагали модель референдума, который должен был произойти по во-

---

[1] АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 19(а). Папка № 117. – Д. 2. – Л. 5.
[2] Вехи. – 1949. – № 13-14. – С. 15.
[3] Вехи. – 1949. – № 15-16. – С. 21.
[4] *Мамуков Е.И.* Россия и славяне // Вехи. – 1948. – № 9. – С. 7.

просу о сохранении посткоммунистической России как единого государства.

Как и в других странах мира, НТС в Аргентине существовал в условиях конфронтации с иными эмигрантскими группировками. Это было связано со спецификой тех методов, которые использовали члены НТС для достижения своих целей. Уже на его II съезде в декабре 1931 г. была принята директива «Тактика работы НСНП», посвященная этому вопросу. «Нацмальчики» прямо указывали, что они признают «революционные методы борьбы», «до террора включительно». Они призывали население России к «революционной самодеятельности»[1].

В середине 1930-х гг., после III съезда, эти идеи получают дальнейшее развитие. Отмечалось, что центр тяжести в антибольшевистской борьбе переносится «в Россию» – с целью создания «революционного подполья»[2].

«Сомкнем ряды наперекор тиранам,

На штурм, бойцы, стремительным тараном!», – пелось в союзной песне тех лет.

Во второй половине 1930-х гг. был налажен выпуск листовок для переброски в СССР. В воззваниях к молодежи особенно подчеркивались свойственный ей энтузиазм, жертвенность, смелость и готовность на подвиги. Во многих листовках давались практические советы – как организовывать малые боевые группы (3–5 человек), готовить оружие. Как отмечают сами деятели НТС Л.А. Рар и В.А. Оболенский, в условиях «ежовщины» особенно возросло значение идей ответного террора против представителей власти[3].

После Второй мировой войны НТС, казалось, эволюционировал в респектабельную праводемократическую партию типа Христианско-демократического союза в Герма-

---

[1] *Рар Л.А., Оболенский В.А.* Ранние годы. Очерк истории Национально-Трудового Союза (1924–1948). – М.: Посев, 2003. – С. 44.

[2] Там же. – С. 71.

[3] Там же. – С. 95.

нии. Тем не менее, характеризуя методы его агитационно-пропагандистской работы в годы холодной войны, следует указать на использование им упрощенных лозунгов. По мнению идеологов НТС, политическое сознание советского человека сформировалось под влиянием официальной пропаганды и было наиболее восприимчиво к определенным конструкциям, поэтому целесообразным считалось прибегнуть к тем моделям, которые давно и успешно использовались пропагандистским аппаратом в Советском Союзе.

Все это вызывало отторжение у русских монархистов из группы И. Л. Солоневича. По мнению последних, исповедовавшаяся НТС ставка на «национальную революцию» – это «именно то, что сейчас нужно СССР: вы, товарищи капиталисты, демократы и прочие, и прочие – не беспокойтесь, страшная угроза советизации всего человечества будет предотвращена изнутри… Мы уж сами справимся. Это успокаивает и обезоруживает остальной мир, который, действительно, воевать не хочет, и это открывает Советам дальнейшие маневренные возможности»[1].

В январе 1952 г. на съезде Совета НТС его многолетний лидер В.М. Байдалаков озвучил цифру: во всей Южной Америке в этот момент находилось около 100 русских солидаристов[2]. При этом он же признавал, что за общими цифрами нередко скрывались измотанные многолетней борьбой, мечтавшие о спокойной жизни на новой Родине русские эмигранты. Далеко не все после тяжелейших испытаний Второй мировой войны были готовы вновь переносить лишения и бороться. В.М. Байдалаков указывал: «Одни сильно сдали физически – постарели, как-то погасли. Другие – все те, кто ранее проходили зеленой дорогой, ходили к

[1] Наша страна. – 1950, 15 апреля.

[2] Протоколы съезда Совета НТС в январе 1952 г. // Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). – F. 98. – Л. 9.

партизанам, были боевыми революционерами, кому ранее было 20 лет, а теперь уже 30 – большинство поженилось, обзавелись детьми, размагнитились…» Председатель НТС вспоминал, как в некоторых странах члены НТС подводили его к окнам своих домиков и смущенно объясняли: «Вот здесь, Виктор Михайлович, мы посадили крыжовник, там посадим клубничку, а налево в углу заведем гаражик»[1].

Характерно, что еще в декабре 1950 г., когда руководство НТС обратилось к солидаристам с призывом дать пополнение «фронту» (т.е. отправиться на оперативную работу в Германию, где Запад и Восток непосредственно соприкасались друг с другом), из 91 члена организаций НТС в Южной Америке откликнулись только семеро[2]. При этом важно отметить, что и сами лидеры НТС понимали, что в реальности очень редкие люди могли десятилетиями вести жизнь профессиональных революционеров, лишая себя простого человеческого счастья. И здесь можно было увидеть, что реальная картина эмигрантской повседневности не вписывалась в рамки циркуляров НТС и официальных заявлений политиков Русского зарубежья. Этот разрыв нашел свое яркое отражение в судьбе и творчестве члена НТС в Аргентине, впоследствии – писателя-репатрианта Ю.Г. Слепухина (Кочеткова).

Ю.Г. Слепухина был одной из наиболее ярких фигур среди солидаристской молодежи Аргентины конца 1940-х – начала 1950-х гг. В ноябре 1943 г. семья Ю.Г. Слепухина была угнана из Ставрополя на работы в Германию. В качестве «восточного рабочего» он находился в лагере Шарнхорст в Эссене, с мая 1944 г. батрачил в усадьбе барона Гюльхера на Южном Рейне. В начале марта 1945 г. Кочет-

---

[1] Протоколы съезда Совета НТС в январе 1952 г. // Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). – F. 98. – Л. 9.

[2] Протоколы съезда Совета НТС в декабре 1950 г. // // FSO UB. HA. – F. 98. – Л. 5.

ковы были освобождены англичанами и вывезены в Голландию, в лагерь «ди-пи». Им удалось избежать репатриации и переехать в Аргентину, где Ю.Г. Слепухин руководил в НТС молодежным сектором и сектором пропаганды[1].

Конечно, руководители НТС в Аргентине пытались изо всех сил поддерживать «огонь» антибольшевистской борьбы, настроения «активизма» среди рядовых солидаристов. Но делать это было чрезвычайно трудно. Резкий рост энтузиазма среди эмигрантов-антикоммунистов наблюдался в самом начале 1950-х гг., когда война в Корее, казалось, становилась предвестником Третьей мировой войны. В этих условиях и Запад активизировал свои попытки использовать русские эмигрантские организации в собственных целях. Но долго держать людей в состоянии повышенной боевой готовности было невозможно. Как отмечает П.Н. Базанов, одним из ближайших друзей Ю. Г. Слепухина был руководитель НТС в Аргентине Е.И. Мамуков[2].

В 1952 г. Е.И. Мамуков прямо заявил на заседании Совета НТС: «Два года в напряжении. Если за пять лет не вспыхнет война, то потеряем заокеанские кадры»[3]. Во многом так и получилось. Часть русских солидаристов осознали низкую эффективность, а то и – бесперспективность эмигрантской «политики», и отошли от НТС. Одним из них был Ю.Г. Слепухин. Как вспоминает его сестра Ирина Григорьевна, постепенно брат «с огорчением понял, что все это мираж и самообман, попросту – игры»[4]. В 1955 г. Ю.Г. Слепухин порвал с НТС. Вернувшись в Советский Союз в 1957 г.,

---

[1] *Слепухина Н.А.* Юрий Слепухин: возвращение // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения – 2014. – С. 32–38.

[2] См.: *Базанов П.Н.* Русская эмиграция в жизни творчестве Ю.Г. Слепухина // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. – СПб: Фонд Слепухина; Ладога, 2012. – С. 306.

[3] FSO UB. HA. – F. 98. Протоколы съезда Совета НТС в январе 1952 г. – Л. 21.

[4] *Слепухина И.Г.* Воспоминания о брате // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. – С. 54.

он стал известным писателем. Объясняя причины, толкнувшие его на отъезд из Аргентины, в своих опубликованных в СССР записках он указывал: «Я не могу жить на Западе с его двуликой свободой и с его оскотинивающим человека материальным благополучием»[1]. Да, эти строки были написаны в пропагандистском советском издании, но, вполне возможно, в этой оценке бывший деятель НТС был искренен.

Почти одновременно со Слепухиным из ГТС уходят многие русские эмигранты, причем не только в Аргентине, но и в других странах мира. Усиливавшаяся зависимость деятельности НТС от финансирования со стороны ЦРУ (о чем прямо писали сами бывшие лидеры организации) лишь усиливала их желание порвать с ним.

Впрочем, далеко не всегда речь шла о том выборе, который сделал Ю. Г. Слепухин – возвращение в СССР. Чаще всего, порывая с НТС, русские эмигранты не отказывались от своих антикоммунистических взглядов и оставались на чужбине.

Одним из таких членов НТС, многие годы отдавших борьбе с большевизмом, был еще один деятель НТС в Аргентине Ю.А. Герцог. Агроном, поэт, известный идеолог солидаризма, он при этом не являлся «кабинетным» философом, а был готов переносить все тяготы и лишения, выпадавшие на долю профессиональных революционеров. Как известно, в 1950-е гг. он примкнул к внутрисоюзной оппозиции и в итоге вышел из НТС, поскольку полагал, что послевоенное руководство Союза в лице Е. Романова, А.Н. Артемова и др. предало идеалы русского солидаризма. Его обширная переписка с В.М. Байдалаковым, хранящаяся в Отделе специальных коллекций Библиотеки Джорджтаунского университета и Архиве Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена, показывает, что уже в начале 1950-х гг.

---

[1] Почему мы вернулись на Родину: Свидетельства реэмигрантов. – С. 267.

он мечтал уехать из Аргентины в Европу – на главный «фронт» холодной войны. Его тяготила «кабинетная» официальная должность Генерального представителя НТС в Аргентине, поскольку она подразумевала «чиновничью лояльность», ограничивала возможности выступить против руководства НТС. У Герцога вызывали сочувствие союзные оппозиционеры из Парижа, старые эмигранты Р.П. Рончевский, М.А. Павлов и др., выступившие против послевоенного руководства НТС. Прежде всего, полагал Ю.А. Герцог, новый лидер НТС – эмигрант «второй волны» Е. Романов (Е.Р. Островский) и его окружение не умели работать с «живыми людьми»[1], не чувствовали психологии рядовых солидаристов.

Ю.А. Герцог рвался в бой, в Европу. В отличие от некоторых своих товарищей, которых упрекали в желании уехать в далекие страны, подальше от главного «фронта» холодной войны, лидер НТС в Аргентине прямо заявлял в сентябре 1952 г., что больше не хочет сидеть «в тылу»[2]. Собственно, и в Аргентине он оказался не по своей воле, а был отправлен туда из Франции Н.Н. Рутченко (Рутычем), который «наводил порядок» в Парижском отделении НТС.

При этом Ю.А. Герцог признавался, что он не имел «ни одной профессии, кроме как союзного работника»[3]. И здесь необходимо затронуть очень важный сюжет, который, к сожалению, чаще всего остается вне поля зрения исследователей политической истории русской эмиграции. Какова была личная жизнь таких людей?

Так, благодаря И.Г. Слепухиной можно составить психологический портрет «Мамукейши» – жены Е.И. Мамукова[4]. Ю.А. Герцогу повезло: его супруга понимала своего

---

[1] См.: FSO UB. HA. – F. 98. Ю.А. Герцог – В.М. Байдалакову. – 17.11.1952.

[2] См.: там же. Ю.А. Герцог – В.М. Байдалакову. – 15.09.1952.

[3] Там же.

[4] См.: *Слепухина И.Г.* Указ. соч. – С. 55.

мужа и учитывала его интересы. Но он и сам осознавал, насколько ей было тяжело. В начале 1950-х гг. она работала на фабрике, получала немного (так как в Аргентине женский труд оплачивался весьма скромно), но все же ее зарплаты хватало, чтобы семья могла хотя бы заплатить за квартиру. Однако фабрику, где она работала, закрыли. Сам Ю.А. Герцог одновременно потерял работу в одной из местных фирм. В семье не осталось ни одного работающего человека, приходилось жить на те очень небольшие накопления, которые были у них. В 1952 г. Ю.А. Герцог получил предложение уехать в провинцию, работать в местных джунглях. Однако он вынужден был отказаться от этого шанса поправить материальное положение всей своей семьи, так как в тот момент ждал из союзного Центра разрешения прибыть в Европу – на главный «фронт» холодной войны и потому не мог допустить того, что будет надолго «оторван от контакта с жизнью Союза». Ю.А. Герцог был готов также на переезд и в США. По этому поводу он прямо выразился в письме В.М. Байдалакову: «Если моей жене придется петь в кабаках перед североамериканцами, то сейчас у нас один выход – чтобы она пела в кабаках перед южноамериканцами. Хрен редьки не слаще»[1].

Однако, в 1950-е гг. Ю.А. Герцог так и не получил команды из Центра на отъезд из Аргентины. Через некоторое время он, как и его корреспондент В.М. Байдалаков, вышел из состава НТС и стал, возможно, главным идеологом новой политической организации – Российского национально-трудового союза (РНТС), членами генерального представительства которого в Аргентине были Д.С. Богданович, Ю.А. Герцог, А.Г. Денисенко, И.И. Иванилов, В.А. Книрша, И.А. Пророков, А. Л. Швец[2].

---

[1] FSO UB. HA. – F. 98. Ю.А. Герцог – В.М. Байдалакову. – 18.10.1952.

[2] *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена… Воспоминания председателя НТС. 1930–1960. – М.: Авуар консалтинг, 2002. – С. 115–116.

Печатным органом РНТС стал журнал «Заря свободы», в котором регулярно печатался Ю.А. Герцог. Многие его статьи были посвящены осмыслению тех процессов, которые протекали в Советском Союзе. Так, например, он подчеркивал, что тоталитаризм стремится не только «политически и социально поработить наш народ и человечество», но и «уничтожить живые силы народной души». Поэтому, по его мнению, солидаристы должны были стремиться не только к ликвидации политического режима в СССР, но и к освобождению и духовному возрождению России[1].

Он же обстоятельно анализировал социальную структуру советского общества, подчеркивая, что она носила двойственный характер. С одной стороны, люди находились в «системе социальных молекул» (семья, близкие друзья, круг лиц, связанных общей солидарностью и т.д.). Эти институты, подчеркивал он, «не имеют ничего общего с замыслом руководства о механизированном обществе-государстве, но в какой-то мере от него зависят и должны к нему приспосабливаться». С другой стороны, каждый человек выполнял функцию «винтика» в государственном механизме[2]. Все это, по мнению Ю.А. Герцога, необходимо было учитывать при осуществлении антикоммунистической деятельности.

В январе 1962 г. прошел поместный съезд Южно-Американского отдела РНТС. На нем были избраны руководящие органы организации: председатель отдела – В.А. Кирша, члены правления – Ю.А. Герцог и И.Н. Андрушкевич, председатель Суда Совести и Чести (ССЧ) – А.Н. Барбицкий, члены ССЧ – Г.Г. Брянцев и В.В. Хасапов.

Ю.А. Герцог в этот период полагал, что, прежде всего, необходимо было духовное возрождение России и русской эмиграции. Важно было обсуждать «роль политического

---

[1] *Герцог Ю.А.* Наша доктрина // Заря свободы. – 1956, июль.

[2] См.: *Он же.* О задачах освободительной борьбы // Заря свободы. – 1956, август.

зарубежья в том историческом процессе, который совершается в мире и на Родине». Важнейшим «историческим императивом» он считал возврат к «дружбе с историей и ее течением»[1].

Одновременно Ю.А. Герцог еще пытался сохранять оптимизм и в отношении перспектив РНТС как эмигрантской политической организации в Аргентине. В ноябре 1962 г. в письме В.М. Байдалакову он заявлял: «Здесь может ожидаться довольно крепкая группа в шесть – семь человек при условии, если из Центра будут поданы признаки возрождения организационного начала в Союзе»[2]. Сплотившиеся вокруг него немногочисленные старые солидаристы пытались сохранить хоть какую-то организацию и даже надеялись на то, что им удастся активизировать политическую деятельность. Но законы жизни были неумолимы: эти люди начинали стареть, им все труднее было собираться. В 1962 г. ушел из жизни один из товарищей Герцога – А.Г. Денисенко, смерть которого стала для него символом приближения конца того старого русского солидаризма, приверженцем которого он был долгие годы.

Письма Ю.А. Герцога этого периода показывают, что на самом деле он уже разочаровался в возможности старых солидаристов вести активную политическую деятельность. Бывший деятель НТС полагал, что в начале 1960-х гг. надо было говорить уже о некой духовной миссии Русского зарубежья, о необходимости «возвратиться к дружбе с историей и ее течением»[3]. Такие предложения, исходившие от одного из лидеров политической организации, звучали, конечно, несколько абстрактно, зато они учитывали реальное

---

[1] Ю.А. Герцог – В.М. Байдалакову. 21.12.1961 // Georgetown University Library. Special collections (GUL. SC). The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 7.

[2] Ю.А. Герцог – В.М. Байдалакову. 20.11.1962 // GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 7.

[3] Там же. Folder 9.

состояние структуры, объединявшей старых солидаристов Аргентины в рассматриваемый период. К этому же склонялись и другие остававшиеся в живых члены РНТС. В середине 1960-х гг. они уже обсуждали возможность преобразования его из политической организации в «содружество» или некий «комитет». Так, один из лидеров РНТС В. Кирша писал М.М. Байдалакову: «Вполне одобряю инициативу Президиума Союза, касающуюся видоизменения нашей организации, существование которой в ее постоянной форме после съезда 1962 г. является простой фикцией»[1]. Вскоре произошло окончательное затухание деятельности и этой структуры.

На все эти процессы, свидетельствовавшие об обострении напряженности в Южной Америке, Ю.Г. Слепухин, вернувшийся на Родину в 1957 г., смотрел уже из своего «советского далека». Опираясь на десятилетний опыт жизни в Аргентине, он мог трезво оценивать ситуацию в этой латиноамериканской стране, обстоятельно анализировать происходившие там процессы[2]. Выбор Ю.А. Герцога и других бывших товарищей Слепухина оказался иным. Оставшись в Аргентине, они в отличие от Слепухина, по-прежнему полагали, что политика СССР способствует дестабилизации напряженности в различных регионах мира, в том числе в Западном полушарии. Некоторые из них до последних дней жизни пытались продолжать свою многолетнюю борьбу с большевизмом, даже тогда, когда казалось, что у них нет никаких шансов на успех.

В Латинскую Америку и в Аргентину, в частности, перебралась часть власовцев, которые первоначально надеялись, что удастся создать единую организацию, которая продолжила традиции Комитета освобождения народов

---

[1] В. Книрша – В.М. Байдалакову. 30.06.1965 // GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 7.

[2] *Слепухин Ю.* «Серебряная республика» без позолоты // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. – С. 398–423.

России. Именно как «национальное и надпартийное» объединение и возник в 1948 г. Антикоммунистический центр Освободительного движения народов России (АЦОДНР), который, опираясь на власовский Манифест 1944 г., призывал к сплочению «всех истинных патриотов» для борьбы с коммунистическим режимом в СССР[1]. Однако сложный состав власовского движения, наличие в нем людей с различными взглядами привели к достаточно быстрому распаду этой структуры и возникновению на ее месте новых организаций. Среди них из них – СБОНР, Лига борьбы за народную свободу и др.

Протоиерей Д. Константинов – представитель власовской эмиграции в Аргентине предпринял попытки установить контакты с леволиберальной и социалистической элитой Русского Нью-Йорка. В Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) нами обнаружено письмо Д. Константинова лидерам уже упоминавшейся Лиги борьбы за народную свободу. Из письма следует, что он направил в Нью-Йорк материалы, свидетельствовавшие об активной антикоммунистической пропаганде, которая велась им в Аргентине. Известно также, что он выпускал в тот период еженедельную газету «Слово»[2], которая издавалась в типографии литовской газеты «Балзас» на матрицах, привезенных из Германии и которые были направлены от НТС с обязательством передать их Е.И. Мамукову для издания журнала «Вехи». В результате главным редакторам удалось договориться о совместном использовании матриц[3].

Впрочем, ответа из США на свое письмо Д. Константинов, похоже, не получил, поэтому признавался: «Не знаю, интересует ли Вас все это или нет? Не имею от Вас ответа

---

[1] Бюллетень Антикоммунистического центра Освободительного движения народов России. – Мюнхен, 1948. – № 1. – С. 1.

[2] Слово. – Буэнос-Айрес, 1949, 2 октября.

[3] *Константинов Д., протоиерей*. Через туннель XX столетия. – С. 390.

по поводу моих предложений»[1]. Параллельно он направил письмо в редакцию «Бюллетеня Лиги борьбы за народную свободу», в котором сообщал, в частности, что его книга «Я сражался в Красной армии» вышла на испанском языке в Буэнос-Айресе, после чего у него брала интервью местная пресса. «Мы надеемся, что Вы используете присланный материал в редактируемом Вами «Бюллетене»[2], – указывал Д. Константинов. Однако, очевидно, что ему так и не удалось в дальнейшем поддерживать контакты с руководством одного из наиболее заметных эмигрантских антикоммунистических проектов тех лет. При этом активность Д. Константинова вызвала негативную реакцию со стороны правых кругов старой эмиграции: позднее протоиерей вспоминал, что его изображали тогда чуть ли не как советского шпиона и потому «все время приходилось отвлекаться на внутриэмигрантскую полемику»[3].

Линия на активное взаимодействие с лидерами Лиги борьбы за народную свободу была весьма заметна в начале 1950-х гг. и в содержании материалов, публиковавшихся на страницах «ежемесячника власовцев в Аргентине» журнала «Родина», редактором которого значился В. Радин. Издание имело традиционные для власовцев девизы: «Россия – наша! Прошлое России – наше! Будущее России – тоже наше!». Русская эмиграция внимательно следила за международными событиями и всякое противоречие между СССР и Западом, которое возникало в каком-либо регионе мира, оценивалось как потенциальный очаг возникновения нового глобального военного конфликта[4].

---

[1] Д. Константинов – В.М. Зензинову. Октябрь 1950 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder «Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu.2».

[2] Д. Константинов – редакции «Бюллетеня Лиги борьбы за народную свободу». Октябрь 1950 // Там же.

[3] *Константинов Д., протоиерей.* Через туннель XX столетия. – С. 435.

[4] *Полонский М.* Два очага // Родина. – 1951. – № 8/9. – С. 6; *Лян Чи Хе*. Корея // Родина. – 1952. – № 11. – С. 1–2.

Характерно, что в разгар инициированных американцами переговоров о политическом объединении эмиграции, проходивших в различных городах ФРГ в начале 1950-х гг.[1], «Родина» публиковала совместную декларацию по национальному вопросу ЛБНС и СБОНР, которая символизировала единство позиций этих двух политических объединений по ключевому в тот момент в эмигрантской полемике вопросу[2]. Данный документ предполагал, что после свержения большевизма в России должен был пройти плебисцит под контролем ООН о судьбе союзного государства. Исключение делалось лишь для стран, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 гг.: их суверенитет автоматически восстанавливался.

В Аргентине власовцы вели по этому вопросу полемику с лидерами белорусских националистов. Характерен в этом плане «Ответ Микулину» М. Горева, опубликованный на страницах журнала «Родина», где автор письма полемизировал с утверждением, что русский и большевик – это «понятия тождественные». «Ни один человек не поверит Вам, – подчеркивалось в статье, – что, находясь 26 лет в России, Вы «обнаружили» там разницу в положении русского и украинца, армянина и башкира… Наши народы равны в своей беспримерной нищете и в своем ужасающем бесправии»[3].

Однако несогласие многих членов организации (в частности, лидеров Северо-Американского отдела СБОНР Н.С. Шатова, Р. Дудина и др.) с ориентацией на сотрудничество с социалистами стало одной из причин внутреннего кризиса СБОНР, проявившегося уже в начале 1950-х гг.[4] И хотя ли-

---

[1] См. об этом, напр.: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. – Ставрополь: Кавказский край, 1992. – С. 369–372.

[2] Декларация по национальному вопросу Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР) и Лиги борьбы за народную свободу // Родина. – 1951. – № 8/9. – С. 1.

[3] *Горев М.* Ответ Микулину // Родина. – 1951. – № 8/9. – С. 8.

[4] ГАРФ. – Ф. 10015. – Оп. 4. – Д. 23. – Л. 1–20; Народная воля (Мюнхен). – 1953, 17 июля.

деры СБОНР пытались создать у эмигрантской общественности впечатление, что его съезды проходили «в деловой и дружеской обстановке», все разногласия «изжиты»[1], однако, на практике в 1950–1960-е гг. происходило постепенное снижение активности этой части антикоммунистической оппозиции, о чем свидетельствует хранящаяся в архивах переписка бывших власовцев. Так, уже в 1951 г. проживавший в Венесуэле майор Ф.М. Легостаев писал известному меньшевику Б.И. Николаевскому, что угнетен «ничегонеделанием»[2]. В 1952 г. полковник М.А. Алдан (А.Г. Нерянин) указывал, что не питает «больших иллюзий относительно возможностей» работы СБОНР[3]. Он же спустя год писал Н.А. Троицкому: «Постепенно начинает сбываться то, чего я больше всего боялся, а именно – превращение в человека, отсиживающего часы и просиживающего штаны. Моих сотоварищей, с которыми я приехал, это… ничуть не ужасает. Машина, деньги, а для одного из них – бабы – предмет и предел их желаний»[4]. Уже к середине 1950-х гг. начался процесс распада отдельных местных отделов СБОНР, выхода их них некоторых членов.

Тесно связанной со СБОНР организацией, фактически его военным отделением был возникший в 1948 г. Союз воинов освободительного движения (СВОД), во главе которого стояли уже упоминавшиеся полковник М.А. Алдан и майор Ф.М. Легостаев. В отделы СВОД, существовавшие в странах, где жили бывшие власовцы, входили многие члены СБОНР. СВОД проводил военную подготовку офицерского состава для будущей войны на основе изучения опыта Советской армии и вооруженных сил стран НАТО[5]. Однако и его деятельность в 1950-е гг. постепенно затухала.

---

[1] Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1956, 14 марта.
[2] ГАРФ. – Ф. 10015. – Оп. 4. – Д. 18. – Л. 1.
[3] Там же. – Д. 23. – Л. 1.
[4] Там же. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 1.
[5] Призыв. – Б.м., 1948. – № 1. – С. 2; Вестник Союза воинов освободительного движения.– Б.м., 1950. – № 4. – С. 2–5.

Но причины кризиса в СВОД были во многом те же, что и в СБОНР: апатия членов, отсутствие у них внутренней убежденности в возможности свержения коммунистического режима. Как отмечал в одном из писем Ф.М. Легостаев в 1957 г., «никто работать не хочет»[1]. В итоге он принял решение о слиянии СБОНР и СВОД, что несколько усилило СБОНР и привело, как уже отмечалось, к небольшому подъему его деятельности на рубеже 1950–1960-х гг.

По заявлениям газеты «Новое слово», именно представители второй волны эмиграции наиболее активно участвовали в акциях СРА. В одном из номеров газеты за 1957 г. был помещен отчет о собрании СБОНР, на котором его председатель инженер В.К. Филиппов указал, что «благодаря деятельности СРА значительно возрос престиж российской антикоммунистической эмиграции среди аргентинцев и среди представителей других порабощенных коммунизмом народов, до сих пор, во многих случаях, с нескрываемой враждебностью относившихся к российской эмиграции». В.К. Филиппов перечислил такие мероприятия, как борьба с репатриацией в СССР, организация выставки «40 лет преступлений советской власти»[2], которая получила информационную поддержку газеты «Новое слова», оказавшей информационную поддержку данному мероприятию (разместив в том числе призывы к эмигрантов присылать материалы из серии: «приговоры судов и троек», «документы концлагерей и тюрем» и т.д.)[3].

Все это, конечно, вызывало ответную реакцию у просоветски ориентированных эмигрантских изданий (например, у «Нашей газеты»), которые вели борьбу как с «Новым словом», так и со связанным с ним НТС.

---

[1] ГАРФ. – Ф. 10015. – Оп. 1. – Д. 462. – Л. 36.

[2] Новое слово. – 1957. – № 301.

[3] От Комитета по организации выставки «40 лет преступлений Советской власти» // Новое слово. – 1957. – № 296. – С. 12.

Власовцы провели акцию и в связи с событиями Пражской весны 1968 г. 22 августа 1968 г. молодежной группой СБОНР совместно с аргентинскими студентами-антикоммунистами – членами Национального движения антикоммунистической молодежи в знак протеста «против оккупации Чехословакии» в Буэнос-Айресе была организована демонстрация. В том же году в день годовщины Октября и приема в советском посольстве члены группы СБОНР организовали протестные акции, которые сопровождались поджогами советского флага. При этом ими было распространено обращение, в котором говорилось, «что сосуществование с интернациональным коммунизмом позорно, когда русские писатели загнаны в концлагеря, когда народы России лишены элементарных гражданских прав и обращены в рабство, когда оккупация Чехословакии еще раз наглядно доказала всему миру, что для коммунизма неприемлем даже намек на свободу»[1]. В тот же день листовки с аналогичным содержанием распространялись в окрестностях Буэнос-Айреса и в провинциях, где проживали члены СБОНР.

Сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации материалы показывают, что в итоге в работе съезда смогли принять участие 39 делегатов. Среди них были и те, кто проживал в Аргентине. Именно эта страна на съезде характеризовалась как «центр» Южноамериканского отдела СБОНР. Отдел оценивался как «сильный и работоспособный», несмотря на малочисленность членов[2].

Но деятельность отделов СБОНР постепенно затухала. Росли финансовые трудности, было прекращено снабжение литературой тех «точек работы», которые не предоставляли центру регулярных отчетов о распространении печатных изданий[3] (хотя в 1982 г. еще удалось провести девятый съезд СБОНР с участием представителей Северной Амери-

[1] Русское слово. – 1968, 7 декабря.
[2] ГАРФ. – Ф. 10015. – Оп. 1. – Д. 462. – Л. 4–5.
[3] Там же. – Ф. 10056. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 9.

ки, Австралии, Аргентины, Венесуэлы)[1]. Окончательно деятельность СБОНР прекратилась к середине 1980-х гг.

Таким образом, благодаря смещению политических центров русской диаспоры за океан Русское зарубежье в Аргентине оказалось в эпицентре идеологического противостояния периода холодной войны. Создав новые организационные структуры и воссоздав старые, эмигранты стали непосредственными участниками идейно-политического противостояния.

2.4. Оценка социально-экономических и политических процессов в Аргентине и странах Латинской Америки на страницах эмигрантской периодики

Исследовали уже не раз обращались к проблеме специфики политической культуры Аргентины. «Строителем новой Аргентины» часто называют известного мыслителя и политического деятеля XIX в. Д. Сармьенто. Именно он указал на причины формирования феномена аргентинского каудильизма, который сыграл большую роль в возникновении особенностей политической культуры страны. Ф. Сармьенто связывал его с тем, что центральной фигурой в сельской местности долгое время были гаучо: «Варварский образ жизни породил право на беззаконие. Среди аргентинцев установилось господство грубой силы, превосходство сильнейшего, возможность расправы без суда и следствия, безграничная и бесконтрольная власть тех, кто правит». Именно в этом он видел социальные корни каудильизма – невозможность духовной жизни в пампе, отсутствие общественных дел. «Там, где не было общества, – подчеркивал Ф. Сармьенто, – там человек, наделенный незаурядными способностями, самоутверждался, став или преступником,

[1] Борьба. – 1982. – № 183–186. – С. 1.

или каудильо»[1]. Данные обстоятельства следует учитывать и при анализе специфике политической ситуации в Аргентине во второй половине XX в.

Конец Второй мировой войны застал в Аргентине жесткий авторитарный режим, который решительно подавлял различные проявления оппозиционных настроений. Характерно, что в мае 1945 г. «Правда» со ссылкой на корреспондентов американских газет (в частности, «Нью-Йорк пост») заявляла об усилении в стране террора. Правительство Аргентины «захватило все телеграфные коммуникации», усилило цензуру, стремясь предотвратить опубликование за границей сообщений о «новых фашистских мероприятиях» в стране. Американские журналисты вынуждены были уезжать в Уругвай и оттуда передавать информацию о положении в Аргентине. Аргентина, как указывала «Правда», являлась единственной страной в Южной Америке, где не праздновалась капитуляция Германии[2]. Называя Аргентину «убежищем гитлеровских агентов»[3], ведущая газета СССР указывала, что к лету 1945 г. в стране имелось уже 14,5 тыс. политзаключенных[4].

В феврале 1946 г. на общенациональных выборах Президента победу одержал Хуан Доминго Перон. Его правительство повысило заработные платы, национализировало Центральный банк, выкупило у иностранного капитала железные дороги. Одновременно, как заявляли советские историки, была развернута «пропагандистская кампания социальной демагогии», рекламировалась теория «классовой гармонии» и «особого пути развития» Аргентины[5]. Тем не

[1] История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX вв. / отв. ред. и сост.е.А. Ларин. – М.: Наука, 2010. – С. 223.

[2] Правда. – 1945, 14 мая.

[3] Правда. – 1945, 19 мая.

[4] Правда. – 1945, 31 мая.

[5] Латинская Америка. Энциклопедический справочник. – Т. 1. – С. 267.

менее в этих условиях в июне 1946 г. были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом.

При этом на прибывавших в первые послевоенные годы в Аргентину русских эмигрантов эта страна производила впечатление благополучного и сытого края. Так, М.А. Гершельман в интервью, данном историку В.Ю. Черняеву, вспоминала: «[аргентинцы. – *Прим. авт.*] совершенно не знают, что такое голод. Выбрасывают хлеб. Вначале выбрасывали мясо недоеденное… Идем по ступенькам – хлеб валяется, куски колбасы. После голода видеть такое»[1]. «Аргентина была очень отсталая, но спокойная, приятная и такая какая-то уютная»[2], – давала свою оценку Т.А. Плищенко, приехавшая в страну практически одновременно с семьей Гершельман.

Как отмечает М.Н. Мосейкина, для русских в Латинской Америке «оказалась также ощутима разница в культуре повседневного быта местного населения, особенно после нескольких лет проживания в Европе, где эмигранты, несмотря на сложную экономическую ситуацию, привыкли к городским удобствам, развлечениям, организованному досугу. В Латинской Америке существовала заметная разница в уровне экономического и социокультурного развития»[3].

Как свидетельствуют мемуары старообрядцев, стремившихся переехать в Аргентину из Синьцзяна через Гонконг несколько позднее, в 1950-е гг., эта латиноамериканская страна имела достаточно позитивную репутацию. Один из них вспоминал: «Аргентина считалась покультурнее и побогаче [чем Бразилия. – *Прим. авт.*], там можно лучше жить, место лучше»[4].

---

[1] *Черняев В.Ю.* Голоса Русского Буэнос-Айреса. – С. 272.

[2] Там же. – С. 281.

[3] *Мосейкина М.Н.* Повседневность русской военной эмиграции первой волны в Латинской Америке: к вопросу о состоянии источниковой базы проблемы // Нансеновские чтения – 2012. – СПб, 2014. – С. 266.

[4] *Аргудяева В.В., Хисамутдинов А.А.* Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. – Владивосток: Дальнаука, 2013. – С. 261.

Русская эмиграция не могла быть изолирована от той ситуации, которая складывалась в Аргентине и других странах Латинской Америки. Особенности формирования и эволюции такого феномена, как перонизм, давно привлекают внимание исследователей[1]. В целом нужно отметить, что политический режим Перона импонировал многим русским эмигрантам. Протоиерей Д. Константинов, отмечая, что этот режим носил ярко выраженный авторитарный характер, при этом замечал: «Строй, с моей точки зрения, был неплохой»[2]. Издававшаяся Д. Константиновым газета «Новое слово» с 1951 г. получала финансовую помощь от правительства Аргентины, печатая официальную информацию Министерства пропаганды. Министерство государственной безопасности отмечало газету как «важный антикоммунистический фактор»[3].

Пожалуй, особенно импонировал режим Перона объединениям русской военной эмиграции. Так, бывшие чины Русского корпуса заявляли, что правительство Аргентины, «свободное от каких-либо прокоммунистических влияний», «действительно обеспечивает свободу политических взглядов и убеждений»[4].

С режимом Перона тесно связан был и Суворовский союз. По данным И.Н. Андрушкевича, тайная полиция Аргентины «Сексьон эспесиаль» не вмешивалась в дела Суворовского союза, каких-либо ограничений с ее стороны на проведение собраний и других мероприятий не было, а для поддержания связи с Б.А. Смысловским военным министерством Аргентины был выделен специальный офицер[5].

---

[1] *Horowitz J.* The Impact of Pre-1943 Labor Union Traditions on Peronism // Journal of Latin America Studies. – 1983. – Vol. 15. – Issue 1. – P. 101–116.

[2] *Константинов Д., протоиерей.* Через туннель XX столетия. – С. 390.

[3] Там же. – С. 412.

[4] По отделам Союза // Под белым крестом. – 1952. – № 2. – С. 16.

[5] Михайлов День 1-й // Журнал исторической России. – С. 196.

Сам являвшийся бывшим сотрудником абвера, Б.А. Хольмстон-Смысловский никогда не забывал о своей профессии контрразведчика. Он создал в среде русских эмигрантов разветвленную сеть информаторов, на что, по некоторым сведениям, военное министерство Аргентины выделяло ему необходимые финансовые средства. Члены Суворовского союза привлекались также для изучения прибывших в страну «ди-пи», а самые проверенные лица Б.А. Смысловского вели наблюдение за советскими учреждениями в стране, используя для этого автотранспорт, предоставленный «Сексьон эспесиаль»[1]. По данным В.И. Голдина, Б.А. Хольмстон-Смысловский являлся даже советником правительства Аргентины по борьбе с терроризмом[2].

Лидеры Суворовского союза называли Перона «мудрым и прозорливым политическим деятелем», который «поднимал престиж нации»[3]. Более того в 1951 г. они же прямо заявляли, что аргентинский народ (от лица которого недавно приехавшие в страну россияне считали возможным говорить!) «требует продления полномочий своего Президента, генерала Перона». «Вождь, который вывел Аргентину из полуколониального состояния, – заявляли Б.А. Хольмстон-Смысловский и его товарищи. – Пусть же и в дальнейшем будет ясен его путь, согреваемый Солнцем, эмблема которого неслучайно изображена на национальном знамени прекрасной Страны»[4].

Большими симпатиями русской эмиграции пользовалась и супруга президента Эва Дуарте Перон. Ее тяжелая болезнь, закончившаяся кончиной в 1952 г., была встречена с болью многими эмигрантами, даже иерархами Русской православной церкви за границей. Характерно, что в кафед-

---

[1] Михайлов День 1-й // Журнал исторической России. – С. 196.

[2] *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. – Архангельск–Мурманск: СОЛТИ, 2005. – С. 544.

[3] Суворовец. – 1950, 25 февраля.

[4] Суворовец. – 1951, 9 июня.

ральном соборе Воскресения Христова в Буэнос-Айресе сам Владыка Иоасаф совершал молебны о выздоровлении Эвы Перон[1]. После кончины Э. Перон ее некрологи были помещены на страницах «Православного слова» и некоторых других эмигрантских периодических изданий. «Покойная не была просто супругой Главы Государства, – писали русские эмигранты, – она была его первой помощницей в делах и мероприятиях, касавшихся проведения в жизнь перонистской доктрины социальной справедливости. Работая на благо своего народа, покойная была также истинным другом всех страждущих и обездоленных. Голодающие, претерпевшие стихийные бедствия, землетрясения, наводнения, засухи и пр., и, наконец, беженцы, лишенные родного очага и бегущие от красной опасности – все они находили место в ее любвеобильном сердце…»[2].

Все вышеприведенные оценки объясняют, почему падение власти Хуана Д. Перона в результате военного переворота сентября 1955 г. воспринималось этой частью эмиграции как трагедия. Д. Константинов, например, заявлял: «Весьма странное и неожиданное свержение режима генерала Перона, носившее явные следы иностранного вмешательства, замена умеренного авторитарного режима достаточно кровавой «демократической диктатурой», вызвало восторг у зажиточных слоев аргентинского общества, но отнюдь не у аргентинского рабочего класса, а особенно у тех, кто недавно попал в Аргентину после войны. Во всяком случае, Перон не проливал крови своих соотечественников и добровольно отказался от власти, не желая вызывать кровопролитие. Но пришедший на смену ему адмирал Рохос, видимо не случайно, заслужил кличку «кровавый Рохос». В экономическом отношении смена власти привела к со-

[1] В Аргентинской епархии // Православное слово. – 1952. – № 14. – С. 13.

[2] Православное слово. – 1952. – № 15. – С. 15.

вершенно дикому поднятию цен»[1]. Заметим, что с оценками Д. Константинова во многом были солидарны и советские историки, которые указывали, что временные правительства генерала Э. Лонарди (1955) и генерала П.Э. Арамбуру (1955–1958) «открыто защищали интересы буржуазно-помещичьей верхушки и иностранных монополий»[2].

Совершенно иначе оценивался режим Перона теми антикоммунистами, кто принадлежал к левой части эмиграции. В 1940–1950-е гг. центральное место в российской анархической эмиграции занимал издававшийся в Нью-Йорке журнал «Дело труда. Пробуждение», вокруг редакции которого объединялись основные группы анархистов. Поскольку в 1920-е гг. анархизм был заметным явлением и в среде выходцев из России, проживавших в Аргентине, то редакция «Дело труда. Пробуждение» следила за развитием ситуации в этой стране. Один из авторов журнала И. Ломоть прямо называл Перона «диктатором», который «ликвидировал все либеральные прогрессивные течения». Интересно, что именно с этим анархистский публицист связывал и успехи в Аргентине советской политики репатриации 1950-х гг., поскольку в условиях отсутствия левых альтернатив часть эмиграции оказалась восприимчива к лозунгам коммунистической пропаганды[3].

Антикоммунистическая часть русской эмиграции негативно оценивала внешнюю политику СССР, как в период обострения международной напряженности конца 1940-х – начала 1950-х гг., так и во второй половине 1950-х гг., в условиях провозглашенного советским руководством курса на «мирное сосуществование». Оценивая этот курс и отдель-

---

[1] *Константинов Д., протоиерей.* Через туннель XX столетия. – С. 437.

[2] Латинская Америка. Энциклопедический справочник. – Т. 1. – С. 268.

[3] *Ломоть И.* О возвращенцах в СССР // Дело труда. Пробуждение. – Нью-Йорк, 1956. – № 52. – С. 23.

ные его проявления как «очередной советский маневр»[1], они с сожалением фиксировали, что некоторые страны Латинской Америки (например, Мексика) шли навстречу Советскому Союзу, отказываясь вступать в НАТО. «Эта трагическая близорукость чревата большими и тяжелыми последствиями»[2], – сокрушались эмигранты.

Естественно, что просоветски настроенные средства массовой информации создавали весьма негативный образ политики США в Латинской Америке. Такой была, например, выходившая в Буэнос-Айресе «Наша газета», редактором которой являлся Я. Кривдик. На ее страницах доказывалось, что вся политика США в регионе была направлена на борьбу с идеями Кубинской революции. Базой для подготовки провокаций против Острова Свободы, по мнению «Нашей газеты», являлась Гватемала. Именно здесь находились «контрреволюционные банды»[3], которых США обеспечивала транспортными самолетами для организации десанта на Кубу. В то же время издание Я. Кривдика старалось доказать непрочность существовавшего в Гватемале проамериканского режима, наличие конфликтов внутри его политической элиты. Такие заголовки статей, как, например, «Марионетки шатаются»[4], должны были символизировать слабость тех сил в Латинской Америке, которые поддерживали политику США.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что социальные аспекты политики США в Латинской Америке оказывались вне поля зрения просоветски настроенной части диаспоры. Эти иммигранты создавали образ агрессивной, основанной на силовых методах, политики США в данном регионе.

---

[1] *Садовников С.* Очередная ошибка Свободного мира // Новое слово. – 1958. – № 303. – С. 1.

[2] Успехи Москвы в Южной Америке // Там же.

[3] Наша газета. – 1961, 2 марта.

[4] Там же.

Ситуация в экономике Аргентины к концу 1950-х гг., по мнению русских антикоммунистов, осложнялась той подрывной деятельностью, которую проводили в стране коммунисты и их союзники. Характерно, что Общекадетское объединение в Аргентине специально обратило внимание на проведенную в сентябре 1958 г. пресс-конференцию начальника федеральной полиции Буэнос-Айреса капитана Э. Вега. Последний отметил, что «главными подстрекателями молодежи» в ходе уличных беспорядков в столице Аргентины являлись «крайне левые элементы». «Ознакомив собравшихся с истинной антинародной природой коммунистического движения, их целей и методов, – заявляли деятели русской белой эмиграции, – г. Вега призвал аргентинских граждан бороться всеми силами с этим злом»[1].

Журнал «Кадетское письмо» заявлял, что коммунисты Аргентины пользовались финансовой поддержкой из-за рубежа. Они делали ставку на захват контроля над профсоюзным движение в стране, а также на создание «единого национального фронта», что, как указывала русская белая эмиграция, являлось «излюбленной» тактикой коммунистов. При этом «крайние левые» выступали как «защитники благородных интересов» (выступая за разоружение, контроль над оружием массового уничтожения и т.д.), используя эти лозунги для усиления своих позиций в борьбе за власть[2].

Ключевую идею начальника федеральной полиции Буэнос-Айреса, как подчеркивал журнал «Кадетское письмо» содержал призыв: «Обязанность каждого гражданина-демократа – открывать глаза народу на эту перманентно реальную опасность. Мы должны относиться критически к своим словам и поступкам, чтобы избежать хотя бы бессознательного пропагандирования прокоммунистических идей и

---

[1] *Владимиров В.* Коммунизм в Аргентине // Кадетское письмо. – 1958. – № 13. – С. 9.

[2] Там же.

взглядов, ибо наша слабость в том, что мы не отдаем себе отчета, насколько наш ум отравлен их идеями»[1]. После многочисленных стачек в 1959 г. произошел запрет деятельности Компартии Аргентины.

Однако беспорядки продолжались: только за 1959–1960 гг. бастовало около 3 млн чел. В августе 1960 г. полиция Буэнос-Айреса провела обыски в шести домах, где проходили собрания «крайне левых» элементов, в основном, иностранцев (выходцев из Гватемалы, Перу и Боливии). Одновременно прошел обыск в помещении Института Аргентино-болгарской культуры. В ходе всех этих мероприятий конфисковывалось много пропагандистской литературы, в том числе изданной в Советском Союзе[2]. Эта акция не была разовой. Русская антикоммунистическая пресса пыталась доказать, что коммунистическое подполье в Аргентине было весьма сильным, и полиции приходилось постоянно вести борьбу с ним. Уже в сентябре 1960 г. в Буэнос-Айресе было арестовано 14 видных коммунистов[3]. «Русское слово» доказывало, что местные коммунисты получали разнообразную помощь из СССР. На страницах газеты можно найти информацию и о противодействии правительства Аргентины тем акциям, которые проводил Советский Союз. В частности, в мае 1963 г. флот Аргентины стоял «на страже» в устье Ла-Платы вследствие появления здесь советской рыбачьей флотилии[4].

На страницах газеты «Русское слово» показывалась глубина того социально-экономического и внутриполитического кризиса, который охватил Аргентину в начале 1960-х гг. «Русское слово» отмечало, что за 1958–1963 гг. в стране

---

[1] *Владимиров В.* Коммунизм в Аргентине // Кадетское письмо. – 1958. – № 13. – С. 9.

[2] Русское слово. – 1960, 19 августа.

[3] Русское слово. – 1960, 30 сентября.

[4] Русское слово. – 1963, 24 мая.

сменилось 129 министров[1]. Уже к июлю 1962 г. курс национальной валюты опустился до 135 песо за доллар. Причинами этой ситуации антикоммунистическое издание считало «спекуляцию» и «злонамеренные слухи»[2].

Жившие в Аргентине русские эмигранты в начале 60-х гг. XX в. находились как на вулкане, мечтая вырваться куда-нибудь из ставшей столь нестабильной латиноамериканской страны. Уже упоминавшийся деятель НТС Ю.А. Герцог в личных письмах рисовал яркую картину того, как стремительно, с каждым месяцем ухудшалась социально-экономическая ситуация в Аргентине в начале 1960-х гг.: казалось, что все «покатится вверх тормашками»[3]. В марте 1962 г. А. Фрондиси был свергнут, у власти оказалось временное гражданско-военное правительство Х.М. Гидо. В 1962 г. страну сотрясала забастовка связистов, 10 млн писем ждали своих адресатов. В сентябре эту забастовку «сменило подобие гражданской войны» и, отмечал Ю.А. Герцог, «нам пришлось пережить несколько весьма тревожных дней… Ожидали даже бомбежки, но все прошло благополучно»[4]. Эти испытания негативно отражались на психологическом состоянии русских эмигрантов, некоторые из которых были уже немолодыми людьми.

Социально-политическая напряженность в Аргентине в те годы была связана с активностью левых сил. Конечно, таких антикоммунистов, как деятели НТС, все это не могло не беспокоить. Некоторые старые эмигранты, пережившие революцию и Гражданскую войну в России, опасались, что вихрь потрясений настигнет их и в Южной Америке. По словам Ю.А. Герцога, на настроения аргентинского общества, в ча-

---

[1] Русское слово. – 1963, 24 мая.

[2] Русское слово. – 1962, 6 июля.

[3] Ю.А. Герцог – В.М. Байдалакову. 08.09.1962 // GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 7.

[4] Ю.А. Герцог – В.М. Байдалакову. 24.09.1962 // Там же.

стности «улицы», повлияли события Карибского кризиса осени 1962 г. Люди, отмечал русский солидарист, увидели «воочию коммунистическую опасность». Тем не менее молодежь продолжала устраивать демонстрации в поддержку режима Ф. Кастро, которые пресекались полицией. Ю.А. Герцог поддерживал решительные действия последней по борьбе с революционным движением и даже заметил в письме В.М. Байдалакову: «Может быть, полувоенное положение даже поможет как-то навести какой-нибудь порядок»[1].

По мнению русской антикоммунистической прессы, активны были агенты стран «восточного блока» и в других странах региона. Так, в июле 1960 г. из Бразилии за шпионаж были высланы два члена Венгерской торговой миссии[2]. Обстановка в стране была весьма сложной, политическая система в Бразилии, как и в других странах региона, отличалась нестабильностью. Исследователи связывают это с тем, что в результате «догоняющей» модели индустриализации произошел резкий разрыв доходов различных социальных групп, национальная экономика сильно зависела от иностранных инвестиций и взятых кредитов, у находившихся у власти технократов отсутствовали четкие демократические убеждения[3].

К ситуации в Бразилии не раз обращались и публицисты ведущего антикоммунистического русскоязычного издания Латинской Америки – газеты «Наша страна». В декабре 1962 г. она обратила внимание на сообщение бразильской полиции, что в стране работают обученные в СССР и Китае специалисты по ведению партизанской войны. Именно они выполняли функции инструкторов местных партизанских

---

[1] Ю.А. Герцог – В.М. Байдалакову. 02.11.1962 // Там же.

[2] Русское слово. 1960. 22 июля.

[3] *Marcoff J., Baretta S.* Economic Crisis and Regime Change in Brazil: the 1960s and the 1980s // Comparative Politics. – 1990. – Vol. 22. – № 4. – P. 421–444.

отрядов. Эта ситуация, естественно, не могла не вызвать беспокойства США.

В этом состоянии внутриполитической нестабильности, связанной со сложным социально-экономическим положением и активизацией деятельности прокоммунистических сил, находились страны Латинской Америки в момент провозглашения президентом США Дж. Кеннеди программы «Союз ради прогресса», которая должна была стать основой для развития отношений со странами региона. Речь шла об экономической помощи многим странам региона, страдавшим от бедности и других социальных проблем. Орган русских монархистов «Наша страна» стремился доказать, насколько противоречивой была политика, осуществлявшаяся в Латинской Америке Дж. Кеннеди. Русские эмигранты обвиняли президента США в уступках по отношению к Советскому Союзу, были недовольны нерешительностью, которую проявлял Дж. Кеннеди в борьбе против Кубы. По их мнению, можно было говорить даже о «предательстве»[1], которое совершал президент США по отношению к делу освобождения Кубы.

Прежде всего, это выражалось в той линии, которую проводил Дж. Кеннеди в отношении кубинской контрреволюционной эмиграции. Из Буэнос-Айреса его обвиняли в отсутствии реальной помощи борцам против режима Ф. Кастро. Русский монархист В. Дубровский надеялся только на фактор общественного мнения, традиционно значимый для США. Призывая американское общество поддержать кубинскую политическую эмиграцию в США, он заявлял: «Будем надеяться, что оно (американское общество – прим. авторов), вопреки правительству, окажется тем фактором, который действенно поможет кубинским эмигрантам не сложить оружия в борьбе за свое отечество»[2]. Русская анти-

[1] *Дубровский В*. За неделю // Наша страна. – 1963, 24 апреля.
[2] *Дубровский В*. За неделю // Наша страна. – 1963, 16 апреля.

коммунистическая эмиграция еще и потому так сочувствовала борьбе кубинцев против режима Ф. Кастро, что чувствовала параллели между судьбами двух групп политических изгнанников. Оппоненты Ф. Кастро были такими же, как В. Дубровский, убежденными контрреволюционерами, которые вынуждены были покинуть свою родину в результате произошедшего в ней социально-политического переворота.

Публицист Е.Э. Месснер, который являлся автором многочисленных статей, посвященных анализу новых тенденций мировой политики середины XX в., занимался изучением характера вооруженных конфликтов, когда на смену прямым столкновениям государств (как это имело место в двух мировых войнах) пришли локальные конфликты, которые Е.Э. Месснер лично мог наблюдать в Аргентине и Уругвае, где в то время действовали подпольные организации городских партизан марксистского толка.

Как полагал Е.Э. Месснер, целью пришедшего в СССР к власти Н.С. Хрущева было расколоть регион, «вбить клин» между входящими в него странами. И это, как утверждал Месснер, советскому лидеру удалось, свидетельством чего стала ситуация внутри Организации американских государств. Дело в том, что в условиях Карибского кризиса 1962 г. только шесть ее членов поддержали США в их блокаде Кубы, а 14 стран лишь «платонически» осудили режим Ф. Кастро[1]. Таким образом, вопрос об отношении к политике США усиливал центробежные тенденции в Латинской Америке.

Впрочем, наряду с этим Е.Э. Месснер видел и позитивные, с точки зрения антикоммуниста, процессы в странах региона. Речь шла об эволюции общественного сознания, которая, по его мнению, особенно ярко проявлялась в молодежной среде: «Студенты стали правее своих либеральных и социалистических профессоров». В качестве примера он

---

[1] *Месснер Е.* Семь «измов» в 1962 г. // Наша страна. – 1962, 25 декабря.

приводил Университет Буэнос-Айреса, где благодаря усилиям студентов должности стали получать консервативно настроенные профессора[1]. Е.Э. Месснер видел будущее за противниками коммунистического пути развития стран Латинской Америки, что во многом, по его мнению, зависело от политики США в регионе.

Русские антикоммунисты обвиняли политическую элиту США в излишней уступчивости по отношению к СССР, нежелании поддерживать решительных противников советской политики, среди которых был, например, президент Гватемалы Х. Игидорас, «верный друг США и ярый антикоммунист».

Острой и злободневной темой для антикоммунистической эмиграции, оставалась кубинская революция и ее влияние по политические процесс в странах Латинской Америки. При этом подчеркивалась «неблагодарность» Кубы, которая получила независимость благодаря «великодушию» США, давших острову свободу после победы в войне с Испанией в конце XIX в. К тому же указывалось на тот вклад, которые внесли американцы в развитие экономики и социально-культурной инфраструктуры Кубы. На американские деньги в Гаване были построены отели, казино, банки, дворцы и т.д. Конечно, признавали русские антикоммунисты, американский бизнес при этом широко использовал природные богатства острова, его ресурсы. С сожалением указывалось и на то обстоятельство, что львиная доля этих инвестиций обогащала не нищее население страны, а ее политическую элиту. Однако следовало признать, полагали русские антикоммунисты, что в ряде случаев привлечение иностранного капитала создавало рабочие места, способствовало подъему местной промышленности.

[1] *Месснер Е.* Семь «измов» в 1962 г. // Наша страна. – 1962, 25 декабря.

В связи с событиями на Кубе возникала опасность их повторения в других странах Латинской Америки, которые могут последовать примеру Кубы, стремясь «загребать одной рукой миллиарды долларов от США, а другой получать от врагов США средства для проведения антиамериканской политики»[1]. И здесь вставал вопрос о том, насколько эффективна будет помощь США в рамках «Союза ради прогресса»? Не приведет ли это к тому, что на деньги налогоплательщиков США будут усиливаться прокоммунистические силы в Латинской Америке? Эмигранты требовали радикального решения кубинской проблемы, фактически призывая политическую элиту США провести военную операцию на Кубе[2].

По мнению монархиста Н. Казанцева, партизанская война вообще была едва ли не единственной формой вооруженного противостояния, возможной в тех условиях, поскольку альтернативой этому выступало применение оружия массового уничтожения, а этого опасались все акторы мировой политики. Поэтому так опасна была Куба, которая, по его мнению, к началу 1970-х гг. продолжала оставаться «главной базой герильи», и «задушить» ее могли только США[3]. Публицисты газеты «Русское слово» также считали именно Кубу международным центром, откуда осуществлялось руководство террористами во всем мире, заявляя при этом: «Скрытая и тайная гражданская война, идущая во всех странах мира, начинает принимать более явный характер»[4].

В 1970-е гг. внимание мировой общественности было приковано к Чили, где к власти пришло правительство С. Альенде. За этими событиями с тревогой следили и из

---

[1] Новое русское слово. – 1961, 3 августа.

[2] Там же.

[3] *Казанцев Н.* Иезуиты войны // Наша страна. – 1970, 12 мая.

[4] Русское слово. – 1972, 17 июня.

Аргентины. Так, по словам корреспондентов газеты «Русское слово», экономическая ситуация в Чили стремительно ухудшалась. «Правительство Альенде продолжает «национализировать» все попадающееся под руку и разруха растет, – указывали они. – Намеченная национализация транспорта вызвала всеобщую забастовку автобусов и шоферов, а затем, в виде манифестации сочувствия бастующим – закрытие всех торговых предприятий страны. Толпа атакует немногие магазины, дерзающие открывать двери, полиция разгоняет демонстрации… Дойдет ли до настоящей гражданской войны, пока еще сказать невозможно, но введены карточки на горючее и готовится карточная система на продовольствие». Вся эта ситуация прямо связывалась русскими правыми с пребыванием у власти в Чили левых сил: «Всегда и всюду одно и то же. Чем левее – тем хуже». При этом основная вина, как это обычно и делали русские правые, возлагалась ими на интеллигенцию: «Профессора и учащаяся молодежь как загипнотизированные тянут свои страны в помойную яму коммунизма»[1]. Заметим, что в трудах исследователей представлен, конечно, значительно более сложный образ социальных преобразований в Чили, показана их взаимосвязь с национальной политической культурой[2].

Русской монархической газете «Наша страна» ситуация в Чили напоминала Русскую революцию 1917 г. Называя С. Альенде «кандидатом масонов и коммунистов», Н. Казанцев выражал надежду, что «Господь Бог не оставит Чили», и вооруженные силы страны «возьмут власть в свои руки»[3]. Современные российские латиноамериканисты, ко-

---

[1] Русское слово. – 1972, 21 октября.

[2] *Arellano J.-P.* Social Policies in Chile: an Historical Review // Journal of Latin America Studies. – 1985. – Vol. 17. – Issue 2. – P. 397–418.

[3] *Казанцев Н.* Кандидат масонов и коммунистов // Наша страна. – 1970, 1 сентября.

нечно, отмечают, что ситуация в стране была более сложной. Так, Л.В. Дьякова указывает, что программа Народного единства ставила своей главной задачей «построение социализма мирным путем, с учетом национальных особенностей Чили». Но «революционные экстремисты международного уровня, преследовавшие в чилийской ситуации свои интересы», «подталкивали правительство к ускорению темпов и расширению масштабов преобразований, не считаясь ни с какой объективной реальностью»[1]. В итоге, однако, прогноз Н. Казанцева полностью оправдался: власть в Чили оказалась у генерала А. Пиночета, которого нередко сопоставляли с другим знаменитым авторитарным лидером – португальцем А. Салазаром. Уход из жизни последнего был встречен на страницах «Нашей страны» некрологом, где он был назван «исключительным человеком», который «вел португальский корабль мудрой и сильной рукой»[2].

Проживавшие в Аргентине русские правые внимательно следили и за развитием событий в Уругвае. Как указывают современные российские исследователи, «Уругваю не удалось избежать печальной участи абсолютного большинства государств региона»[3]. В начале 1970-х гг. страна находилась фактически в состоянии гражданской войны. Наконец, по словам «Русского слова», «после многих предыханий и сомнений» в 1972 г. правительство нанесло удары по «коммунистически-анархической организации «тупаморас»[4]. В итоге в 1973 г. был распущен парламент и создана новая структура – Государственный совет. Приветствуя эти меры по борьбе с радикальной оппозицией, «Русская газе-

---

[1] *Дьякова Л.В.* Чилийская демократия: преемственность и перемены. – М.: ИЛА РАН, 2013. – С. 44-45.

[2] Наша страна. – 1970, 25 августа.

[3] Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены. – М.: ИЛА РАН, 2010. С. 7.

[4] Русское слово. – 1972, 3 июня.

та» заявляла: «Правительство Уругвайской республики проявляет твердую руку к политическим марксистским группам. Издано распоряжение о запрещении их деятельности. Полиции вменено в обязанность подавлять всякое прокоммунистическое выступление»[1]. Российские латиноамериканисты, однако, оценивают эти события как «президентский переворот»[2]. Ситуация в стране продолжала оставаться тяжелой и далее: в 1976–1985 гг. у власти находилась военная хунта, установившая «один из самых репрессивных режимов в Латинской Америке»[3]. Диктатура в Уругвае тех лет даже стала предметом теоретической полемики исследователей. Некоторые из них оценивали существовавший в стране режим как тоталитарный, другие говорили о «новом авторитаризме», для которого была характерна технократическая и «неперсонализированная» природа, связанная с традиционными латиноамериканскими паттернами[4]. Моральную оппозицию военной диктатуре здесь, как и в Чили и Бразилии, составляла католическая церковь, которая пыталась отстаивать права человека[5].

Сложной была ситуация в Боливии. После военного переворота 1964 г. и герильи на юге Боливии, поднятой Э. Че Геварой в 1967–1968 гг., к власти в 1970 г. пришел генерал Х. Торрес, начавший левые преобразования. Однако уже в следующем, 1971 г. в результате правого переворота у власти оказались военные во главе с У. Бансером. Это внушало

---

[1] Русская газета. – 1973. – № 111. – С. 2.

[2] Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены. – С. 7.

[3] Там же.

[4] *Sondrol P.* 1984 Revisited? A Re-Examination of Uruguay`s Military Dictatorship // Bulletin of Latin America Research. – 1992. – Vol. 11. – № 2. – P. 187–203.

[5] *Edmonds A.* Moral Authority and Authoritarianism: the Catholic Church and the Military Regime in Uruguay // Journal of Church and State. – 2014. – Vol. 56. – № 4. – P. 644–669.

русским правым некоторый оптимизм: по их заявлениям, власти Боливии предприняли «формальные шаги» против укрывавших террористов священников и монахинь. Так, в 1972 г. «Русское слово» с одобрением сообщало о публикации в Боливии нового закона, позволявшего арестовывать на неопределенное время всех лиц, замешанных в террористической деятельности. Таким образом, отмечали русские правые, намечалось «некое пробуждение от демократической спячки»[1]. Аналогичные шаги по борьбе с левой оппозицией, вызвавшие одобрение правой русской эмиграции, были предприняты и в Парагвае. Существовавший здесь в течение многих лет режим А. Стресснера был «лояльным солдатом» антикоммунистической борьбы США в регионе, о чем на Западе долгое время писалось довольно мало[2].

Развитие политических процессов в самой Аргентине в 1970-е гг. также внушало русским эмигрантам немало опасений. Политическая палитра страны становилась все более разнообразной, появлялись все новые партии, как иронически указывали русские правые, «ничем не отличающиеся друг от друга в смысле их «демократических» программ[3]. Непродуманной в этих условиях, по мнению русских правых, была социальная политика правительства, которое обещало повышение зарплат и пенсий, но «остается очень туманным, откуда правительство возьмет потребные для этого деньги»[4]. Мелкому бизнесу все труднее было справляться с увеличивающейся инфляцией в стране. Эти процессы происходили в условиях усиливавшейся активности рабочего движения, которое, как отмечали исследователи,

---

[1] Русское слово. – 1972, 17 июня.

[2] *Mora F.* The Forgotten Relationship: United States – Paraguay Relations, 1937–89 // Journal of Contemporary History. – 1998. – Vol. 33. – № 3. – P. 451–473.

[3] Русское слово. – 1972, 17 июня.

[4] Там же.

часто развивалось автономно, независимо от доминирующих в стране политических группировок[1].

Таким образом, русская эмиграция в Аргентине внимательно следила за теми процессами, которые протекали в странах Латинской Америки. Они видели в них отражение глобального противостояния эпохи холодной войны. Особое беспокойство у русской правой эмиграции вызывала Куба, ставшая, по их мнению, после 1959 г. главной базой герильи во всех странах региона.

---

[1] *James D*. Rationalization and Working Class Response: the Context and Limits of Factory Floor Activity in Argentina // Journal of Latin America Studies. – 1981. – Vol. 13. – Issue 2. – P. 375–402.

Протопресвитер Константин Изразцов

Члены Славянского союза (Буэнос-Айрес).
В первом ряду третий справа - П.П. Шостаковский

Театр Колон (Буэнос-Айрес)

Свято-Троицкий собор (Буэнос-Айрес)

Храм, освященный во имя Благовещения
Пресвятой Богородицы
(ныне - кафедральный храм Аргентинской епархии
Московской Патриархии, Буэнос-Айрес)

Празднование православной Пасхи местными жителями

Ярмарка в Буэнос-Айресе. Русская кухня

Памятник Святому Владимиру в Буэнос-Айресе
(установлен в 1988 г. в связи с тысячелетием Крещения Руси)

Памятная доска по случаю переименования площади Чаркес в площадь св. князя Владимира в честь 1000-летия Крещения Руси

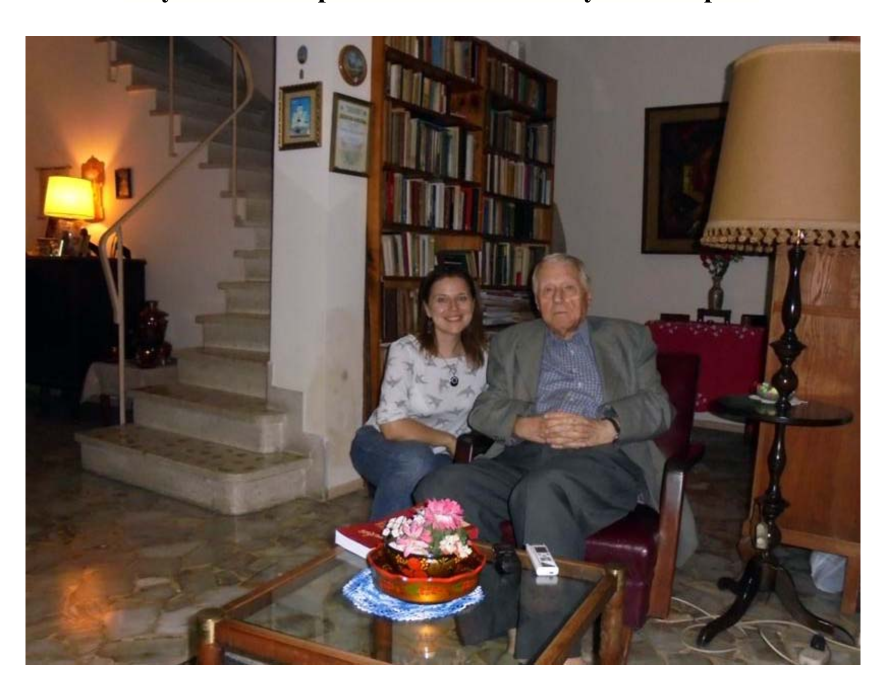
Акция «Бессмертный полк» в Буэнос-Айресе (второй справа - руководитель Клуба В. Маяковского Валерий Еремин)

День Победы (Буэнос-Айрес)

Клуб Владимира Маяковского в Буэнос-Айресе

Е. Голоусова в гостях у И.Н. Андрушкевича (декабрь 2016 г.)

Культурная жизнь русских в Аргентине

Культурная жизнь русских в Аргентине

Культурная жизнь русских в Аргентине

Глава III

РУССКИЙ МИР В СОВРЕМЕННОМ АРГЕНТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

3.1. На переломе эпох: наши соотечественники в Аргентине в конце 1980-х – 1990-е гг.

К середине 1980-х гг. продолжали существовать многие структуры Русского зарубежья в Аргентине. Так, в Большом Буэнос-Айресе функционировали храм Святой троицы, церковь в районе Кильмес, церковь в Темперлей, церковь Всех Святых Земли Русской в Киселаре, церковь Сергия Радонежского в Вилья-Бальестере. В провинции Мисьонес также стоял православный храм. Организация российских юных разведчиков, которая многие годы противостояла процессу ассимиляции русской эмигрантской молодежи, также продолжала свою деятельность. Занятия проводились по субботам: полдня шли уроки на русском языке, полдня уходило на спорт и игры. ОРЮР проводила летние лагеря в Патагонии.

Русские эмигранты в Аргентине достойно отметили 1000-летие Крещения Руси. По инициативе Администратора РПЦЗ в Аргентине протоиерея Владимира Скалон, было созвано «Совещание русских белых организаций в Аргентине» (в состав которого вошли практически все существовавшие на тот момент русские эмигрантские организации), которое собиралось дважды в месяц. Им был проведен ряд мероприятий, которые освещались аргентинской прессой. На этих мероприятиях выступал церковный хор под управ-

лением регента Е. Ларионовой, созданный при Русской субботней школе ОРЮР[1].

Как вспоминал И.Н. Андрушкевич, «особенно важно отметить два момента в тогдашних настроениях. Во-первых, все предчувствовали, что неумолимо наступает конец «семидесяти годам», но при этом все боялись, что наша страна будет расчленена, ибо для этого и была затеяна вся эта трагическая история. Во-вторых, все тогда понимали, что уже не время для расхождений, а тем паче для расколов»[2].

Последние остававшиеся в живых представители русской военной эмиграции продолжали хранить историческую память о старой России. В 1988 г. в Каракасе (Венесуэла) состоялся 11-й съезд русских кадет, на нем присутствовало 114 кадет и 118 их жен и вдов из США, Франции, Германии, Бразилии, Аргентины, Югославии.

При этом старая русская эмиграция весьма неоднозначно встретила перестройку М.С. Горбачева, о чем свидетельствуют материалы газеты «Наша страна», которую с 1982 г., после смерти Т.В. Дубровской, издавал ее брат М.В. Киреев. С одной стороны, редакция, позитивно относилась к тому, что в СССР широко было отмечено 1000-летие Крещения Руси. Неслучайно, в декабре 1988 г. «Наша страна» опубликовала «Слово» великого князя Владимира Кирилловича на юбилейном банкете Русской православной церкви заграницей, посвященное этому событию. Россия как государство, подчеркивал он, «родилось с православием и, отвернувшись от него, погибла: только через православие она может возродиться в этой прежней славе»[3].

---

[1] *Андрушкевич И.Н.* Во вторичной послевоенной эмиграции. – С. 229.

[2] *Андрушкевич И.Н.* Вся жизнь в эмиграции (свидетельские показания и воспоминания через призму восьми десятилетий) // Эмигранты и репатрианты XX века… – С. 147.

[3] Слово Его императорского Высочества великого князя Владимира Кирилловича // Наша страна. – 1988, 24 декабря.

С другой стороны, реформы руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым не вызывали оптимизма у русских монархистов Аргентины. Один из ведущих публицистов «Нашей страны» В. Рудинский весьма критически оценивал те идеологические трансформации, которые происходили в СССР в те годы. По его мнению, уже к 1988 г. можно было констатировать, что советская пропаганда зашла в тупик: «Миф о несгибаемом большевике, отсидевшем положенный срок в концлагере и первым делом по выходе начавшем хлопотать о возобновлении своего партбилета, обнаруживает серьезные изъяны»[1]. Раньше, отмечал он, все было ясно, теперь же разоблачения сталинизма, заявления о примате общечеловеческих ценностей серьезно усложнили задачи советского пропагандистского аппарата.

По мнению В. Рудинского, делить революцию на «якобы хороший строй» (при В.И. Ленине» и «плохой» при И.В. Сталине) было «лицемерным демагогическим приемом» советского руководства, который мог обмануть только «совершенно глупых обывателей». Народные массы, полагал он, в данный миф не верили, свидетельством чему были издевательские анекдоты «про Ильича», которые рассказывались по всей стране. Впрочем, выход из положения, в котором оказался Советский Союз к концу 1980-х гг., по мнению публициста «Нашей страны», был совершенно не оригинальным для данного издания: необходимо было возрождение в России монархии[2].

Весьма противоречивые оценки ситуации в СССР конца 1980-х гг. и мире в целом содержались в статье И.Н. Андрушкевича (который выступил под псевдонимом П. Несторов). По его мнению, перестройка стала «вынужденным ответом на материальную невозможность сохранения пари-

---

[1] *Рудинский В.* Подведение итогов // Наша страна. – 1988, 24 декабря.

[2] Там же.

тета» между Советским Союзом и США. По замыслу эта политика должна была устранить причины «застоя» в экономике, мешавшего достичь данного паритета, но одновременно данная ситуация использовалась «как козырь для получения помощи от иностранного мира» в проведении перестройки. Таким образом, доказывал автор, параллельно развивались как бы две «перестройки»: внутренняя – в СССР и международная – во все мире. В рамках второй «перестройки» США стремились построить новый мировой порядок, по мнению монархического публициста, в соответствии с идеей «пентархии», сформулированной Г. Киссинджером. При этом сам Г. Киссинджер показывал, что реально эта «пентархия» оборачивалась гегемонией США. Советский Союз в этих условиях все-таки стремился к многополярному миру, но ситуация к концу 1980-х гг. развивалась по иному сценарию[1].

Русские монархисты Аргентины с тревогой смотрели на развивавшийся в годы перестройки процесс распада единого государства. Уже в декабре 1989 г. В. Рудинский предвосхищал мрачное будущее посткоммунистической России. Он указывал, что «урезанная до пределов Московской области, Россия оказалась бы перед лицом неразрешимых проблем, экономических, политических и организационных, в условиях которых участь русского народа неизбежно выглядела бы куда как незавидно»[2]. Поэтому «Наша страна» критиковала позицию А.Д. Сахарова, который хотел «разрушить Российскую империю»[3].

Русские монархисты Аргентины полагали, что новая Россия должна быть «православным, соборным, правовым государством», основанным на земском (территориальном)

---

[1] *Несторов П.* [*Андрушкевич И.Н.*]. Две перестройки? // Наша страна. – 1989, 25 марта.

[2] *Рудинский В.* Запад и другая сторона // Наша страна. – 1989, 2 декабря.

[3] Наша страна. – 1989, 2 декабря.

представительстве. Во многом следуя за идеями дореволюционных монархистов-консерваторов, они предлагали ликвидировать монополию политических партий на выдвижение кандидатов в депутаты. Со страниц «Нашей страны» высказывалось мнение, что депутаты в посткоммунистической России должны были выдвигаться от любых групп граждан[1].

Параллельно поддерживалась идея проведения радикальных экономических реформ с целью, прежде всего, ликвидации колхозов и перехода к «единоличным» хозяйствам. Хозяйственные преобразования, по мнению русских монархистов, должны были способствовать и решению экологических проблем (например, ситуации, связанной с Аральским морем), о которых так много говорилось в годы перестройки[2].

В новой России, по их мнению, важную роль должна была играть армия, миссией которой было «защищать интересы «исторической России». Тем более, как отмечал Г.М. Моисеев, вернувшиеся из Афганистана части имели большой опыт боевых действий, состояли из «обстрелянных, в боях испытанных солдат и офицеров». Однако монархическую эмиграцию беспокоило то обстоятельство, что в этой армии было «30% нерусских».

«Нам нужна сильная сплоченная русская армия, с двуглавым орлом, с императорской кокардой, с трехцветным стягом, с русским офицерством»[3], – доказывал Г.М. Моисеев. Именно в декабре 1989 г., когда были написаны эти строки, в далекой Москве было решено обратить особое внимание на общины русских эмигрантов в разных странах мира. Прошло совещание консульских работников МИД СССР, которое приняло установку на поворот «лицом, и

---

[1] Наша страна. – 1989, 29 июля.

[2] *Рудинский В.* Оккупанты // Наша страна. – 1989, 16 декабря.

[3] *Моисеев Г.М.* Армия должна спасти Россию // Наша страна. – 1989, 2 декабря.

лицом человеческим» к зарубежным соотечественникам. Через год, в декабре 1990 г., председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин обратился к ним, доказывая, что новая Россия будет возрождать все то лучшее, что существовало в стране до Октября 1917 г.[1] При Президиуме Верховного Совета РСФСР была создана комиссия по вопросам зарубежных соотечественников. Только в Москве действовало около 40 фондов, ориентированных на взаимодействие с ними. В стране вступил в действие новый Закон о гражданстве, который допускал двойное гражданство.

Задача сохранения русской идентичности нередко продолжало сочеталась с негативным отношением к Западу, которое принимало антиглобалистский характер. Так, Н. Кусаков заявлял: «Весь мир подчинен философии Запада… Это она, после столетий тайного проникновения в душу человека, через воспитание гордыни атеизма путями диалектики, привела к категорическому императиву всемирной революции… И вот именно путями этой-то революции человечество оказалось ввергнуто в неслыханное замешательство… Философия Запада провалилась»[2].

Окончание холодной войны сопровождалось ликвидацией коммунистического режима в СССР. Это событие, конечно, было позитивно встречено лидерами старой русской эмиграции в Аргентине. В 1993 г. «Совещание русских белых организаций в Аргентине» выступило с официальным заявлением о необходимости полного «восстановления политического строя России», а также выразило мнение русской белой эмиграции по вопросам внешней политики России и проходивших там экономических реформ[3].

---

[1] *Ермоленко В.Г., Анучкин-Тимофеев А.С.* Россияне за рубежом: проблемы и перспективы // Дипломатический вестник. – 1993. – № 5-6. – С. 63.

[2] *Кусаков Н.* (Буэнос-Айрес). Запад, Восток и Оптина Пустынь // Вече. – Мюнхен, 1990. – № 40. – С. 180–181.

[3] *Кусаков Н.* Вся жизнь в эмиграции (свидетельские показания и воспоминания через призму восьми десятилетий) // Эмигранты и репатрианты XX века… – С. 148.

Распад СССР сказался на положении тех наших представителей славянских общин Аргентины, которые традиционно ориентировались на связи с Родиной предков. Так, в изданиях МИД РФ указывалось, что лидеры связанных с ними структур стали подвергаться «нападкам со стороны националистически настроенных кругов украинской эмиграции»[1].

Особую активность представители украинских националистов проявляли в провинции Мисьонес, где они пытались помешать подъему российского флага на Дне эмигранта, проводили деятельность, направленную на «раскол в российски ориентированных организациях местной славянской колонии». По заявлениям изданий МИД РФ, уже тогда этому во многом способствовала и позиция официальных властей Украины[2].

Тот факт, что наиболее заметны были именно украинские объединения, конечно, не случаен: по данным историков из этой страны, именно украинцы составляли в Аргентине наиболее многочисленную славянскую диаспору[3].

Таким образом, переломный для нашей страны период конца 1980-х – 1990-х гг. не мог не оказать влияние и на судьбы Русского зарубежья в Аргентине. Распад единого государства сделал практически невозможной для метрополии использовать потенциал славянских диаспор, на который в течение многих лет опирался Советский Союз. Вместе с тем именно в 1990-е гг. в МИД РФ все активнее начинают говорить о необходимости внимания к зарубежным соотечественникам, которые должны были стать для российской дипломатии важным ресурсом в новой геополитической ситуации.

---

[1] *Полоскова Т.В.* Русские в Аргентине // Дипломатический вестник. – 1998. – № 1. – С. 41.

[2] Там же.

[3] Зарубіжні украінці. – Киев, 1991. – С. 140.

3.2. Современная русскоязычная диаспора Аргентины: специфика формирования и адаптация

1990-е гг. стали периодом формирования феномена «нового российского зарубежья». Затронул он и Аргентину. После распада СССР берет свое начало новая волна эмиграции из России и других стран постсоветского пространства. Для периода 1990-х гг. стала типичной так называемая «стрессовая миграция», что было связано с усилением выталкивающих факторов социального, экономического и политического характера. Люди уезжали из страны из-за безработицы, невыплаты зарплат и т.д., что стало обычным явлением в постсоветских странах. Кроме того, в 1990-е гг. в Аргентину возвращались выпускники советских вузов со своими семьями; среди членов таких семей преобладали женщины с образованием (прежде всего врачи и учителя).

Именно в Аргентине находятся в настоящее время основные русскоязычные общины стран Латинской Америки. Специфика русскоязычной диаспоры в Аргентине заключается в том, что она разнообразна по своему составу, этническим, возрастным и профессиональным характеристикам. По данным национальной переписи 2011 г., от 100 до 300 тыс. человек в той или иной степени знают русский язык и идентифицируют себя как русские с русскими корнями, а также выходцы из бывших советских республик. Для старших возрастных групп характерно наибольшее количество женщин. В процентном соотношении ориентировочно – 60 на 40[1].

По мнению Валерия Кучерова, бывшего руководителя представительства Россотрудничества в Аргентине, «общее количество представителей русскоязычной диаспоры оце-

---

[1] *Рязанцев С.В., Храмова М.*Н. Современное состояние и перспективы русскоговорящих общин в странах Латинской Америки // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2016. – № 6. – С. 10–11.

нивается примерно в 300 000 человек. Получить точную цифру невозможно, поскольку все выходцы из России и бывших республик Советского Союза изначально были зарегистрированы как ruso («русские»)» [1].

Со временем ситуация с миграцией за океан стабилизировалась, увеличилось число каналов миграции. Сегодня эмиграцию в страны Латинской Америки можно отождествить с «брачной», трудовой, «образовательной», «академической» миграциями.

К настоящему времени большинство стран Латинской Америки, включая Аргентину, отменили визовые требования для российских туристов. Это сделало особенно в последнее время страны Латинской Америки популярной целью переселения для россиян. Только в Москве в 1997 г., например, действовало шесть фирм, специализировавшихся на оказании услуг по иммиграции в Аргентину.

Иммиграционная политика ряда латиноамериканских стран в последние годы была направлена на привлечение иностранных инвестиций и высококвалифицированных специалистов. В частности, в 1990-х гг. правительство ввело упрощенные условия предоставления вида на жительство сроком на один год с возможностью продления и получения постоянного вида на жительство после 3 лет проживания в стране[2]. После 2008 г. власти Аргентины расширили круг причин, которые дают право на скорейшее получение гражданства. Кроме того, Аргентина, как и Бразилия предоставляет возможность получения бесплатного образования в университетах. В результате в последние десятилетия молодежь составляет еще больший процент среди иммигрантов в страны Латинской Америки. В последние годы наметилась четкая тенденция к привлечению сюда высококвалифицированных российских специалистов, в том числе из респуб-

[1] Личный архив Е.С. Голоусовой (декабрь 2016 г.).
[2] Там же.

лик бывшего СССР. По данным МИД РФ, по уровню образования русскоязычные сообщества дифференцированы. «В европейских и классических странах иммиграции зачастую русскоязычное население имеет высокий уровень образования и относится к среднему классу». Аргентина не стала исключением. Здесь «большинство взрослых соотечественников имеют высшее или среднее специальное образование»[1].

Современные эмигранты из России и постсоветского пространства предпочитают оседать в крупных городах. «Самые многочисленные поселения в Буэнос-Айресе, Мар-дель-Плата, Барилоче. Здесь есть русские церкви, магазины, русские рестораны. Типичный бизнес для приехавших – это открыть свой небольшой магазин продуктов, киоск, прачечную, парикмахерскую, ремонтную мастерскую»[2]. Наряду с Буэнос-Айресом, еще одним центром, где сконцентрировано большое количество представителей русскоговорящей диаспоры, стал курортный городок Мар-дель-Плата, где проживают много русских рыбаков, людей с мореходным образованием. Эти люди в основном устраивают туристические прогулки по океану, рыбную ловлю, а также занимаются продажей сушеной и копченой рыбы[3].

На сайте форума для эмигрантов в Аргентине можно найти следующий совет для желающих примкнуть к русской диаспоре: «У вас есть три пути к успеху. Первый – получить аргентинское образование и долго искать высокооплачиваемую работу. Второй – объединить соотечественников в рамках собственной компании. И третий – самому примкнуть к коллективу уже существующего российского

---

[1] *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Очирова Г.Н.* Русскоязычное население в странах дальнего зарубежья // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – № 14 (5). – С. 93.

[2] Как живут русские в Аргентине. – URL: https://filaretuos.livejournal.com/59069.html (дата обращения: 13.04.2022).

[3] Там же.

издательства, дома культуры или досугового центра, где вы сможете общаться на родном языке»[1].

По прибытии в страну начинался трудный процесс адаптации. Одним из важных факторов адаптации, была потенциальная готовность прибывшего в страну эмигранта к смене социального статуса. Приезжавшие получали годовую визу, но их часто принимали на работу с нарушением законов, увольняли, не заплатив заработную плату. В результате новые русские эмигранты работали в Аргентине чернорабочими, горничными и т.д. При этом, как справедливо было замечено проживающей в этой стране с 1996 г. Натальей И., «порой именно женщины готовы браться за самую тяжелую работу на первых порах – мыть полы, развозить тележки с горячими напитками, это не воспринимается как что-то зазорное».

Важный момент, связанный с адаптацией и аккультурацией мигрантов – это, собственно, их уровень подготовки к жизни в стране с другой культурой, психологическая зрелость. Современные мигранты зачастую приезжают, уже имея знание языка, представление о стране и в ряде случаях – желание заявить о себе на профессиональном уровне. Практика показывает, что легче справляются с культурным шоком те, кто в меньшей степени склонен романтизировать жизнь вдали от Родины, кто руководствуется реальными знаниями о новой жизни и кто обладает высоким уровнем мотивации[2]. Когда решение эмигрировать принимается человеком не под влиянием внешних факторов, а в результате перемен, происходящих в жизни, то психологическая адаптация будет проходить легче. Подтверждение данного тези-

---

[1] Русская диаспора в Аргентине: как живется мигрантам. – URL: https://migrant-fms.ru/amerika/argentina/russkaya-diaspora-v-argentine-kak-zhivyotsya-migrantam (дата обращения: 23.01.2022).

[2] *Лебедева Н.М.* Русская эмиграция в зеркале психологии // Эмиграция и репатриация в России. – М.: Попечительство о нуждах рос. репатриантов, 2001. – С. 151.

са мы находим у Берри, который полагает, что люди, добровольно идущие на контакт с новой культурой, скорее всего, будут испытывать меньше трудностей с точки зрения адаптации, их видение ситуации будет более позитивным[1]. Тому пример – история нашей соотечественницы Александры С. (проживает в Аргентине с 2008 г.), которая влюбилась в местную культуру, выучила язык, а сегодня занимается организацией экскурсий для туристов из России. Она отмечает: «Конечно, есть вещи, к которым сложно привыкнуть, все равно разница менталитетов ощущается, например, с точки зрения бытового общения у аргентинцев есть свои особенности. Но все зависит от мотивации, от настроя, от личного интереса. Если человек хочет встроиться в культурную среду, то он этого добьется»[2].

Важную роль в кросс-культурной адаптации играет и лингвистическая компетенция – умение выстраивать коммуникацию с местными жителями на их родном языке. Например, для иммигрантов первой и второй волн, их незнание испанского языка оказалось серьезной проблемой. Современное поколение в этом плане отличается от своих предшественников. Кто-то начинает учить язык еще до переезда, кто-то осваивает его уже находясь в новой культурной среде. Так, наша соотечественница Елена М. с 2009 г. проживающая в Латинской Америке (Сантьяго, Чили), самостоятельно выучила испанский язык уже после своего переезда в новую страну. Более того, Елена не только смогла адаптироваться к местным социально-культурным условиям, но и открыла своей Youtube канал, посвященный фитнесу и здоровому образу жизни[3], став популярным и

---

[1] *Berry J.W.* Immigrant youth: Aculturation, identity and adaptation JO – Applied Psychology // An International Review. –2006. – № 55 (3). – P. 303–332.

[2] Из интервью с Александрой С. // Личный архив Е.С. Голоусовой.

[3] YouTube канал Елены Маловой. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=JOWNIQLW4Jo (дата обращения: 5.02.2022).

востребованным фитнес-инструктором по йоге. Помимо советов профессионального характера Елена периодически делится своими впечатлениями о жизни в Чили, вместе со своим супругом Марсело записывает видео обзоры об особенностях чилийской культуры, традициях и обычаях, а также о том, что ее удивило, когда она п впервые приехала в Латинскую Америку. Например, в одном из видео Елена делится своими впечатления о том, как проходила ее адаптация в местной культуре: «В целом, мне было не сложно, я очень быстро адаптировалась. Единственное, к чему поначалу было сложно привыкнуть – это к тому, что в Чили (как и в большинстве стран Латинской Америки) принято приветствовать людей, порой даже незнакомых, с помощью объятий и поцелуев. Это было немного непривычно для меня, потому что в России мы обычно так не делаем, если только речь не идет о близких друзьях и родственниках»[1].

Вероятно, быстрой адаптации девушки к жизни в новой культуре способствовал целый ряд факторов, в том числе высокий уровень мотивации, ее личная заинтересованность (она приехала в Чили, чтобы воссоединиться со своим женихом), а также наличие крос-культурной гибкости, что позволило ей быстро встроиться в местную социокультурную среду.

Немаловажную роль играет и наличие образования. В наиболее выгодном положении с точки зрения адаптации находятся те, кто получил образование в одном из местных учебных заведений. Если говорить о новом поколении мигрантов в целом, то многие представители современной молодежи, понимая преимущества образовательной миграции, стремятся получить степень бакалавра или магистра уже находясь в другой стране, чтобы было легче встраиваться в новое культурное пространство. Также есть один вариант –

[1] Vlog #4: de Rusia a Chile, cómo nos conocimos, adaptación, nuestro día. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=XvYd9BleL8M (дата обращения: 2.05.2021).

переучиться, получить дополнительный диплом университета той страны, куда приехал. Например, Наталья (более 20 лет живет в Аргентине), имея на руках диплом своего родного университета, поступила в Университет Буэнос-Айреса и после его успешного окончания стала специалистом в области юридического перевода.

Что касается возрастного фактора то, по мнению Путятовой, «усвоение новых социальных ролей быстрее проходит у представителей молодого поколения: «Молодежь, свободно говорящая по-испански, по образу жизни, манерам и обычаям становилась по-настоящему аргентинцами»[1]. Более того, именно дети и подростки легче привыкали к новым климатическим условиям. «Их не пугают грозы, к лишениям они привыкли, они любят землю и равнодушно внимают старикам-родителям. Им непонятна тоска отцов, связанная с потерей родины, в то время как представители старшего поколения испытывают ностальгию по привычным природным условиям, быту и характеру труда» [2].

Поддержка членов семьи и, в целом, наличие благоприятной обстановки и добрых взаимоотношений с родными, на наш взгляд, способствует более мягкой адаптации и быстрому преодолению культурного шока. Как уже отмечалось, одной из серьезных проблем в жизни каждого иммигранта является изменение социокультурного окружения, разрыв родственных и дружеских связей. Типичные ощущения, особенно на первых порах, – это чувство тоски и одиночества. Данное обстоятельство порождает целый ряд проблем, затрагивающих морально-нравственную сферу существования индивида[3]. Более того, жизненно важным как для отдельного индивида, так и для членов диаспоры в целом, становится обретение новых друзей, знакомых, –

---

[1] *Путятова Э.Г.* Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX – начало XX в.) // Латинская Америка. – 2005. – № 7. – С. 75–81.

[2] Там же.

[3] Там же.

тех, с кем иммигрант может себя идентифицировать и к кому может обратиться трудную минуту. Приведем в пример фрагмент из мемуаров директора Русского дома в Мар-дель-Плата Анны Строгановой которая вспоминает свой первый приезд в Буэнос-Айрес в 1965 г.: «...Наконец-то мое желание сбылось. Я и моя маленькая дочь Сильвана (которая позже стала известным кинорежиссером и документалистом) познакомились с Василием – нашим мужем и отцом. Чувствуется запах жары и дыма от мусора»[1].

На новом месте каждый старается приспособиться как может, освоить новую профессию. Большая удача, если человеку удается найти применения своим профессиональным компетенциям и сохранить социальный статус. «Представители диаспоры даже в Буэнос-Айресе – городе возможностей, сталкиваются с тем, что успешная работа в Аргентине – совсем не то же самое, что собственный бизнес в этой стране. Многие приезжие не могут устроиться ни в частные, ни в государственные заведения либо получают там очень мало. А вот у тех, кто готов взять бразды правления компанией в свои руки, шансов преуспеть намного больше»[2].

Часто у эмигрантов уходят годы на освоение новой профессии, на создание своего круга знакомств. Так, Екатерина вместе с мужем Владимиром рассказывает о том, как ее семья переехала в Аргентину в 1996 г.: «Мы приехали сюда и думали о том, что пробудем здесь года 3–4, а потом вернемся в Россию. С собой привезли сына, он здесь пошел в школу. Мы взяли с собой $ 20 000 долларов на первое время. $ 10 000 долларов потратили сразу на аренду и на мебель. Определили сына в платную англо-русскую школу. Начало, как и у всех эмигрантов, наверное, было не простое.

---

[1] Открытое письмо в адрес «Русского дома» в г. Мар-дель-Плата (Аргентина) // Личный архив Е.С. Голоусовой.

[2] Русская диаспора в Аргентине: как живется мигрантам. – URL: https://migrant-fms.ru/amerika/argentina/russkaya-diaspora-v-argentine-kak-zhivyotsya-migrantam (дата обращения: 23.04.2021).

По-испански мы не говорили вообще. Знали только слова из песни “Besame mucho”. Да, было тяжело. Мы по образованию юристы, но здесь эти знания не пригодились, потому что отсутствовала языковая база. Тяжело погружаться в мир, в котором ты совершенно не ориентируешься, ничего не понимаешь. Работы не было. Нашлась женщина, которая помогла Володе (мужу) устроиться маляром. Хотя ни разу не держал в руках малярную кисточку. И он согласился, потому что за любую возможность нужно было хвататься. Надо же на что-то жить, сына чем-то кормить, самим чем-то питаться. Помню, что было время, когда мы жили при свечах, потому что нечем было платить за электричество, телефон работал только на входящие звонки. Мы даже продукты какое-то время брали в долг, под запись, в местной продуктовой лавке. Но прошло время, жизнь потихоньку наладилась. Я стала мастером по маникюру, педикюру, Володя стал парикмахером. Он прошел курсы, вспомнил, что когда-то умел стричь. Вернуться в Россию желания не было. У нас там ничего не осталось. Мы понимали, что еще раз пережить такое испытание, как переезд и обоснование на новом месте, мы просто не сможем. Сегодня у нас есть парикмахерская, мы не зарабатываем миллион, но на жизнь хватает» [1].

Эмиграция зачастую бывает вызвана причинами личного характера. Например, Александра, проживающая в Аргентине с 2009 г., никогда не задумывалась о переезде: «В моем случае все получилось совершенно спонтанно. Я жила в Москве, работала в крупной туристической компании и не планировали никуда уезжать. Но вот так получилось, что познакомилась с молодым человека из Аргентины, который впоследствии стал моим мужем. И я приняла решение переехать в Аргентину. Я тогда ничего не знала о

[1] Жизнь за границей. Эмигранты в Аргентине. Васильевы. – Ч. I. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=E4U2yZviOMQ (дата обращения: 1.06.2022).

Латинской Америке. Первый раз сюда прилетела, мы путешествовали по стране, я вернулась в Россию, закрыла все дела и уже после этого переехала сюда. Но это получилось, потому что появился в жизни такой человек»[1].

Как, наверное, у многих соотечественников, у Александры на самом начальном этапе жизни в Аргентине возникали трудности с испанским, хотя до переезда она учила язык в Москве в Институте Сервантеса.

«Да, мне тогда нужно было много усилий приложить, – вспоминает Александра, – я учила историю города на испанском, переводила на русский, готовила маршруты. Я помню, что перед собеседованием со своей будущем начальницей я очень волновалась. Меня очень поддерживал мой муж, он подробно прописал ответы на всевозможные вопросы от работодателя. И в итоге меня взяли на работу».

Сегодня Александра водит экскурсии для туристов из России. По словам девушки, люди приезжают в Аргентину по самым разным причинам. Если говорить непосредственно о соотечественниках из России, то кто-то едет целенаправленно, чтобы обосноваться здесь, кто-то рассматривает Аргентину исключительно как перевалочный пункт, а затем планирует двинуться в США или Канаду. В последнее время обозначилась тенденция ехать сюда на роды. Приезжают молодые пары, девушки рожают здесь ребенка, и он автоматически становится гражданином Аргентины. И родители получают вид на жительство по упрощенной схеме. Приезжают также представители сексуальных меньшинств, члены различных религиозных общин. Александра размышляет: «Я думаю, что Аргентина привлекательна, прежде всего, своим толерантным отношениям к приезжим. Во-первых, кто такие аргентинцы – это те же самые мигранты из Европы. Например, родня моего мужа имеет испанские и итальянские корни. Также, во-вторых, с точки зрения легализа-

[1] Из личного архива Е.С. Голоусовой.

ции нет никаких проблем. Например, я получила документы не потому, что у меня муж аргентинец и не благодаря каким-то связям. Я работала, платила налоги и подала запрос на получение постоянной резиденции. А затем получила гражданство. Теперь я гражданка Аргентины»[1].

Если говорить о сопоставлении наших культур, то, по мнению Александры, в Аргентине иное восприятие гендерных ролей: «Вообще здесь женщины более эмансипированные. У нас в России все-таки доминирует роль женщины-хранительница домашнего очага. Прежде всего женщина должна состояться как жена и хозяйка. А профессиональное развитие – это не так важно. Здесь все – по-другому. В Аргентине многие женщины работают, особенно если мы говорим о представителях среднего классе. Ближе к 30 годам девушка начинает задумываться о детях. И после родов почти сразу же выходит на работу. В 45 дней ребеночка можно отдать в ясли. Принято оставлять детей на няню. Например, моя свекровь вышла на работу, когда ее сыну (моему мужу) исполнилось всего три месяца». Примечательно, что с феноменом бабушек здесь мало кто знаком. В Аргентине нет такого уровня вовлеченности бабушек и дедушек в жизнь внуков, как это принято в России.

«Были и вещи, которые шокировали, – признается Александра. – Например, езда в автобусе иногда становится очень опасной, гоняют тут с неимоверной скоростью. Люди, с одной стороны, очень приветливые, добрые. Но, с другой стороны, здесь нет уважения к соседу. Например, Ваши соседи могут запросто устроить вечеринку в два часа ночи. И никакой звонок в полицию Вас не спасет»[2].

По словам Александры, не сразу получилось привыкнуть к распорядку дня аргентинцев. Здесь принято садиться ужинать часов в 9–10 вечера.

---

[1] Личный архив Е.С. Голоусовой.
[2] Там же.

«Первое время было тяжеловато, потому что для нас типичный ужин начинается часов в 6–7. Но прошло время и я перестроилась, сама сейчас поздно ужинаю», – признается Александра. Далее она отмечает: «Многие вещи ты просто не можешь принять. Например, здесь не принято снимать обувь, когда приходишь в гости. Я как-то мужа попросила, чтобы его друзья, приходя к нам в дом, снимали обувь. Они, конечно, сняли, но я видела, что им было не совсем комфортно. Постепенно я к этому привыкла и сегодня сама по дому хожу в ботинках».

По мнению Александры, эмиграция – это сложный процесс, связанный с разрывом привычных связей и сменой устоявшихся шаблонов.

Среди молодого поколения иммигрантов можно отметить тех, кто приехал в страну с определенной целью (по работе, личным вопросам, в туристических целях) и в конечном итоге решил задержаться. Как например, это произошло с историком из Санкт-Петербурга Александром Дементьевым, который приехал в Аргентину в 2011 г., потому что хотел познакомиться с другим миром. Он свободно говорит на четырех языках и прекрасно знает историю Аргентины. Александр признается, что уехал из родного Санкт-Петербурга, потому что испугался рутины: «Помню, как рассказывал, что хочу увидеть другие страны, а знакомые мужики мне отвечали с высоты своих лет – ну да, мы тоже так в молодости рассуждали, Саня. И тогда я понял: э, нет, ребята, мне не слабо исполнить свою мечту… В Аргентине я понял, что отношение к жизни может быть другим. Люди не загоняют себя до смерти в беличьем колесе. Здесь после школы можно работать механиком, а в тридцать лет спокойно поступить в университет. А почему нет? Ради чего стоит так сильно спешить с карьерой? Здесь можно быть государственным чиновником и критиковать власть направо и налево. В Аргентине всегда был много еды и мало людей.

Национальных амбиций ни у кого нет, и в этом смысле – нет никакой дискриминации»[1].

Можно сказать, что современное поколение мигрантов отличается большей мобильностью, легче приспосабливаются к принимающей культуре, их решение об отъезде из родной страны является самостоятельным, оно не навязано извне, и потому уровень мотивации к тому, чтобы адаптироваться в новой социокультурной среде достаточно высок.

Также можно сказать о том, что в состав современной русскоговорящей общины входят разные люди, с точки зрения половозрастных, профессиональных и социальных характеристик. Тесного и активного взаимодействия как такового нет, но есть профессиональные, корпоративные и иные связи, группы по интересам.

3.3. Институты диаспоры и популяризация русской культуры

Традиционно в местах проживания и в процессе адаптации мигранты создают свои институциональные структуры для поддержания родного языка, национальной культуры, традиций и связей с Родиной. В Аргентины продолжало существовать Кадетское объединение, во главе которого в 1992 г. встал И.Н. Андрушкевич (кадет Первого русского кадетского корпуса в Югославии). В столице устраивались ежемесячные встречи. И.Н. Андрушкевич вспоминал: «На этих встречах, после краткой молитвы, я делал получасовой обзор международного положения, а затем состоялся общий разговор, при чаепитии. На встречах, по традиции, могли присутствовать все кадеты с их семьями, все «институтки»

[1] «Я хотел жить не хорошо, а интересно»: приключения историка из Петербурга в Аргентине. – URL: https://daily.afisha.ru/relationship/9114-ya-hotel-zhit-ne-horosho-a-interesno-priklyucheniya-istorika-iz-peterburga-v-argentine (дата обращения: 01.12.2021).

(воспитанницы Институтов благородных девиц, т.е. дочери офицеров), гимназисты Русско-сербской гимназии в Белграде и специально приглашенные председателем лица»[1]. Эту традицию организаторам удавалось поддерживать не только в 1990-е гг., но и в 2000-е гг.

Неслучаен и тот факт, что российская дипломатия стремилась использовать потенциал тех «пророссийски ориентированных» сообществ Аргентины, которые объединяли не только выходцев из России, но и других республик бывшего Советского Союза. Т.Л. Владимирская указывала на преобладание в Аргентине потомков трудовых эмигрантов, объединенных в значительное (более десяти) число клубов в Буэнос-Айресе. Это были клубы имени В.В. Маяковского, Н.А. Островского, А.С. Пушкина, В.Г. Белинского[2].

Многим представителям российского внешнеполитического ведомства стало очевидно, что необходима серьезная перестройка методов работы с зарубежными соотечественниками. Как отмечалось в официальном издании МИД РФ «Дипломатический вестник», долгое время основным направлением деятельности Общества «Родина» еще в советский период были «культурные контакты с теми, кто разделял нашу тогдашнюю официальную идеологию или был безразличен к ней». Однако, как указывали российские дипломаты, это уже «не отвечало потребностям зарубежных соотечественников»3. Особенно активно поиски такого рода стали предприниматься во второй половине 1990-х гг., когда произошла смена руководства в МИД РФ. Пришедший на пост министра иностранных дел Е.М. Примаков заявил о существовании национальных интересов России, ко-

---

[1] *Андрушкевич И.*Н. Во вторичной послевоенной эмиграции. – С. 240–241.

[2] *Владимирская Т.Л.* Россияне в Аргентине и Парагвае // Русское Зарубежье в Латинской Америке. – М.: ИЛА РАН, 1993. – С. 12–14.

[3] *Ермоленко В.Г., Анучкин-Тимофеев А.С.* Россияне за рубежом: проблемы и перспективы // Дипломатический вестник. – 1993. – № 5-6. – С. 63.

торые необходимо отстаивать, используя разнообразные ресурсы, в том числе и фактор Русского мира.

К числу пророссийски ориентированных структур относились в тот период некоторые объединения белой эмиграции, Федерация бывших советских граждан[1], клуб «Восток», Русский клуб г. Обера. В состав последнего входили наряду с русскими, украинцы, белорусы, поляки, которые являлись потомками трудовой эмиграции. Клуб поддерживался мэрией, среди сотрудников которой было немало представителей славянских общин.

Корпусный дом (так с 1961 г. стали называть дом в поселке Вижа Бажестер, владельцем которого был Союз чинов Русского корпуса) объединял оставшихся в живых представителей белой эмиграции – приверженцев «монархического идеала». Его руководителем была Н.М. Дубко – представительница второй волны эмиграции, уроженка Полтавы, ушедшая на Запад из оккупированного немцами Харькова вместе с матерью и отчимом-казаком[2]. Продолжает выходить промонархическая газета «Наша страна», главным редактором которой с 1993 г. был Н.Л. Казанцев.

В целом к концу 1990-х гг. можно было говорить о традиционной разобщенности выходцев из СССР и России, проживавших в разных государствах мира и представлявших разных волны эмиграции. В частности, с самого начала возникло противостояние между представителями белой эмиграции и перемещенными лицами, хотя постепенно барьеры, разделявшие первую и вторую волны эмиграции, исчезали. Многие представители «второй» эмиграции постепенно восприняли те ценности, которые отличали так называемую «старую» эмиграцию. В эти же годы Т.Ю. Нечаева указывала на то, что русская диаспора

---

[1] См. о ней также: *Сизоненко А.И., Панков Н.А.* Наши соотечественники в Латинской Америке. – М.: Амипресс, 2002. – С. 33.

[2] *Черняев В.Ю.* Голоса Русского Буэнос-Айреса // Зарубежная Россия XX век: Слепухинские чтения – 2016: Труды Междунар. науч. конф. – СПб: Фонд Слепухина: Ладога, 2018. – С. 256.

во многом оказалась сконцентрирована на самой себе: эмигранты «слышат только себя», их размышления о судьбах России часто превращались в монолог, «где мнением слушателя никто не интересуется»[1].

При этом даже в конце XX в. общность исторических судеб, наличие общего источника формирования эмиграции из Российской империи и СССР, вели к тому, что возможности для осуществления совместных акций продолжали существовать. Не случайно в 1990-е гг. в Буэнос-Айресе выходил двуязычный (русско-украинский) еженедельник «Последняя волна – Остання хвиля – La Ultima ola», главным редактором которого была Елена Мищенко, а издателем – потомок русских эмигрантов Роберто Верезубов[2]. На страницах еженедельника происходил диалог представителей различных славянских диаспор в Аргентине.

Местом, где общаются между собой представители двух культур – русской и аргентинской – стал Русский дом (Casa de Rusia) – официальное представительство Россотрудничества в Аргентине. Интерес к русской культуре и русскому языку, вероятно, обусловлен присутствием многочисленных представителей русскоязычного сообщества в Аргентине и восходит ко временам Советского Союза, когда Общество культурных связей с СССР (Sociedad De Relaciones Culturales con la URSS – SARCU) с 1979 по 1995 г. был важным центром, поддерживавшим интерес к русской и советской культуре и русскому языку. Сегодня основное направление деятельности Россотрудничества связано с продвижениями курсов русского языка для аргентинских студентов и предоставлением информации о стипендиях для обучении в России.

Помимо этого в Русском доме периодически проходят встречи соотечественников, проводятся различные форумы, мастер-классы для школьников и взрослых, а также много-

---

[1] *Нечаева Т.Ю.* Адаптация русских эмигрантов в Латинской Америке // Латинская Америка. – 1996. – № 12. – С. 67.

[2] Последняя волна. – Буэнос-Айрес, 1994. – № 1.

численные тематические выставки, ярмарки, литературные вечера и творческие встречи, кинопоказы. Кроме того, здесь есть библиотека, центр прямого доступа к правовой информации, касающейся жизни в России, предоставляются консультационные услуги по правовым вопросам.

Например, в феврале 2022 г. в Русском доме в Буэнос-Айресе была организована онлайн-встреча на тему «Шедевры русской живописи» с искусствоведом Анной Андерсон. В июне здесь прошла Международная образовательно-просветительская акция «Русский диктант для соотечественников». При участии Русского дома в аргентинской столице в центральном зале железнодорожного вокзала Ретиро была организована выставка фотографий победителей Международного конкурса имени Андрея Стенина (2021 г.).

Для многих аргентинцев Россия традиционно ассоциируется с классической музыкой и балетом. И потому известие о том, что государственный академический Большой театр России (ГАБТ) и аргентинский Театр «Колон» (Буэнос-Айрес) заключили договор о сотрудничестве в 2019 г., было с восторгом воспринято представителями обеих сторон, поскольку контакты ведущих театров двух стран будут содействовать взаимному обмену в области сценических искусств[1].

В настоящее время есть значительное число аргентинцев, которые заинтересованы в изучении русского языка, истории и культуры России. Так, один из иностранных студентов, который на данный момент успешно завершил обучение в магистратуре Уральского федерального университета, приехал из Аргентины. Томас – первый магистрант из Аргентины, приехавший в Екатеринбург. Как объясняет молодой человек, он увлекся русской культурой еще тогда, когда учился в школе. И после обучения в бакалавриате в университете Буэнос-Айреса решило подать заявку на обуче-

[1] Современная эмиграция из России и формирование русскоговорящих сообществ за рубежом. – URL: https://publications.hse.ru/articles/222966488 (дата обращения: 21.01.2022).

ние в российском вузе, а затем был распределен в Уральский федеральный университет.

В 2022 г. по инициативе и при непосредственном участии Россотрудничества был запущен проект El Puente de la cultura («Культурный мост»), в котором принимают участие преподаватели и студенты как аргентинских, так и российских вузов, а также люди, которые интересуются культурами обеих стран, хотят совершенствовать свои познания в испанском и русском языках. Встречи проходят в режиме онлайн примерно два раза в месяц. Каждый раз представители аргентинской и российской сторон выступают с презентациями на темы, связанные с различными сторонами культуры, истории и повседневной жизни своих стран. Так, у наших соотечественников появилась возможность в неформальной обстановке более подробно узнать о кулинарных традициях Аргентины, творчестве Хорхе Луиса Борхеса, Хулио Кортасара и обсудить фонетические и семантические особенности аргентинской версии испанского языка. В свою очередь, аргентинские участники могут услышать живую русскую речь, открыть для себя творчество российских и советских писателей, узнать об особенностях жизни и быта русских крестьян, историю царской семьи, полюбоваться прекрасными пейзажами столицы и российской глубинки.

Особо следует сказать о культурном центре «Русский дом» в городе Мар-дель-Плата, который с 1986 г. возглавляет Анна Семеновна Строганова, о которой писалось выше. На тот момент там практически не велось никакой работы по вовлечению членов русскоговорящей диаспоры в социально-культурную жизнь страны. И Анна Семеновна взяла на себя такую функцию. Центральным направлением деятельности Русского дома является развитие культурных связей с между Аргентиной и Россией[1]. При Русском Доме

[1] Татьяна Полоскова. Неправительственные организации России и Аргентины открывают совместный проект. – URL: https://regnum.ru/news/society/1304188.html (дата обращения: 13.05.2022).

г. Мар-дель-Плата действует школа, театральный кружок, хоровая студия, регулярно проводятся выступления мастеров искусств, различные семинары.

За 35 лет существования Русского дома здесь было проведено много различных мероприятий, включая выставки книг, сувениров, детских рисунков, музыкальные фестивали; были организованы курсы по изучению русского языка, проведено множество концертов и кинопоказов с целью популяризации русской культуры в Аргентине. Были налажены добрые взаимоотношения с администрацией города Мар-дель-Плата и Домом дружбы в России. В 2010 г. в Русском доме был торжественно открыт кабинет Русского мира – первый в Латинской Америке проект подобного рода, реализованный фондом «Русский мир»[1].

В Мар-дель-Плата побывали москвички Тамара Сандамирова и Галина Петрова (заслуженный художник России, член правления МОСХ), которые экспонировали свои работы в самом престижном выставочном зале города в театре «Аудиториум». В городе выступали юные и профессиональные танцоры из Томска. После того, как в 2000 г. SARU (Sociedad De Relaciones Culturales con la URSS – Общество культурных связей с СССР) было переименовано в «Русский Дом», продолжается работа по сближению культур двух стран. Так, в том же году совместно с «Cinemateca Argentina» в главных кинотеатрах города на протяжении недели проводился кинофестиваль лент из советского и мирового кинофондов.

Стоит отметить, что именно А.С. Строганова стала инициатором внесения изменений в закон об эмигрантах – выходцах из бывшего СССР. В настоящее время новым эмигрантам, в частности, оказывается бесплатная помощь в

[1] Татьяна Полоскова. Неправительственные организации России и Аргентины открывают совместный проект. – URL: https://regnum.ru/news/society/1304188.html (дата обращения: 13.05.2022).

вопросах трудоустройства и оформления документов[1]. Сегодня Русский дом в Мар-дель-Плата – это одна из самых активных общественных организаций наших соотечественников за рубежом.

В Аргентине есть и другие учреждения русской диаспоры. В их числе – Русская православная ассоциация, Ассоциация выпускников кадетских учебных заведений Аргентины, детская студия «Родничок», которые находятся не только в столице, но и в таких городах, как Барилоче, Сан-Луис.

Также стоит назвать Координационный Совет организаций российских соотечественников Аргентины – орган возникшего в 2007 г. движения соотечественников, в состав которого входят различные независимые организации российских соотечественников. Цель Совета – «укрепить и объединить русские общины, базирующиеся в Аргентине, облегчить коммуникацию, также распространять среди этих сообществ культуру, науку, искусство и традиции России»[2]. Есть также Молодежный координационный совет соотечественников, проживающих в Аргентине.

В настоящее время, хотя и не так активно, но продолжают функционировать культурно-спортивные клубы имени Николая Островского, Виссариона Белинского, Александра Пушкина, Максима Горького и Владимира Маяковского, основанные еще в середине XX в. Как отметила А. Строганова, их деятельность направлена не только на сохранение этнической идентичности потомков выходцев из России, но и на популяризацию русской культуры в Аргентине. «Клубы, объединившие 4000–5000 человек... а здесь, в большом

---

[1] Открытое письмо в адрес «Русского дома» в г. Мар-дель-Плата (Аргентина). URL: https://russkiymir.ru/news/216942 (дата обращения: 12.04.2022)

[2] Координационный совет организаций российских соотечественников Аргентины. – URL: https://rusosenargentina.com/ru (дата обращения: 12.04.2022)

городе Буэнос-Айресе, их сложно сосчитать!! Ни один из них никогда не проявлял отрицательного отношения к родине своих предков!!! Напротив. Внутри этих клубов установились дружеские отношения с местными муниципалитетами и их жителями. Местные жители были приобщены к русской культуре, и в то же время члены этих клубов всегда были открыты местным культурным традициям, существующим в Аргентине»[1].

Надо сказать, что клубы являются важным фактором успешной адаптации иммигрантов в новой социокультурной среде, помогают наладить коммуникацию с другими членами социума. Многие из этих клубов были основаны после окончания Второй мировой войны. Наиболее известные из них клуб имени Владимира Маяковского, клуб имени Максима Горького, клуб «Алексей Толстой», клуб имени Белинского, «Пушкин-клуб». Нам удалось пообщаться с Валерием Ереминым, президентом клуба имени Владимира Маяковского. Он отметил: «Из наиболее активно функционирующих можно выделить 5–6 клубов. Нашему – клубу Владимира Маяковского – исполняется 75 лет. Ранее в клубах были представлены три диаспоры – русская, украинская, белорусская. Эти клубы были основаны иммигрантами преимущественно второй волны. Я наш клуб позиционирую как ruso (русский), потому что я себя ощущаю русским, корни у меня русские»[2].

Правда, по словам Валерия, последнее время интерес к деятельности клубов снизился: «Я не знаю, с чем это связано, потому что я вижу, что народ из России и из других стран постсоветского пространства приезжает. Мы все живем разобщенно, и мне это очень больно. Видимо, у людей нет потребности общаться, они не хотят участвовать в на-

---

[1] Открытое письмо в адрес «Русского дома» в г. Мар-дель-Плата (Аргентина). – URL: https://russkiymir.ru/news/216942 (дата обращения: 12.03.2022).

[2] Личный архив Е.С. Голоусовой.

ших торжествах, культурных фестивалях, которые мы регулярно проводим. Я встречаю соотечественников, приглашаю их к нам на мероприятия, но они не спешат».

Наталья (более 20 лет живет в Аргентине) также отмечает, что сегодня «среди эмигрантов наблюдается меньшее стремление выстраивать социальные связи, сегодня каждый больше сам по себе». Вероятно, такое положение вещей стало результатом общей фрагментации общества, а не только представителей русскоговорящей диаспоры.

Отдельно необходимо сказать о роли Русской православной церкви в жизни современной русскоговорящей диаспоры, которая сыграла важную роль в адаптации русских эмигрантов и поддержании идентичности. Церковные приходы всегда на аргентинской земле были центрами консолидации русской общины.

В настоящий момент в Аргентине действует несколько православных епархий и юрисдикций. Самая известная – это русская церковь Буэнос-Айреса – Церковь Пресвятой Троицы, расположенная на улице Бразилии. Много лет церковь Пресвятой Троицы была центром белой эмиграции. Настоятель храма Александр Ивашевич с самого раннего детства знает Свято-Троицкую церковь и ее прихожан. Он – сын православного священника Валентина Ивашевича и матушки Марфы, эмигрант во втором поколении. Бабушка и дедушка отца Александра уехали в Аргентину из Западной Беларуси в 1936 г.[1]

Помимо Свято-Троицкой церкви на территории Аргентины также действуют Воскресенский Собор, Благовещенский Кафедральный Собор, Кафедральный собор Сан-Карлос-де-Барилоче и др.

Также необходимо сказать о Храме Святых Царственных Страстотерпцев, который находится в г. Мар-дель-Плата. Это, пожалуй, единственная церковь в Аргентине, кото-

[1] Аргентинская епархия. – URL: https://hranitel.club/260-argentinskaya-eparhiya (дата обращения 15.02.2022).

рая не только сохранила традиционный внешний облик Русской православной церкви, но и переняла архитектурную независимость от прочих посторонних построек вокруг. Это делает данный храм уникальным по сравнению с другими православными церквями, расположенными в Буэнос-Айресе.

По словам иеромонаха Герасима (Войцеховского), в чьем ведении находится храм в настоящее время, для верующих людей, которые покинули свою Родину, отсутствие возможности исповедоваться, участвовать в храмовых богослужениях, приобщаться к Божественной Литургии стало огромной проблемой. «До постройки нашего храма ближайшим от Мар-дель-Плата православным храмом был Кафедральный собор в Буэнос-Айресе, а он находится в 500 км от нашего города. Из-за этого далеко не все верующие могли хотя бы раз в месяц приезжать на богослужения. В 2006 г. собралась инициативная группа православных из Мар-дель-Плата. Активисты вышли к мэру города с предложением о выделении участка земли под строительство»[1], – поясняет отец Герасим.

В 2010 г. храм посетила делегация из Санкт-Петербурга – города-побратима Мар-дел-Плата во главе с В.И. Матвиенко, которая передала в дар иконы Царской семьи и Святителя Николая[2].

По словам настоятеля храма, в основном сейчас на богослужение приходят русские, украинцы и белорусы. Но иногда заходят на службу местные жители – аргентинцы. «Меня очень удивляет тот факт, когда они, абсолютно не зная русского языка, а тем более церковнославянского, подолгу стоят на службе, вслушиваются в молитвы. Заметно,

---

[1] Как царская семья объединила православные церкви за границей. – URL: https://mamlas.livejournal.com/6741320.html (дата обращения 15.02.2022).

[2] Матвиенко открыла памятник русским первопроходцам в Аргентине. – URL: https://www.vesti.ru/article/2139596 (дата обращения: 11.04.2022).

как они молятся. Удивляешься тому, с каким большим благоговением они относятся к православным святыням, подходят ко кресту, целуют иконы, берут благословение. Все это показывает особое уважение к православию, а возможно, Господь приведет кого-то из них к православной вере»[1], – делится впечатлениями отец Герасим.

Наличие православных церквей и приходов на территории Аргентины, начиная с рубежа XIX – начала XX в., а также возведение новых православных храмов позволило членам русскоговорящей общины воссоздать те элементы прошлой жизни, которые им помогали чувствовать близость к родному дому. Человеку, который находится на чужбине, вдали от родины, свойственно искать символы родного дома, те нити, которые его соединят с родной культурой. Одним из таких символов для многих эмигрантов стала Русская православная церковь.

3.4. Идентичность и ценностные установки русских эмигрантов

В целом, можно отметить, что в Аргентине, как и в ряде других стран, русская эмиграция была слабо организована, а иногда и разъединена по идеологическим и даже сословным признакам. Поэтому многое зависело не только от организационной структуры, как это имело место в еврейских и армянских диаспорах, но и от личного влияния наиболее знаковых фигур. Одним из лидеров и ярких представителей и идейных вдохновителей русскоязычной диаспоры был Игорь Николаевич Андрушкевич. Он родился в 1927 г. в Белграде. Окончил школу и в 1938 г. поступил в 1-й русский великого князя Константина Константиновича кадет-

[1] Как царская семья объединила православные церкви за границей. – URL: https://mamlas.livejournal.com/6741320.html (дата обращения: 20.03.2022).

ский корпус. В Аргентину приехал в 1948 г. К сожалению, Игорь Николаевич ушел из жизни в августе 2021 г., но мы приведем фрагменты интервью, которое нам удалось взять у него в декабре 2016 г. Он вспоминал: «А в Аргентину мы приехали в 1948 году. Война закончилась, но стали ходить слухи, что грянет третья мировая и всех эмигрантов найдут и расстреляют. Аргентина тогда принимала беженцев, и мама с двумя моими младшими сестрами, младшим братом и мной решила ехать. Мы ни были не одни – с нами отправились со всей Европы около 10 тысяч русских»[1].

В Аргентине Игорь, которому тогда исполнился 21 год, узнал, что с кадетским образованием принимают на журфак. За два месяца молодой человек выучил испанский язык и поступил в университет. Позднее навыки в области гуманитарных наук и журналистики пригодились во время работы в гимназии – Игорь Николаевич более 30 лет преподавал историю России и государствоведение в русской субботней гимназии Организации российских юных разведчиков (ОРЮР) Буэнос-Айреса. Более того, Игорь Николаевич сотрудничал с русской газетой «Наша страна», был редактором изданий «Кадетского письма», «Кадетской переклички» и «Русских тетрадей»[2].

Говоря о жизни в эмиграции и адаптации к новой среде, Игорь Николаевич отмечал особую роль православия и русской церкви, в частности. По мнению Андрушкевича, современную русскую диаспору можно условно поделить на две (по крайней мере) группы: «В первую входят потомки белоэмигрантов, духовно связанные с Церковью. К ним примыкает большая часть потомков эмигрантов второй волны, поднявшейся после Второй мировой войны. Тем из них, кто еще не был воцерковлен, прививала основы веры первая эмиграция. Вторую группу составляют эмигранты

[1] Личный архив Е.С. Голоусовой.

[2] Русская стратегия. Интервью с И.Н. Андрушкевичем. – URL: http://rys-strategia.ru/news/2020-03-18-9246 (дата обращения: 21.12.2021).

последующих волн, испытавшие на себе более длительное влияние государственного атеизма. В большинстве своем они мало знакомы с Церковью»[1].

Надо сказать, что сам И.Н. Андрушкевич с момента приезда в Аргентину в 1948 г. был членом прихода Воскресенского кафедрального собора Русской зарубежной церкви в Буэнос-Айресе. Вот что он рассказывал: «В нем я венчался в 1958 г. и крестил троих сыновей. Один из них 4 года назад обвенчался в этом же храме. Около 30 лет я ходил и окормлялся в Сергиевском приходе, что в столичном пригороде Вижа-Бажестер, а в 2007 г. назад вернулся в приход Воскресенского собора»[2].

К слову сказать, Игорь Николаевич изъяснялся на чистейшем русском языке, при этом прекрасно владел испанским, английским, немецким и французским. На вопрос: «С какой культурой вы чувствуете более тесные связи – русской или аргентинской?» – Игорь Николаевич ответил: «Знаете, мать, у которой несколько детей, любит каждого из них по-своему. Конечно, я глубоко в душе сохранил любовь к России, но я также чувствую тесную связь с аргентинской культурой. А мои сыновья (у меня их трое) выросли здесь, но они свободно говорят по-русски. Ведь дома мы всегда говорим на русском. Мне кажется, что независимо от того, где человек живет, важно не терять связи с родной культурой»[3].

Некоторые представители старшего поколения диаспоры также отмечают, что идентичность эмигранта формируется на стыке двух культур, элементы которых тесно соприкасаются между собой. Те русские, которые сегодня живут в Аргентине, стараются не забыть русский язык. Удастся ли

---

[1] Из интервью И.Н. Андрушкевича порталу Pravoslavie. – URL: https://pravoslavie.ru/83683.html (дата обращения: 1.06.2022).

[2] Там же.

[3] Интервью с И.Н. Андрушкевичем. Декабрь 2016 г. // Личный архив Е.С. Голоусовой.

им это сделать, будет зависеть от особенностей конкретной семьи. Если родители хотят, чтобы их дети продолжали общаться с родной культурой, то они будут общаться только на русском языке. В некоторых случаях родители поощряют своих детей говорить по-русски, как это произошло с потомком русских эмигрантов Леонардо Головановым: «Я приемный сын русских родителей. Вырос в русской семье, меня воспитали в русском духе. В нашем доме было принято говорить исключительно на русском. И эта традиция сохраняется и по сей день. Мои дети вначале учили русский, а уже затем, в подростковом возрасте, начали учить испанский»[1].

По мнению Леонардо, очень много зависит от самоопределения – кем себя человек считает, с какой культурой идентифицирует: «Я родился в Аргентине и принадлежу ко второму поколению русских, которые родились за рубежом. Мои дети – третье поколения Головановых, которые родились за рубежом. И мы все считаем себя русскими. А какой-нибудь Иванов считает себя аргентинцем. Так что все дело в самоопределении».

Надо сказать, что Леонардо тоже прекрасно говорит по-русски, без малейшего акцента. Он поясняет: «У представителей других волн эмиграции, которые уже были после войны, отношения с языком пятьдесят на пятьдесят. Кто-то сохранил русский язык, кто-то ассимилировался и общается только на испанском. Если человек смог сберечь русский язык, может говорить на нем, читать, смотреть фильмы, то у него есть все, чтобы иметь доступ к современной жизни русского человека. Такие люди включаются в общины, отдают своих детей в русские школы или на уроки русского языка, водят на различные кружки»[2].

Стоит отметить, что представители молодого поколения в значительной степени интегрированы в местное со-

[1] Интервью с Леонардо Головановом. Декабрь 2016 г. // Личный архив Е.С. Голоусовой.

[2] Там же.

общество с лингвистической точки зрения. Многие члены современной диаспоры свободно владеют испанским языком, поскольку они выросли в латиноамериканской среде, посещали местные учебные заведения, а большинство деловых контактов обычно устанавливаются на испанском языке. Более того, некоторые представители общины сталкиваются с обратной проблемой – начинают забывать свой родной язык.

Например, Максим Лемос, русский гид (проживает в Буэнос-Айресе с 2011 г.), рассуждая о лингвистической составляющей и стратегиях адаптации к новому социуму, отмечает следующую особенность, связанную с манерой коммуникации некоторых русских эмигрантов: «Может показаться невероятным, но я встречал большое количество русских, которые после некоторого времени проживания за границей начали путаться в своем родном языке… Эмигрировав, ну например в Аргентину, человек срочно хочет стать аргентинцем. Сперва эти люди настолько стремятся поскорей овладеть языком страны, в которую переехали, что в общении с русскими эмигрантами же, начинают заменять русские слова на иностранные (те, которые знают). В итоге человек начинает разговаривать на неком суржике – смеси двух языков. При этом иностранный язык у такого типа людей хромает. А дальше человек просто привыкает заменять, скажем слово «пошли» словом «vamos», и ему уже тяжело разделить в голове 2 языка. В итоге человек не говорит толком ни на одном, ни на другом языке… По моим наблюдениям, человек хорошо говорящий на иностранном языке, отлично говорит и по-русски, независимо от количества лет проведенных на чужбине».

Сам Максим идентифицирует себя прежде всего с русской культурой: «Я русский независимо от того, кем я хочу быть и кем себя считаю. Для всех окружающих я – русский. Я ценен для этого мира как русский, и интересен другим (в том числе и аргентинцам) как русский. И если я начну

притворяться аргентинцем, копируя их менталитет и привычки, я буду выглядеть как шут гороховый!»[1]

На наш взгляд, речь скорее всего идет о попытке полной ассимиляции и погружении в новое лингво-культурологическое пространство. Вероятно, кому-то это удается. В целом же можно сказать, что процессы освоения новых лингвострановедческих конструкций у всех проходят по-разному. Кто-то способен быстро переключиться на иную среду и провести четкую границу между русскоязычной и испаноязычной картинами мира. Для кого-то это сделать сложнее. Все это очень индивидуально. По своему опыту могу сказать, что практически все члены русскоговорящего сообщества, с которыми мне довелось пообщаться, находясь в Аргентине, совершенно легко переходили с одного языка на другой, фразы на русском языке строили грамотно с соблюдением стилистических норм. Возможно, в отдельных случаях, менялась интонация, но, на наш взгляд, это не настолько существенно, главное, чтобы не утрачивались общий смысл и ключевая идея высказываний.

Еще одни представительницы русскоязычного сообщества Аргентины – сестры Анна Мария и Сильвана Ярмолюк. Анна и Сильвана – режиссеры-документалисты, они снимают фильмы о русской эмиграции в Аргентине. Сильвана родилась в Алуште, Анна появилась на свет в курортном городке Мар-дель-Плата. В настоящее время Сильвана возглавляет Координационный совет русскоязычных соотечественников Аргентины. Она рассказывает о своей семье следующее: «Мои дедушка и бабушка по линии отца уехали из Украины в 1930-х годах, когда их территория была отдана Польше, еще в 20-х годах, Россией. Так уехало очень много людей, не только с Западной Украины, но и с Белоруссии. И у них было два варианта поехать куда-нибудь: в Канаду и в Парагвай. Так что мои родители, бабушки, их

---

[1] *Максим Лемос*. Гид в Латинской Америке. – URL: https://ru-ar.ru/obomne (дата обращения: 07.02.2022) (пунктуация автора сохранена).

братья и в том числе мой отец, который только родился в 1934 году, они уехали в Парагвай. Там чуть ли не в джунглях они проживали где-то лет 10–12. Потом, когда была военная диктатура в Парагвае, они переехали в Аргентину. Не только они, но все также. Создали там пять районов, так сказать, советских. И в этих районах в 40-х годах создали 7 клубов, которые существуют до сих пор. Клуб – это здание площадью где-то 200 кв.м. Они создали школы на русском языке. И вот эти клубы существуют до сих пор».

Когда в 1950-е гг. этих людей пригласили репатриироваться, многие приехали обратно, в том числе бабушка Сильваны: «И они приехали, но дети уже были аргентинцами. Там моя мама, которая из Сибири (она из Томска), познакомилась с моим отцом на Украине в Крыму, и в 1965-м году они вернулись в Аргентину, то есть мой отец вернулся, а моя мама первый раз поехала. Они создали заново семью там»[1].

Сильвана также отмечает, что проблема языковой идентичности сегодня стоит остро: «У нас есть разные клубы, где преподается русский язык, но в основном там учатся аргентинцы, которые очень интересуются российской культурой, но вот билингвальных школ и школ официальных нет. Это у нас волнующий вопрос. И еще волнующий вопрос молодежи, конечно. Потому что к нам в 90-х годах, как и в другие страны, очень много приехало эмигрантов. Сейчас растет уже второе поколение в Аргентине и второе поколение практически не говорит по-русски. И это у нас тема очень волнующая»[2].

В 1994 г. Сильвана и Анна окончили ВГИК, вернулись в Аргентину и в течение многих лет преподают в мастерской одной из киношкол Аргентины, снимают документальные фильмы. В 2018 г. вышел проект под названием «Володя», над которым сестры работали в течение семи лет.

[1] Интервью с Сильваной и Анной Ярмолюк. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=C0lPRYsZQ-E&t=708s (дата обращения: 1.05.2022).

[2] Там же.

Фильм повествует о российских моряках, оказавшихся на территории Аргентины после распада СССР.

Между собой сестры Ярмолюк предпочитают общаться на испанском, но при необходимости легко переходят на русский язык. «Русский язык выучили благодаря настойчивости нашей мамы, – говорит одна из сестер. – Она сказала, что на улице можем говорить, как хотим, а дома только по-русски». К слову сказать, мама Анна и Сильваны – Анна Семеновна Строганова возглавляет работу "Русского дома" в городе Мар-дель-Плата».

С другой стороны, Сильвана убеждена, что «русский мир шире, чем русский язык». Вот что она говорит об этом: «Россия, когда решила объединить соотечественников, имела в виду людей, которые уехали в 90-х годах, а Русский мир шире, чем русский язык. Русский мир, в частности, может объединить и всех выпускников российских и советских вузов. Россия должна это понять... Например, у нас в клубах танцуют ребята – представители русских эмигрантов в четвертом-пятом поколении, и они не говорят по-русски, но очень живо интересуются Россией, ее культурой, историей, а у нас для испаноязычных нет ни одной образовательной программы. Я считаю, что у молодых потомков мигрантов должна быть возможность узнавать Россию на их родном испанском языке»[1].

3.5. Аргентина в русскоязычном медиапространстве (на основе анализа Youtube-влогов)

Известно, что в результате контактов и связей, межкультурных коммуникаций формируется образ одного народа в восприятии другого. На протяжении более чем сто-

[1] *Сильвана Ярмолюк-Строганова*. Когда в аргентинской школе я говорила о победе СССР над нацизмом, на меня смотрели как на врага. – URL: https://russkiymir.ru/publications/277621 (дата обращения: 13.01.2022)

летия складывался образ Аргентины как страны-реципиента в восприятии русских эмигрантов. Ряд представителей современного русскоговорящего сообщества активно заявляет о себе в сети интернете. Достаточно большое число видеороликов содержит информацию о культурных особенностях Аргентины, о менталитете людей.

Классическая схема повествования – это своего рода ответы на вопросы «Как здесь оказался?», «Чем я занимаюсь в данный момент», «Мои советы желающим приехать». Кто-то больше сосредотачивается на профессиональных советах, кто-то рассказывает об общих впечатлениях, делится собственным опытом. Есть выпуски как на русском (молодежь, люди среднего поколения), так и на испанском языках (такие ролик, как правило, записывают молодые люди и девушки).

Если говорить о центральных темах, то здесь можно выделить несколько из них. Первая – это повествования авторов, которые размышляют о культурных сходствах и различиях между Россией и Аргентиной, рассуждают об особенностях аргентинского менталитета.

Например, блогер Leonid Timo (90 тыс. подписчиков) в своем канале, который он ведет на платформе Youtube рассказывает о тонкостях повседневной жизни, о том, с какими проблемами пришлось столкнуться в первые месяцы после приезда. Сам Леонид так рассказывает о себе: «Всем привет. Меня зовут Леонид. Я живу в Аргентине. Я создал этот видео канал для того, чтобы вы увидели и узнали больше о жизни в городе Буэнос-Айрес и Аргентине вообще. Как живут в Южной Америке, чем занимаются и как отдыхают. Видео о жизни и отдыхе в Аргентине, город Буэнос-Айрес, парки, проспекты, магазины, путешествия по стране, кулинарные рецепты и много других интересных видео. Рыбалка и туризм. Добро пожаловать на мой канал! LeonidTimo. АРГЕНТИНА»[1].

---

[1] Канал Leonid Timo. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=mY9q__HGkTA (дата обращения: 1.06.2022).

Приведем примеры анонсов – «Прогулка по самому дорогому району Буэноса-Айреса», «Свое дело в Аргентине. Регистрация и налоги», «Крутая рыбалка с ночевкой на озере», «Шикарный обед, приготовленный на костре», «Поход по магазинам Буэнос-Айреса», «Почему мы снимаем маленькую квартиру. Фобия или опыт?», «Как я учил испанский в Аргентине», «Я здесь живу уже 20 лет, а они до сих пор русский не выучили». Леонид рассказывает о том, как пережили пандемию коронавируса, как реагировали аргентинцы на ограничения и т.п. Он показывает природу, снимает местные достопримечательности, готовит специальные выпуски с интервью эмигрантов, которые делятся опытом переезда в эту латиноамериканскую страну.

Все выпуски сняты на русском, видео отличаются высоким уровнем монтажа. Можно предположить, что потенциальная аудитория – это русскоязычная община в России, Аргентине, а также люди, которые проживают за пределами Аргентины, но интересуются повседневными нюансами и особенностями менталитета местных жителей.

Довольно часто русскоязычные пользователи, говоря о положительных сторонах жизни в Аргентине, отмечают приветливость и доброжелательный настрой местных жителей, теплое отношение к приезжим, красивую природу, мягкий климат. Например, пользовательница платформы Youtube, Виктория рассказывает о своем опыте жизни в Аргентине на канале Milagrochuchi. Виктория записывает видео на испанском. В одном из роликов она как раз говорит о том, насколько тепло и радушно аргентинцы относятся к иностранцам, всегда готовы помочь, дать совет, указать верный маршрут, если ты вдруг потерялся. Девушка делится своими впечатлениями о стране, об особенностях ее архитектуры, гастрономических традициях. В одном из выпусков она сообщает, что ее удивило в культуре повседневной жизни аргентинцев, а именно: «Здесь все делается мед-

ленно и люди никуда не спешат. Например, если написано, что магазин работает с 5 часов, то его, скорей всего откроют в 5:30–5:40. То же самое с доставкой, вам будут повторять «mañana", что в переводе означает "завтра", но завтра ситуация вряд ли изменится. При этом дело так и будет стоять на месте»[1].

Среди недостатков современной жизни в Аргентине называется высокий уровень инфляции, ведущий к стремительному росту цен, постоянные очереди (см., например, канал пользователя Nata Yermakova (945 подписчиков)[2].

Еще одну категорию программ представляют те, в которых содержатся профессиональные советы на темы: «Как выгоднее снять жилье», «Где найти работу эмигранту», «Как получить гражданство?». Например, пользователь Татьяна Назарова на своем канале Go Latina рассказывает о легальных способах получения аргентинского гражданства[3]. В отдельном выпуске та же автор предлагает сравнительный обзор уровня цен в Чили и Аргентине. Еще один автор Мария (ArgenWorld, 3,28 тыс. подписчиков) делится советами о том, как получить бесплатное образование и начать свой бизнес в Аргентине[4]. А пользователь Татьяна, автор канала Llama Madama (771 подписчик), дает рекомендации относительно того, где лучше искать работу[5].

К третьей категории программ можно отнести личные истории, в которых герои делятся самыми разными деталя-

---

[1] Канал Milagrochuchi. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=LVx5t5WL4_4 (дата обращения: 1.03.2022).

[2] Канал Nata Yermakova. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=hh5qF3buZwk (дата обращения 1.06.2022).

[3] Канал Go Latina. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=UrMUNITL2DU (дата обращения 1.06.2022).

[4] Канал ArgenWorld. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=R7Xomu8PLrY (дата обращения 1.06.2022).

[5] Канал Llama Madama. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=20sr4rWNBqYз (дата обращения 1.06.2022).

ми своей жизни, так или иначе связанными с Аргентиной. Например, автор под ником Llama Madama в одном из выпусков рассказывает о том, как она переехала в Латинскую Америку и основала свою школу аргентинского испанского[1].

Еще одна русскоязычная пользовательница канала Hola soy Katya 2RU (40,7 тыс. подписчиков) в одном из выпусков рассказывает о своих впечатлениях о жизни в Аргентине, а также о том, как у нее зародился интерес в культуре Латинской Америки. Так, девушка признается: «Я с детства любила смотреть латиноамериканские сериалы, особенно аргентинские. Благодаря сериалам я узнала много слов на испанском, познакомилась с их манерой речи. Кроме того, я хорошо выучила испанский язык именно благодаря сериалам, поэтому я просто обожаю Аргентину. Когда я была в Чили, я была полон решимости посетить Аргентину, поэтому в декабре 2016 г. я отправилась туда»[2].

Можно сделать вывод, что наиболее популярными и востребованными темами у представлений русскоговорящего сообщества будут те, которые содержат советы и практические рекомендации. Кроме того, интерес вызывают интервью с эмигрантами, рассказы о решении каких-то бытовых проблем. Также успехом при условии качественного монтажа и четкого звука пользуются описательные видео в стиле lifestyle, репортажи о событиях повседневной жизни с подробным описанием деталей и демонстрацией местной флоры и фауны.

В целом можно сказать, что образ Аргентины в онлайн пространстве положительный, местами слегка романтизированный. Авторы не избегают субъективных оценок, но

---

[1] Канал Llama Madama. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=20sr4rWNBqYз (дата обращения 1.06.2022).

[2] Канал Hola soy Katya 2RU. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=L9G_ZFNJ0n4 (дата обращения: 21.03.2022).

при этом не боятся говорить открыто о своих впечатлениях, опыте жизни в новой культурной среде. Полагаем, что отдельные рекомендации и советы членов русскоговорящего сообщества могут помочь найти ответы на сложные вопросы всем желающим и стать подспорьем в принятии важных жизненных решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История эмиграции из нашей страны в Аргентину насчитывает уже более 100 лет. Однако русская диаспора в этой латиноамериканской стране сформировалась далеко не сразу. В конце XIX – начале XX в. состав эмигрантов из Российской империи препятствовал возникновению в Аргентине развитой инфраструктуры Русского зарубежья. Тем не менее, уже в этот период начали формироваться организации взаимопомощи, которые стали основой для формирования различных союзов трудовых эмигрантов из Российской империи. В 1920–1930-е гг. к ним примкнули выходцы из украинских и белорусских районов Польши. Для значительной части этих людей Советский Союз – государство рабочих и крестьян, провозглашавшее лозунги социальной справедливости, было своеобразным маяком. Уже в довоенный период началось активное сотрудничество этой части эмигрантов с дипломатическими учреждениями СССР, которое развивалось в годы Второй мировой войны. Продолжалось оно и в послевоенный период, хотя атмосфера холодной войны, политика аргентинских властей часто препятствовали взаимодействию между диаспорой и метрополией.

Вместе с тем уже в межвоенный период начала формироваться инфраструктура антикоммунистического Русского зарубежья, у истоков которой стояли представители белой эмиграции. Новый импульс антикоммунистическим настроениям придал приезд в Аргентину белоэмигрантов из Европы и перемещенных лиц – выходцев из России и СССР. Среди этих людей было немало тех, кто активно сотрудничал с нацистами и их союзниками, что не могло не повлиять на атмосферу в русской диаспоре в Аргентине эпохи холодной войны. В 1940–1970-е гг. в стране сущест-

вовало множество антикоммунистических структур, в руководстве которых были представители русской военной эмиграции, казачества, интеллигенции. Эти люди категорически отказывались взаимодействовать с советскими структурами, активно препятствовали репатриации советских граждан. Данную часть эмиграции активно использовали в своих политических целях и спецслужбы ряда государств, в том числе Аргентины. К 1980-м гг. большинство лидеров белой эмиграции ушли из жизни, однако ее отдельные представители успели застать события перестройки М.С. Горбачева и распада СССР. Как показало проведенное исследование, белая эмиграция с тревогой следила за коллапсом единого государства, указывая на опасность резкого ослабления позиций России на мировой арене.

Прибытие в Аргентину эмигрантов из посткоммунистической России в 1990–2000-е гг. сформировало феномен, известный как «новое Российское зарубежье». В монографии показано, что его представители используют различные стратегии интеграции в принимающее общество. Вместе с тем, для всех групп эмигрантов из России как в XX в., так и новом тысячелетии актуальным является вопрос культурной, социальной, профессиональной адаптации к условиям жизни в новой стране. Успешность этого процесса зависит как от личных качеств эмигрантов, их умения гибко реагировать на изменившиеся условия, так и от законодательства Аргентины.

Вместе с тем материал монографии доказывает и тот факт, что русская эмиграция в Аргентине всегда являлась мощным ресурсом, который использовался различными силами в политическом противостоянии. Это было особенно характерно для эпохи холодной войны, однако значимость этого фактора нельзя недооценивать и сейчас. В новой геополитической ситуации особенно значимым становится обращение к сложной и противоречивой истории такого феномена, как русская эмиграция в Аргентине.

В современной международной ситуации государства Латинской Америки и Карибского бассейна представляют для Российской Федерации особый геополитический интерес. Следует учитывать и тот факт, что сегодня в регионе проживают около 130 тыс. представителей русскоязычного сообщества. Эту часть зарубежного мира наша страна рассматривает как соотечественников, которые связаны с Россией культурными, языковыми и духовными узами, а сложившуюся за рубежом русскую диаспору – Русский мир – в качестве партнера в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры. Установившаяся практика институциональных взаимодействий нашего государства с соотечественниками (или «сетевой дипломатии») в глобальном мире открывает дополнительные возможности для укрепления позиций России в ибероамериканском мире.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Мосейкина Марина Николаевна,
Антошин Алексей Валерьевич,
Голоусова Елизавета Сергеевна

РУССКАЯ ДИАСПОРА В АРГЕНТИНЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Е.В. Попова*
Компьютерная верстка *Н.В. Малаховская*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 29.06.2022. Формат $60\times{}^{84}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс
Усл. печ. л. 16,6. Тираж 500 экз. Заказ 800

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41
E-mail: publishing@rudn.ru